

Выпуск № 1, 2026

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2026. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2026. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novochoerkassk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Марков А.В., Штайн О.А.** Карта внутреннего диалога: композиция текста и топоса как акт автокоммуникации 5
- Горелов О.С.** Птицы в поэзии Михаила Еремина: синтагматический ареал. Часть 2 15
- Дубаков Л.В.** Апологизация буддизма в сборнике стихотворений князя Э.Э. Ухтомского «Из прошлого» 25
- Симакова В.Е.** И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский в контексте мирового авангарда 32
- Баронова Е.В., Волгина О.В.** Неомедиевистика и интертекстуальность в графическом романе Н. Геймана «Песочный человек» 39
- Гагарина Д.Ю.** Мотив тоски в романе А. Асимана «Гарвардская площадь» 47

Языкознание

- Куражова И.В.** Фразеологизмы в качестве прецедентных феноменов в текстах британских СМИ 56
- Лутцева М.В.** Структурные модели терминов цифрового права в английском языке 62
- Хабибуллина Л.Г.** Сложноспаянное предложение в татарском языке 67

История

- Макаров Н.А.** История создания тарифа 1811 г. и «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.» 73
- Подлесных С.Н.** Определение на судейские должности раненых офицеров-участников Отечественной войны 1812 г. 81
- Зверев В.О.** Осведомленность контрразведки о пропагандистских угрозах на фронтах Первой мировой войны 89
- Ветошкин Н.А.** Противотанковая оборона в польской и французской кампаниях 1939—1940 годов. Оценки командования Красной армии 98
- Лебедев А.В., Горячкин Д.А.** Новая экономическая политика на автомобильном транспорте РСФСР (по материалам Верхнего Поволжья) 105
- Тряхов И.С.** К вопросу о торфодобыче в годы Великой Отечественной войны: оценки историографии и исторические источники по теме (на материалах Государственного архива Владимирской области) 113

Философия

- Булычев И.И., Кирюшин А.Н.** О двух типах искусственного интеллекта 123
- Волкова В.О., Волков И.Е.** Можно ли логические утверждения выразить живыми словами? (Феноменология языка) 134
- Брагин А.В.** Следы прежних ноосфер в истории Земли: проблема реконструкции и истолкования 142
- Артамонов А.О.** Исследование видеоигр в контексте концепции нарративной идентичности П. Рикера 157

Обзор

- Пронина Е.В.** Новые материалы о творческом наследии Л.Н. Толстого в журнале «Два века русской классики» 164

Юбилейное

- Шилова Е.А.** В науке нет провинций: к юбилею профессора О.М. Карповой 176
- Карпова О.М.** Англоязычная терминология в электронно-цифровую эпоху 184
- Денисов К.М., Карпова О.М.** Новый мир и цифровая эпоха лексикографии. Рец. на сборник: Internet Lexicography, ed. by A. Klosa-Kückelhaus, Lexicographica Series Major, 2024, vol. 164, 312 p. 192

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Markov A.V., Shtayn O.A.** The Map of Self-Dialogue: text and topos composition as an act of auto-communication 5
- Gorelov O.S.** Birds in the poetry of Mikhail Yeryomin: the syntagmatic range. Part 2 15
- Dubakov L.V.** Apologization of Buddhism in the collection of poems by Prince E.E. Ukhtomsky “From the Past” 25
- Simakova V.E.** Ilya Zdanevich and Boris Poplavsky in the context of the world avant-garde 32
- Baronova E.V., Volgina O.V.** Neo-medieval studies and intertextuality in N. Gaiman's graphic novel “The Sandman” 39
- Gagarina D.Y.** The motif of longing in A. Aciman’s novel “Harvard Square” 47

Linguistics

- Kurazhova I.V.** Phraseological expressions as precedent phenomena in British media texts 56
- Luttseva M.V.** Structural models of digital law terms in English 62
- Habibullina L.G.** Complex sentence in the Tatar language 67

History

- Makarov N.A.** History of the creation of the tariff of 1811 and the “Regulation on neutral trade for 1811” 73
- Podlesnykh S.N.** Assignment of wounded officers-participants in the Patriotic War of 1812 to judicial positions 81
- Zverev V.O.** Counterintelligence awareness of propaganda threats on the World War I fronts 89
- Vetoshkin N.A.** Anti-tank defense in the Polish and French campaigns of 1939—1940. Assessments of the Red Army command 98
- Lebedev A.V., Goryachkin D.A.** The new economic policy on automobile transport of the RSFSR (based on materials from the Upper Volga Region) 105
- Tryakhov I.S.** On the issue of peat extraction during the Great Patriotic War: estimates of historiography and historical sources on the topic (based on the materials of the State Archive of the Vladimir Region) 113

Philosophy

- Bulychev I.I., Kiryushin A.N.** About two types of artificial intelligence 123
- Volkova V.O., Volkov I.E.** Can logical statements be expressed in living words? (Phenomenology of language) 134
- Bragin A.V.** Traces of former noospheres in the Earth's history: the problem of reconstruction and interpretation 142
- Artamonov A.O.** Research of videogame in the context of P. Ricoeur's concept of narrative identity 157

Review

- Pronina. E.V.** New materials on the creative legacy of L.N. Tolstoy in the journal “Two Centuries of Russian Classics” 164

Anniversary

- Shilova E.A.** There are no provinces in science: celebrating the anniversary of professor Olga Karpova 176
- Karpova O.M.** English terminography in the electronic-digital age 184
- Denisov K.M., Karpova O.M.** New world and the digital era of lexicography. *Book Review: Internet Lexicography*, ed. by A. Kłosa-Kückelhaus, Lexicographica Series Major, 2024, vol. 164, 312 p. 192

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 5—14.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 5—14.

Научная статья

УДК 101.1: 82.08: 159.923.2: 711.4

EDN <https://elibrary.ru/bajphw>

DOI: 10.46726/H.2026.1.1

КАРТА ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА: КОМПОЗИЦИЯ ТЕКСТА И ТОПОСА КАК АКТ АВТОКОММУНИКАЦИИ

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Россия, markovius@gmail.com

Оксана Александровна Штайн

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург,
Россия, shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. Статья осуществляет философско-антропологический поворот в трактовке композиции, выводя её анализ из плоскости формального описания структуры текста в плоскость экзистенциально-семиотическую. Композиция осмысливается не как статичный каркас, но как динамический процесс и материальная фиксация акта автокоммуникации (Я — Я), в ходе которого система сознания порождает и трансформирует саму себя. На материале литературных произведений (Рушди, Кабре, Пруст) демонстрируется, как композиционные приёмы (повтор, зеркальность, нарративная инстанция) становятся органами смыслопорождения и картографией внутреннего диалога. Это положение получает дальнейшее развитие в феноменологическом анализе городского топоса (на примере малых городов России), раскрывающем, как пространство — через телесный опыт подъёма, анаморфоз взгляда и материальность памяти — выступает со-автором перформативного акта самоосознания, превращая город в событие непрерывной автокоммуникации. Предлагаемый подход продуктивен своей междисциплинарностью, объединяя инструментарий литературоведения, семиотики и урбанистики. Его эвристическая мощь заключается в раскрытии глубоких механизмов смыслообразования, общих для текстовой и пространственной организации человеческого опыта. Таким образом, исследование вносит значимый вклад в философию повседневности, показывая, как акты автокоммуникации, будучи зафиксированы в композиции, формируют ткань повседневного существования и самости.

Ключевые слова: автокоммуникация, композиция, самосознание, философская антропология, семиотика, топос, феноменология места, нарратив, саморефлексия, философия текста

Для цитирования: Марков А.В., Штайн О.А. Карта внутреннего диалога: композиция текста и топоса как акт автокоммуникации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 5—14.

Проблема композиции, традиционно трактуемой как соотношение и взаимное расположение частей художественного целого, зачастую сводится к сугубо техническому, формальному аспекту анализа. В настоящей статье мы предлагаем взглянуть на композицию не как на статичный «скелет» текста, но как на динамический процесс, сущностно связанный с феноменом автокоммуникации. Эта связь, редко становящаяся предметом отдельного рассмотрения, позволяет вывести анализ построения произведения из плоскости чистой описательности в плоскость антропологическую и семиотическую, где рождение текста равноценно акту самоосознания.

Концепт автокоммуникации, детально разработанный Ю.М. Лотманом [Лотман], описывает коммуникативную ситуацию, в которой адресат и адресант сообщения совпадают. Если в рамках «Я — Другой»-коммуникации сообщение передается по каналу «внешнего» пространства, цель его — изменить поведение или информировать Другого, то в автокоммуникации (или «Я — Я»-коммуникации) сообщение, циркулируя в замкнутом пространстве индивидуального сознания или культурного кода, «перестраивает самое самоосознающую систему». Его функция — не передача константного смысла, а постоянное его ландшафтное порождение (в ландшафте внешней или внутренней жизни) и преобразование субъекта. Именно этот креативный, самопреобразующий потенциал и делает модель Лотмана ключевой для понимания глубинной механики художественного текста.

Художественное творчество по своей природе автокоммуникативно. Писатель, создавая текст, ведет диалог не с гипотетическим читателем *in abstracto*, но прежде всего с самим собой — со своим предыдущим опытом, своими другими текстами, своими интенциями и их языковыми воплощениями. Однако наше утверждение идет дальше: сама композиция текста является материальной фиксацией этого внутреннего диалога. Она есть карта автокоммуникативного акта.

Автокоммуникация топографична, она не только временна (я обращаюсь к себе в 7, 15, 38 лет), но и пространственна, она размещена, рас- и рядоположена, у нее есть положение, статус, место и настроение (определенный строй), которое вершит и завершает автокоммуникацию: исповедь с покаянием перед публикой с неуправляемыми настроениями («Исповедь» Ж.-Ж. Руссо), признание себе перед публикой с управляемыми настроениями («Дневник гения» С. Дали), рассказ о себе как подведение итогов («Подстрочник» Лилианы Лунгиной). Таким расположением к автокоммуникативной топографии может быть туннель времени (интуиции физиков, например, теория большого взрыва в изложении Стивена Вайнберга [Вайнберг]), зеркальное отражение («Портрет Дориана Грея» О. Уайльда), стыдливый интеллектуальный поиск («Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева), трансферные зоны (прозаические «Путешествия» в Брянск, Тарту и на Сардинию и стихотворение «Музыка» Ольги Седаковой), окно (проза Паскаля Киньяра), прогулки («Дневник велосипедиста» Д. Бирна).

Композиция во всех этих примерах осуществляется через передвижение, перемещение. Карта пути демонстрирует не/тождественность намеченного и пройденного. Контуры желаемого маршрута и совершенного пути совпадают или расходятся в заливках воображаемого и реального. Картография — схематичный предел воображаемого, в фокусе которого располагается виртуальный образ,

прикрепленный к реальному объекту. Воображаемое и реальное — отрезки единой траектории не только географической, но и биографической карты индивида: реальное отображается в воображаемом, в то время как воображаемое «удостоверяет свою реальность» [Пруст: 23] и вершит автокоммуникацию.

Маршруты выстраивают ряд, рядоположение: например, «Дневник велосипедиста» Дэвида Бирна [Бирн] говорит о точке зрения, совмещающей в себе скорость передвижения, ракурс видения и время (35 лет, проведенных в седле велосипеда), обращенное к себе посредством городских улиц: «Эта точка зрения — быстрее, чем пешком, медленнее, чем поезд, часто чуть выше человека — стала моим панорамным окном на большую часть мира за последние тридцать лет — и остаётся им до сих пор». Велосипедист всегда наедине с собой, даже если речь идет о мелькающих чаще городских, реже сельских пейзажах. Это опосредованная таким неспешным и нескоростным передвижением автокоммуникация и композиция произведения выстраиваются через карту маршрута. Упомянутые в книге места (топосы): Нью-Йорк, Берлин, Стамбул, Буэнос-Айрес, Манила, Сидней и Лондон. И он вспоминает и думает про себя о том, что в каждом городе играл музыку, о том, что музыка и есть его жизненная тональность. Она привлекала и отталкивала от него людей.

Автокоммуникация П. Флоренского в Письмах близким внешне кажется только гносеологического рода. Он говорит о напластовании горных пород, как о корневом Его говорил бы Декарт, это не только маршрут композиции, но и его осуществление, становление: «Становление поддерживает маршрут, как интенсивные силы поддерживают силы движущие» [Флоренский: 88]. Но автопроектирование как самостановление композиционно передается читателю через реальность осуществленных маршрутов и туров. Вспомним целый ряд книг, в которых через описание путешествий ведется автокоммуникация. Композиционно мы прокладываем маршрут в тексте от точки А в точку В, а под текстом (вспомним упомянутый «Подстрочник»), это маршрут от себя к себе (Я—Я). Юрий Сенкевич писал в книге «С Хейердалом через Атлантику»: «Думал о силе идеи — научной ли, гражданской ли, — которая способна подвинуть человека на, казалось бы, невозможное, и чем идея значительней, тем больших жертв она требует и тем, как ни парадоксально, легче их приносить» [Сенкевич: 11]. В письмах о Павла Флоренского: «Многие позднейшие религиозно-философские убеждения вышли не из философских книг, а из детских наблюдений и, может быть, более всего — из характера привычного мне пейзажа. Это напластования горных пород... Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его — стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность к горизонтали» [Флоренский: 99]. Тем самым это не только гносеология, но и самоконтроль особого рода, трансформирующий самого субъекта.

Чем выше или ниже, но радикальнее, мы поднимаемся или опускаемся («20 тысяч лье под водой» Ж. Верна) — тем экстремальнее проверка себя. Композиционно это уже романы, приключения, а автокоммуникационно — проверка собственного коммуникативного потенциала. Например, «Аэропорт» Артура Хейли — роман, в котором люди попадают в предельную ситуацию, город накрывает снежный буран, что вызывает панику и чрезвычайную ситуацию не только на территории аэропорта, но и на территории коммуникации: влюбленные ссорятся, люди предают друг друга. Автокоммуникация тоже подвергается острым вопросам, обращенным к себе. Это экстремальная автокоммуникация и экстремальный сюжет, захватывающий по темпу событий и температуре

эмоций читателя. Композиционная спираль должна здесь завиваться так же быстро, как и обратно раскручиваться.

Другая крайность экстремального нахождения — путешествия вниз, например, под воду. Роман о капитане Немо с подводной лодки «Наутилус» ведется от первого лица, это автокоммуникация случайного пассажира субмарины, профессора Пьера Аронакса. Композиция раскрывает нам научно-фантастический мир через удивление и переживания свидетеля или так называемого случайного пассажира. Такой тип обращения к автору и к самому себе характерен не только для научной фантастики, но и для социальной утопии. Вспомним рассказ Рафаэля Гитлодея в «Утопии» Томаса Мора, так же как рассказ в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона. Там рассказчик не важен, он ведет повествование, но его род занятий, возраст, статус, не имеют значения. Это композиция о необычной стране, а рассказ от лица обычного европейского гражданина, достаточно просвещенного, чтобы воспринять текстовое обеспечение утопии (инструктивные для утопийцев или капитана Немо книги), но при этом достаточно наивного, чтобы сохранить автокоммуникацию, искренность с собой даже там, где мир совсем необычен и хочет деформировать миметическую способность наблюдателя.

И самая смелая и где-то безумная автокоммуникация, экзистенциальная по натуре, это, конечно, выход в космос. Как сама траектория маршрута в бесконечность, так и бескрайность мысли пугают и даже сводят с ума людей, оказавшихся в управляемом/неуправляемом полете. Часто такие романы уже не столько приключенческие, сколько психологические. Например, книги А. Азимова, А. Нортон, А. Кларка, А. и Б. Стругацких.

Феномен городского пространства, в частности, среднего города условного московско-владимирско-ивановского фабричного региона (такого как Орехово-Зуево, Южа, Шуя или Вязники), предоставляет уникальный материал для демонстрации того, как автокоммуникация материализуется в композиции не текста, а самой жизни, становясь ее картографией. Опираясь на метод, разработанный В.А. Подорогой [Подорога] и А.Я. Кожуриным [Кожурин], мы можем сказать, что город здесь — не декорация, а активный соучастник и форма внутреннего диалога человека с самим собой. Опыт взаимодействия с таким городом — это прежде всего телесный опыт композиции как восхождения. Город, расположенный на возвышенности или создающий искусственные возвышенности заводов, требует от тела усилия, работы против гравитации. Это не визуальный образ, а кинестетическое переживание: напряжение мышц, изменение дыхания. Этот физический подъем является архетипическим автокоммуникативным актом: тело, отмеривающее уклон, ведет безмолвный диалог с вертикалью, наслаивая под подошвой пласты истории и личного опыта. Композиция городского пути — это карта этого диалога, где каждый шаг есть акт самоосознания через преодоление.

Достигнув вершины, человек оказывается в точке «анаморфозного взгляда», который раздваивается между горизонтальной бездной реки или водоема (символом внешнего, временного, изменчивого, подчиненного запросам промышленности) и вертикальной бездной неба (символом метафизического, вечного). Город становится оптическим интерфейсом, композиционным узлом, связывающим эти два вектора. Это место схождения внешнего и внутреннего, где происходит автокоммуникация: «Я» определяет себя в напряжении между потоком внешней жизни (река) и поиском внутреннего абсолюта (небо). Композиция городского пейзажа есть материальное выражение этого внутреннего конфликта и поиска равновесия.

Память в таком городе не нарративна, она материальна и композиционна. Она воплощена, например, в двух ключевых материях. Лён (слава Владимирской губернии) — мягкая, тактильная, горизонтальная память. Это память-процесс, память-ткань, аналогичная лейтмотиву или рефрену в тексте, которая ткется и повторяется в цикле труда и жизни. Камень (церкви, монастыри) — твердая, вечная, вертикальная память. Это память-монумент, аналогичная ключевому, неизменному символу в композиции произведения. Город тогда — это точка скрещения этих двух мнемонических режимов. Его история — это непрерывный автокоммуникативный процесс, где текучее «Я»-опыт (лен) постоянно соотносится с неизменным «Я»-идеалом или «Я»-травмой (камень).

Звуковой ландшафт завершает эту композицию. Он представлен двумя доминирующими «нарративными инстанциями»: фабричный шум структурирует профанное, горизонтальное время (*chronos*), подобно сюжетной канве романа. Колокольный звон — вертикальный звук, разрывающий повседневность, призывающий к рефлексии и обращению внутрь себя (*kairos*), подобно лирическому отступлению или моменту катарсиса. Житель города существует в интерференции этих двух зовов, в постоянном внутреннем диалоге между миром внешнего действия и миром внутреннего смысла. Городская композиция есть перформанс этого диалога. Таким образом, город такого типа — это не точка на карте, а непрерывный автокоммуникативный перформанс, неустойчивое событие, длящееся во времени. Анализ такого городского текста требует отказа от внешнего наблюдения. Чтобы понять его композицию, необходимо внести себя в этот подъем, стать со-участником этого перформанса. Композиция города оказывается картой гигантского коллективного и индивидуального акта автокоммуникации, где топос формирует само тело и мысль того, кто по нему движется, прочерчивая маршрут от себя к себе. Такой город мыслит себя через тело восходящего, а это тело, в свою очередь, обретает самоосознание через композицию города.

Проиллюстрируем тезис об автокоммуникативности композиции произведения в его топографических и топологических измерениях на нескольких уровнях.

1. *Композиция как повтор с инверсией*. Классический композиционный прием — кольцевая композиция, рефрены, лейтмотивы — с точки зрения семиотики представляет собой не что иное, как автокоммуникативный цикл. Изначальный тезис (образ, мотив, сюжетный элемент), будучи повторенным, возвращается не тем же, но обогащенным контекстом всего предшествующего повествования. Он проходит через систему «Я» и возвращается к «Я» уже измененным, неся на себе следы пройденного пути. Так, в «Преступлении и наказании» Достоевского сны Раскольникова, композиционно располагаясь в ключевых точках романа, являются не просто психологическими этюдами, но узлами автокоммуникации: герой (и автор вместе с ним) получает одно и то же сообщение от самого себя (архетипический образ забитой лошади, сцена смеха старухи), но с каждым разом его расшифровка требует все более глубокого пересмотра собственной личности.

Блестящим примером работы этого принципа в литературе наших дней служит роман Салмана Рушди «Гарун и Море историй» (1990). Изначальный тезис — это волшебный, живой «Океан Изначальных Историй», откуда отец главного героя, рассказчик Рашид Халифа, черпает свои неиссякаемые сюжеты. Это метафора творчества в его чистом, незамутненном, детском виде — как дара,

приносящего радость и чудо. Автокоммуникативный цикл запускается, когда злой Кутум Шах, желая уничтожить магию, отравляет Источник. Океан становится токсичным и молчит. Рашид теряет свой дар. Это момент кризиса, когда «Я» (творческое сознание) отправляет себе сообщение о собственной невозможности.

Повтор с инверсией происходит на протяжении всего путешествия Гаруна и его отца. Они не просто ищут способ очистить Океан, они заново проходят путь творчества. Ключевые образы и мотивы (рыба-простак, птица-болтуня, сама структура волшебной сказки) повторяются, но теперь они «обогащены контекстом» борьбы, цензуры, утраты и сомнения. Возвращение измененным и есть финальная кульминация. Очищенный Океан — это уже не наивный источник чудес, а источник, прошедший через испытание тьмой и обретший новую силу — силу сопротивления через рассказывание.

Рашид не просто снова обретает дар, он теперь рассказывает истории сознательно, как акт противостояния «языкам тьмы» (прямая отсылка к цензуре и фетве, под которой жил Рушди). Повторенный мотив Источника возвращается к системе («Я» рассказчика и автора) кардинально измененным, неся на себе следы пройденного пути борьбы. Композиция романа-путешествия и есть карта этого автокоммуникативного акта по спасению и перерождению собственного творческого «Я».

2. *«Зеркальная» композиция и расщепление субъекта.* Другой распространенный прием — создание «двойников» героя, зеркальных сцен, параллельных сюжетных линий — есть прямое композиционное воплощение автокоммуникации. Двойник (от Голядкина у Достоевского до многочисленных двойников в текстах Сигизмунда Кржижановского) — это не просто другой персонаж, это alter ego, Другой как Я. Их диалог — это визуализированный, объективированный внутренний диалог. Композиционное сопоставление этих фигур моделирует процесс саморефлексии, где «Я» смотрится в «Другого-как-Я», чтобы увидеть и определить себя. Зеркало здесь — не метафора, а точное описание семиотического механизма. Великолепным и сложнейшим примером зеркальной композиции является роман Жауме Кабре «Я исповедуюсь» (2011). Композиционный принцип этого романа — не просто наличие двойника, а вся структура, построенная на системе зеркал-лейтмотивов, отражающих друг друга: скрипка «Совабемоль», судьбы ее владельцев, история Каталонии, личная история адвоката Адриа Ардеволя и, главное, работа его сознания, которое прыгает между временами и воспоминаниями. Расщепление субъекта здесь происходит на нескольких уровнях:

Уровень повествования: Сам нарратор, Адриа, — это расщепленное сознание. Его рассказ — это не линейная исповедь, а автокоммуникативный поток, где старый Адриа разговаривает с молодым, пытаясь понять, как мальчик, любящий Баха и слова, мог стать соучастником преступления. Он смотрится в зеркало своих прошлых поступков.

Уровень персонажей: Фигура Берната Планесса, партнера и антипода Адриа, — это его классическое alter ego. Бернат — это плоть, действие, аморальность, тогда как Адриа — дух, мысль, рефлексия. Их диалоги — это визуализированный внутренний конфликт самого Адриа между интеллектуальным знанием и нравственным действием.

Уровень истории: Скрипка «Совабемоль» становится главным зеркалом-символом. Её путь через века, через руки разных людей, несущих на себе печать добра и зла (как клеймо нациста Штайнера на её деке), — это объективированная совесть. Адриа, владея ею, смотрится в это зеркало истории и видит в своем отражении соучастие в цепочке преступлений, растянувшейся на столетия.

Композиция романа, с её постоянными временными скачками и переплетением судеб, моделирует процесс саморефлексии тотального масштаба. «Я» (Адриа) смотрится в «Другого-как-Я» (Берната), в «Другого-как-предмет» (скрипку), в «Другого-как-историю» (судьбы предков), чтобы увидеть и определить свою собственную вину и свою идентичность. Зеркало здесь — абсолютно точное описание семиотического механизма, которым пользуется Кабре.

3. *Роль нарративной инстанции.* Фигура повествователя, особенно неоднозначного, ненадежного, рефлексирующего (от героя-рассказчика в исповедальной прозе до сложной игры с точкой зрения в модернистском романе), также работает в логике автокоммуникации. Рассказывая историю, нарратор одновременно рассказывает ее себе, заново переживая и переосмысливая. Его колебания, оговорки, множественные интерпретации одного и того же события — это не стилистические украшения, а следы работы самопознания, проступающие в композиционной ткани текста. Композиция в таком случае — это не последовательность событий, а последовательность их осмыслений. Здесь эталонным примером является творчество Марселя Пруста, прежде всего великий цикл «В поисках утраченного времени».

Нарратор Пруста — это воплощение рефлексирующего, ненадежного (в том смысле, что его память и восприятие субъективны и изменчивы) повествователя. Он не просто рассказывает историю своей жизни, он совершает акт автокоммуникации в чистом виде: рассказывая, он заново переживает, ищет, открывает и, наконец, творит смысл своего прошлого опыта. Его знаменитые длинные, сложноподчиненные периоды — это не стилистическая причуда, а прямое следствие работы самопознания. Они мимикрируют движение мысли, которая, описывая одно впечатление (вкус мадленки), тут же нанизывает на него ассоциацию, затем воспоминание, затем философское обобщение.

Композиция всего цикла подчинена этой логике: это не последовательность событий, а последовательность их осмыслений. Колебания, оговорки, самоопровержения нарратора («как я понял позже», «я думал тогда, но теперь я вижу...») — следы автокоммуникативного процесса, проступившие в тексте. Он постоянно ведет диалог с самим собой в прошлом, и итогом этого диалога становится не хроника жизни, а акт творческого преодоления времени, где произведение искусства рождается как конечный продукт гигантского акта внутреннего диалога-воспоминания. Композиция романа-потока сознания и оказывается картой такого диалога. Композиционные приемы — это не статичный каркас, а динамические органы смыслопорождения, материальная фиксация внутреннего диалога автора, героя и культуры с самой собой.

4. *Обратная композиция как совершенная автокоммуникация.* В литературной и художественной в общем (кинематографической, к примеру) композиции хронотипическое построение текста может заменяться на хрононетипическое. Повествование, которое начинается с конца: жизнь, рассказанная наоборот, предполагает уже сделанные выводы и оценки, раскрытые роли игроков твоей жизни, прожитый маскарад с состоявшимся переодеванием. Очень хорошо прием обратной композиции работает в исторических сюжетах, но он стал распространенным в лирических и фантастических: история наоборот, футуросюжет. Повествование с конца начинается в книге Стивена Кинга «Жизнь Чака» и одноименном фильме (реж. Майк Флэнеган, 2025). Книга и фильм начинаются с последнего акта. Конец света, пропал интернет и электричество. Чак Кранц умирает от опухоли мозга. Вселенная гибнет. Средняя часть посвящена самой прекрасной поре жизни Чака — взрослая семейная жизнь, профессиональный

рост, но все это сгущается в ритме танца жизни, произвольного и незапланированного, свободного и счастливого, радостного и красивого, как вкусный тягучий портвейн в бокале, прогретый солнечным полуденным светом. И первый акт под условным названием «Я вмещаю множество» раскрывает нам природу ценностных ориентиров мира, как они формировались в детстве, путь Чака от смерти родителей до школы танцев, от наставлений мудрой бабушки до вещей видений. Моральная установка жить в радости, даже если ты видел свою будущую смерть, главным героем опирается на слова Уолта Уитмена из «Песни о себе»: «Я вмещаю множества». Чак, как и его первая любовь Кэт, его учительница мисс Ричардс, бабушка Сара, — все предстают самостоятельными вселенными и вмещают в себя миры.

Автокоммуникация, которая открылась Чаку в детские годы, как озарение, внутренний разговор с собой через наблюдения за окружающими, трагические события в семье, подростковое становление и споры с самим собой, нерешительность и смелость, протест и понимание, активность зрелой жизни и гармоничный уход в окружении любимых. Жизнь состоялась, герои его мира пели и танцевали. Он готов к уходу из жизни, осталось подготовить «множества», те вселенные, что наполняли его мир. Суть автокоммуникации не только в выходе на прямое обращение. Обращение может, а иногда должно быть опосредованным. В книге и фильме — это танец и рекламные обращения на экранах телевизоров. Чак не мог выйти и подготовить живущих к своему уходу, они должны были подготовиться сами. Мы видим, что учитель Мартин приходит встретить конец света к своей бывшей, но любимой жене Фелиции, и они, держась за руки, смотрят на звезды в последние секунды жизни. Смотрят и вторят себе, что они тоже вмещают в себя множества. Звезды стали частью их самих. Звезды — это их множества.

5. *Композиция «роман без точки»*, которую можно назвать по-другому, — «роман с многоточием». Автокоммуникация героев произведений в этом формате еще до конца не состоялась, они сами себе не признались в каких-то важных решениях, не сформулировали и не приняли ситуаций или новых людей в своей жизни. Читателю и зрителю предоставляется возможность самому достроить, дофантазировать конец фильма, конец истории.

Примером раскрытия такой композиции через нерешенную автокоммуникацию является роман-на-экране «Весна на Заречной улице» (реж. М. Хуциев и Ф. Миронер, 1956). История отношений учительницы в школе рабочей молодежи и передовика производства не решилась сразу. В небольшой рабочий поселок по направлению от института приезжает молодой педагог Татьяна Левченко. Один из ее учеников, ударник труда Александр Савченко, работающий на производственных мартеновских печах, влюбляется в нее. Эти два непохожих персонажа — интеллигентная тонкая Татьяна и нахрапистый Александр, не смогли бы понравиться друг к другу с первой встречи. Их отношения проходят стадии пренебрежения и неприятия. Каждый задумывается и уходит в свои мысли. Автокоммуникация дополняется помощью извне: учеников того же класса и друзей, но решение не принято ни одним, ни другим. Фильм заканчивается на многоточии: «Конец...», а Савченко отвечает на экзаменационный вопрос в билете «Что такое многоточие».

Итак, традиционный анализ композиции, ограниченный констатацией «глав и частей», упускает ее главную функцию. Композиционные приемы — это не украшения, а органы смыслопорождения. Повтор, симметрия, контрапункт, ритмические сбои — все это инструменты, которые переводят линейный поток

повествования в режим автокоммуникации, заставляя текст обращаться на самого себя, генерируя новые смыслы через самоотражение.

По итогам исследования можно утверждать, что художественный текст является наиболее совершенной и сложной моделью автокоммуникации, а городской текст может приблизиться к художественному тексту. Его композиционная сложность прямо пропорциональна глубине того внутреннего диалога, который он моделирует и осуществляет. Писатель, выстраивая композицию, выстраивает не просто повествование, но траекторию самоизменения — и своего собственного в процессе творчества, и потенциального читателя, которого этот текст вовлекает в свою автокоммуникативную орбиту. Следовательно, изучение композиции вне парадигмы автокоммуникации оказывается неполным, так как игнорирует ее экзистенциальное и семиотическое ядро — способность быть машиной по преобразованию сознания через диалог с самим собой.

Список литературы / References

- Бирн Д. Записки велосипедиста. СПб: Амфора, 2013. 351 с.
(Byrne D. Bicycle Diaries, St. Petersburg, 2013, 351 p. — In Russ.)
- Вайнберг С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. М.: АСТ, 2022. 256 с.
(Weinberg S. The first three minutes. A modern view of the origin of the Universe, Moscow, 2022, 256 p. — In Russ.)
- Кожурин А.Я. Ландшафты естественные и городские // Философия детства и проблемы современного города: материалы IX международной конференции «Ребенок в современном мире. Дети и город». СПб: СПбГТУ, 2002. С. 72—79.
(Kozhurin A. Y. Natural and urban landscapes, *Philosophy of childhood and problems of the modern city: proceedings of the IX international conference "The child in the modern world. Children and the city"*, St. Petersburg, 2002, pp. 72—79 — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство, 2000. С. 159—165.
(Lotman Y.M. Autocommunication: "I" and "Other" as Addressees (On two models of communication in the cultural system), *Lotman Y.M. Semiosphere*, St. Petersburg, 2000, pp. 159—165. — In Russ.)
- Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. М.: Ad Marginem, 1995. 426 с.
(Podoroga V.A. Expression and meaning. Landscape worlds of Philosophy: S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, M. Proust, F. Kafka, Moscow, 1995, 426 p. — In Russ.)
- Пруст М. Смерть Бальдассара Сильванда, виконта Сильван // Пруст М. Утехи и дни. М.; СПб: Летний сад, 2000. С. 21—24.
(Proust M. The death of Baldassare Silvande, Viscount of Sylvania, *Proust M. Pleasures and Days*, St. Petersburg, 2000, pp. 21—24. — In Russ.)
- Сенкевич Ю.А. С Хейердалом через Атлантику. М.: Родина, 2007. 304 с.
(Senkevich Y.A. Across the Atlantic with Heyerdahl, Moscow, 2007, 304 p. — In Russ.)
- Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. 596 с.
(Florensky P.A. To my children. Memories of past days. Genealogical research. From the Solovki letters. A testament, Moscow, 1992, 596 p. — In Russ.)

THE MAP OF SELF-DIALOGUE: TEXT AND TOPOS COMPOSITION AS AN ACT OF AUTO-COMMUNICATION

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
markovius@gmail.com

Oksana A. Shtayn

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The article performs a philosophical-anthropological shift in the interpretation of composition, moving its analysis from the level of formal description of the text's structure to the existential-semiotic level. Composition is conceptualized not as a static framework but as a dynamic process and material fixation of an act of auto-communication (I — I), through which the system of consciousness generates and transforms itself. Using literary works (Rushdie, Cabré, Proust) as examples, it demonstrates how compositional devices (repetition, mirroring, narrative instance) become organs of meaning-generation and cartography of internal dialogue. This thesis is further developed through a phenomenological analysis of an urban topos (using small Russian towns as a case study), revealing how space — through the bodily experience of ascent, anamorphosis of gaze, and materiality of memory — acts as a co-author of the performative act of self-awareness, turning the city into an event of continuous auto-communication. The proposed approach is productive in its interdisciplinarity, combining the methodologies of literary studies, semiotics, and urban studies. Its heuristic power lies in revealing the deep mechanisms of meaning-making common to the textual and spatial organization of human experience. Thus, the research contributes significantly to the philosophy of everyday life by demonstrating how acts of auto-communication, when fixed in composition, shape the very fabric of daily existence and selfhood.

Keywords: auto-communication, composition, self-consciousness, philosophical anthropology, semiotics, topos, phenomenology of place, narrative, self-reflection, philosophy of text

For citation: Markov A.V., Shtayn O.A. The Map of Self-Dialogue: text and topos composition as an act of auto-communication, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 5—14.

Статья поступила в редакцию 06.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 06.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, SPIN: 2436-2520, markovius@gmail.com

Markov Alexander Viktorovich — Doctor of Sciences (Philology), Candidate of of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com

Штайн Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, shtaynshtayn@gmail.com, SPIN: 1763-9290

Shtayn Oksana Aleksandrovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social Philosophy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 15—24.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 15—24.

Научная статья

УДК 821.161.1-1:82-1:81'42

EDN <https://elibrary.ru/btrcly>

DOI: 10.46726/И.2026.1.2

ПТИЦЫ В ПОЭЗИИ МИХАИЛА ЕРЕМИНА: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АРЕАЛ. ЧАСТЬ 2

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье предлагается специальный филологический анализ орнитологических концептов и образов на материале корпуса стихов классика неофициальной советской и современной русской поэзии Михаила Еремина (1936—2022). Статья является второй частью исследования синтагматического ареала, под которым понимается позиционный характер текстовых реализаций образа птицы, определяемых особенностями сочетания с другими образными элементами и структурным положением в пределах стихового ряда, строфы и произведения в целом. В исследовании показывается, что при внешней фактичности и детализированности действий художественная реальность Еремина обладает преимущественно контрфактической модальностью, выступая как способ построения альтернативных, потенциальных и нереализованных сюжетных ветвей. Таким образом, сама синтагма у Еремина претворяется в парадигму, создавая симультанность реального и воображаемого, временного и вечного, прошлого и настоящего, вследствие чего стихотворение функционирует как текст-парадигма, моделирующий сразу несколько возможных сценариев жизни. Выявленный парадигматический принцип ареала позволяет переосмыслить образ птицы: орнитологические субъекты распределяются не в линейной синтагме, а в системе возможных миров, включающей микросреду, макросреду и мифосреду. Дополнительно вводится понятие дальнего, сверхтекстового ареала, где повторяющиеся птичьи образы и сцены образуют устойчивые «двойчатки», обнаруживая итеративную логику и способность поэтической системы Еремина воспроизводить себя во времени.

Ключевые слова: новейшая современная поэзия, птицы, орнитологический код литературы, синтагматика, поэтическая онтология, поэтическая модальность, контрфактуальность, возможные миры, нарративная полисценарность, итеративность

Для цитирования: Горелов О.С. Птицы в поэзии Михаила Еремина: синтагматический ареал. Часть 2 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 15—24.

В предыдущей части исследование синтагматического ареала образа птицы в поэзии Михаила Еремина касалось *формально-позиционного* и *иконографического* этапов анализа [Горелов], настоящая статья — это интерпретационная работа уже на *иконологическом* этапе. Ранее была выявлена наиболее устойчивая на синтагматическом уровне образная связка «Птица и Дерево/Растение», а активно развивающей эту растительную тему была названа связка «Птица и Зерно/Семя». Было установлено, что эти элементы — зерно, дерево как укрытие, небесные птицы в древесной кроне и само небо, будто начинающееся с дерева, — собираются в едином ареале благодаря евангельской иконографии

© Горелов О.С., 2026

Царствия Небесного, уподобленного Иисусом Христом зерну. Выход на этот символический уровень как раз и означает переход от иконографии текста, описания системы устойчивых образов и мотивов, к их пониманию — к иконологическому этапу анализа, включающему культурно-антропологическую, символическую и собственно литературоведческую интерпретацию.

Итак, притча о горчичном зерне и дереве с птицами как проросшем Царствии Небесном воспроизводится во всех каноничных новозаветных версиях и символизирует потенциал, скрытый в чем-то малом, незначительном, хрупком, погибающем, но все же находящий воплощение в полете веры. Воплотившийся мир свят, и знаками этой святости выступают птицы, но на самом деле и рыбы, и насекомые, и вся многовидовая растущая природа. Эту конфигурацию встречаем и в переводах Еремина, например, из Харта Крейна: «*Крылат* и тишиною / Лазурных сфер объятый, зримо *храм плывет*» (408)¹, и в канонически первом собственном тексте Еремина (1957 года), открывающем собрание:

Боковитые зерна премудрости,
Изначальную форму пространства,
 Всероссийскую *святость* и смутность
 И болот *журавлиную* пряность
 Отыскивать в осенней *рукописи*,
 Где *следы* оставила слякоть,
 Где *листы*, словно платя *луковицы*,
 Слезы прячут в складках (18).

Здесь сетка дополняется еще одним элементом — словом, творчески организующим рукопись с текстом природы-храма. А. Скидан в одном из подкастов издательства «Новое литературное обозрение» предположил, что возможный источник образов этого стихотворения — псковский архитектурный стиль (в контексте самой лексемы «святости» луковицы — это купола, а «боквитые зерна премудрости» — стены новгородско-псковских церквей, похожих на грибы боровики): «поверх натурфилософии и кристаллов вселенной возникает, как и кристалл стихотворения, в пучок собирающий пространство храм, храмовое зодчество» [Подкаст...]. Птицы и в этом стихотворении выполняют евангельскую функцию избытка, достатка, цветения мира, ведь святость и смутность дополняются *пряностью* насыщенных соками журавлиных болот (где-то в потенциальном контексте слышен и трубный глас самих журавлей). Семантика пряности и болот запускает уже в первом стихотворении трофическую мотивную линию, определяющую логику дальнейших интеракций.

Пищевые цепочки — этот основной биологический принцип, описывающий, как энергия и вещество передаются от одного организма к другому через питание и смерть, как «жизнь питается жизнью», — обуславливают в текстах Еремина грамматику образной связи:

Не одиночествовать, а единствовать
 В той непрерывности, в которой
 И ворон, в предыдущей жизни бывший враном,
 Пьет чье-то око, чувственное некогда,
 И Paris quadrifolia,
 Завету протофита верен,
 Из праха, вод и неба созидает
 Свой организм (121).

¹ Далее все стихотворные тексты цитируются по этому изданию с указанием в скобках номера страницы: [Еремин].

Трофическая логика актуализирует на дискурсивном уровне этимологические и фонетические цепочки ассоциаций, обращающие текст в символический и мифологический пласты: *ворон* ... пьет *око* → растение *Paris quadrifolia*, называемое в русском языке *вороньим глазом* → он завету *верен* → по созвучию вновь *ворон*, в предыдущей жизни бывший *врагом* → не глаз, а *око* → не одиночествовать (один глаз), а *единствовать* как непрерывная жизнь-смерть, жизнь за счет другого → *пьет* чье-то око, чувственное *некогда* → в *предыдущей жизни* бывший → завету *протофита*, сам по себе устаревший термин для обозначения первых растений земли, но и эти первые существа не одиночествуют, поскольку черпают жизнь из уже сущих «праха, вод и неба» и т. д. Возможен и более бытовой вариант этого сюжета, требующий другой птичий образ: так, в тексте 1958 года «по-за кряквой ходит селезень», исполняя брачный обряд, но только для того, «чтоб, живущий возле заводи, / мальчуган нашел гнездо, / Чтоб яишенные завтраки / Подавала мать на стол» (22), а дальше другой текст цепляется за брачную тему, и межтекстовая цепь продолжается в стихотворении 1998 года, где *обольщенный* змеею змей играет мускулами и грозит съесть зверя или птицу (128). Или более нейтральный вариант уже 1999 года с брачным орнитоморфным танцем берез, тоже «*голодных по весне*» (129). Так средний ареал (позиция орнитонима в тексте) расширяется, образуется *дальний ареал* межтекстовых ассоциаций, о котором еще будет сказано в конце статьи.

Идея вечной жизни как постоянного воскрешения живого через смерть отражается и в религиозной орнаментальной системе, где преобладают растительные мотивы и включаются как реальные, так и условные, символически трактованные изображения птиц, этот орнамент сопровождает иконографию креста в христианских храмах Востока и Запада: «Символическое изображение растений, которыми прорастают и процветают крест или гробница, могила и на которых находят себе прибежище птицы, имеет в своей основе идею Воскресения, Спасения и Жизни Вечной. Подобную трактовку этой символической картины заложила христианская традиция, воспользовавшись образами, известными европейскому искусству еще со времен античности. Устоявшаяся визуальная формула, по сути эмблема, нередко даже подкрепляемая словесными речениями (как в римской базилике Сан-Клементе), пришла из Средневековья в Новое время, сохранив и упрочив на протяжении столетий свое значение в европейском искусстве. Она была воспринята духовными стихами, которые, следуя готовой образительной модели, передавали сложное догматическое содержание с поразительной убедительностью и глубиной. Словесная икона, воссозданная в стихе “О трех гробницах”, перекликаясь с реальными иконами и гравюрами, а также религиозными лубками, получила распространение, что способствовало, в частности, популяризации образа процветшей травами и цветами могилы, по-своему воспринятому поздним фольклором, прежде всего романсами и близкими им жанровыми формами» [Фадеева: 65].

Птицы в ветвях процветшего растения как бы завершают цикл, становясь положительным симптомом, индикатором здоровья мира-дерева или индексом возможного (среди прочих сценариев осуществления) Царствия Небесного, как в финальном стихотворении сборника, датированном 2020 годом:

*Всестройным, с птицами в тенистой кроне, не затронутой
Ни кольцевой, ни дырчатой пятнистостью, а то (эпифития)
И пораженной белью, милдью, прочими микозами,
Но может статься, свилеватым, уязвленным черной гнилью,
Терзаемым щитовками, клещами, молью, тлей*

И отягченным ведьминными метлами,
 Не таковым **ли** быть, когда **бы** ни на камень семя
 Упало **бы**, да проросло (367).

Этот текст дает повод сказать еще вот о чем. Художественная реальность Еремина на уровне действий и мизансцен очень четкая, детализированная и фактичная, но общая модальность этой реальности почти всегда контрфактическая. В лингвистическом плане контрфактическое высказывание означает предложения в условной, сослагательной форме, но с позиций онтологии возможных миров и нарративной поэтики контрфактическое повествование обретает более широкое звучание как способ построения альтернативных, потенциальных или несвершившихся реальностей, а также анализ возможных, нереализованных сюжетных ветвей, «потенциальных миров текста» [Doležel; Ryan]. Такие высказывания описывают альтернативное или нереализованное состояние мира, и птицы часто включаются в эти полисценарные цепочки: «Его завидя, зверь **ли**, птица **ли** / Преобразует / Прямолинейное движение / В кривую страха» (128); «Возможны заморозки **или** семена, / Распространение которых — / Забота птиц небесных» (134); «Сраженный дробью вальдшнеп... Сиг, / От остроги не унырнувший... Концентрические / Окружности мишени...» (161); «**То** падающий лист, что сброшен / Еще дрожащей ветвью, / С которой взмыла птица, вспугнутая (Кем?), / **То** стебель без духмяного наверхья, / **То** на обочине (С чьего чела?) венок...» (238); «Протискивается **ли** сквозь асфальт проросток ... Укореняется **ли** семя ... в ущербине стены..., вознесенное стихией **или** / Пернатым доброхотом» (283); «Окольцовывать / (Orbicularis oris) **или** отвергать. / А гений, ставший на крыло, / (Лазоревые кроющие перья, маховые — / Пребелые.) не зависает **ли**» (103). Один раз орнитологический образ оказывается центральным элементом такой парадигмы:

Предстать **ли** дичью, запеченной в базилике, **или**
 Тушеной (шампиньоны, специи, мадера), **или** жареной
 (Подливка можжевельная), **или**
 С брусничкой, по-охотничьи
 (Дробь номер восемь в тушке), **или**
Подранок летом в полтора крыла
 Осилит дотянуть до смерти
 В спасительном укрытии? (322)

Одна рамочная альтернатива (дичь или подранок) снимается смертью, которая свершившийся факт для дичи и неизбежный факт для подранка (смерть точно будет, но успеет ли подранок добраться до укрытия и там *спокойно*, спасительно умереть), впрочем, модальность второго факта осложняется альтернативной интерпретацией финального вопроса: успеет ли подранок *до смерти*, то есть избежав смерти, добраться до *спасительного* укрытия. Остальные альтернативы даны эксплицитно, но они частные, относящиеся к различным вариантам реализации сценария «предстать дичью». Парадигма онтологий почти всегда реализуется дизъюнктивно («или – или»), однако и синтагма словно заражается вероятностной модальностью, и конъюнктивная повествовательная логика («и — и») также начинает работать на контрфактический статус художественной реальности: «Еще земля **не** вздрогнет, как уходит зверь. / **И** птица загодя от бури хоронится. / **И** обитатели замысловатых подземелий / Незадолго **ли** до большой воды пускаются в бега?» (328). Так, не просто парадигма реализуется в синтагме, но синтагма претворяется в парадигму, создавая *симультианность* реального и воображаемого, временного и вечного, прошлого и настоящего.

Таким образом, стихотворение у Еремина становится *текстом-парадигмой*, моделирующей не «один из вариантов жизни»², а сразу несколько, состоящей из симультанных альтернативных актов и событийных траекторий, что отражает типичное для автора полисценарное нарративное мышление.

Это системный фактор, и его необходимо учитывать при разговоре о синтагматическом ареале образа птицы, который приобретает теперь парадигматический характер. Можно сказать, орнитологические субъекты, на самом деле, распределяются в *парадигматическом ареале*, подчиняясь онтологической грамматике контрфактивности, — такому типу поэтической грамматики, которая постоянно держит мир на грани осуществленного и потенциального, а смысл чтения обретается в модальном моделировании — не достраивании этих миров и не в выборе одного из сценариев, а переосмыслении многослойности повествования как своего рода бытия.

Уже отмеченная иконография целого ряда стихотворений (премудрость, святость, рыба, горчичное зерно, птицы небесные в ветвях дерева) позволяет развить мысль о симультанности как принципе композиционного и повествовательного строения в иконописи, когда мы наблюдаем несколько событий, происходящих в разных местах, в разное время, с разными субъектами, показанные в едином изобразительном поле:

Чреват паденьем первый шаг младенца,
 Равно как вылет из гнезда
 Птенца. До рыбьей молоди охочих
 Не счесть. Зерну грозит упасть на голый камень.
 Похоже, что в геноме всякой твари
 Имеет место риск. Не столь же венчурно
 Возникновение живого на земле,
 Как сотворение по образу-подобию? (280)

К тому же само восьмистишие как форматная основа поэзии Еремина тогда сродни иконной единой плоскости, на которой изображаются несколько разновременных и разнопространственных событий *одного* акта («возникновение живого»), а симультанность — иконографический эквивалент вечности, чей неизменный атрибут — птицы небесные. Птица в аспекте так понятого синтагматического ареала лишается традиционной посреднической, медиумной функции, даже если внутри своей мизансцены выполняет именно ее: в архитектонике целого можно говорить не о нахождении птицы между мирами, а об одновременном присутствии в разных физических и/или символических измерениях. На характер ареала действительно влияет сам формат восьмистишия: среда спрессована, места мало, слова связаны не только стиховым рядом, но и всем восьмистишием — парадигматический эффект возникает уже не из-за тесноты стихового ряда, но тесноты *стиховых рядов* [Кукулин]. Правда сам концепт птицы не является ключевым и даже важным фактором, влияющим на выбор автора симультанного способа строения сюжета. Надо признать, что это склонность самого художественного мышления Еремина, поэтому проявляется она не только в птичьих стихах. Но филоорнитологический анализ позволил увидеть, что в стихах с образами птиц дефолтной чаще всего является как раз не иконная симультанность и вечность (даже если иконография и символика указывает на это), а экзистенциальная со-присутственность в парадигме природных сред.

² А вот птицы как раз встраиваются в или простраивают именно *один из* вариантов. Опорный в этом отношении текст «Авгурша, кобь прервав, раскидывает / На потрохах, — и моделируется / Один из вариантов жизни...» (38).

Эта парадигма сред или возможных сценарных миров включает три основных типа: *микросреда* — частный сценарий действий конкретного животного или птицы с четко прописанным диегетическим пространством; *макросреда* — универсалии зверя или птицы в структуре метафорического обобщения, *мифосреда* — видовые номинации птиц или мифологические птицы и сюжеты с архетипическими значениями, культурной памятью и авторскими символично-поэтическими интерпретациями.

Рядом с птицей почти всегда есть другие существа, которые тоже в ряду, формируется перенаселенная микро- или макросреда, но поскольку действует парадигматический принцип ареала, то птицы оказываются скорее в окружении существ и явлений из других сред (например, рыб), с существами, возникшими рядом по логике относительных понятий (сова и мышь) или логике комплементарности экзистенций («Течение вытаскивает рыбу, / Вынашивает птицу ветер...» (122)), чем с теми, кто был бы более предсказуем в контексте реального биотопа (насекомые, белки или другие птицы). Наконец, парадигматическая модальность порой спрессовывает образы до гибридного состояния: «С промокшею птицею в пасти осина / Отряхивалась, словно протоспанель» (32), «Кондовые тела — над ними птичья плавь, / Мяндовые фантомы — в них паренье рыб» (40). Особенности поэтической гибридизации Еремина рассматривала, в частности, А. Родионова: «природа до конца не может быть противопоставлена ни технике, ни искусству: рукотворное и нерукотворное переплетаются, ведь у всего есть некое общее основание, что “закодировано во всякой тварной матрице”. <...> подход Еремина отчасти расшатывает привычные дихотомии Нового времени (природа — культура, дикость — цивилизация и т. п.). <...> “природное” часто представлено вовсе не тематически: растительные образы могут быть соединены с техническими, а описывать при этом что-то совсем другое» [Родионова 2024: 188]. Вместе с тем именно птицы почти не гибридизируются с техникой, но исключительно с растительным и животным миром, поэтому орнитологический ракурс несколько корректирует выводы Родионовой: гибридность «полимерных химер», денатурация, «мультимедийный смог» — не черта ереминской поэтики в целом, есть значительный подкорпус его текстов, в том числе связанных с природными мотивами, для которых эти тенденции не актуальны. Напротив, природное здесь не боится прямой тематизации, а гибридность — структурной тавтологии и гомогенности (дерево гибридизирует с птицей, а птица с рыбой — природное с природным).

Это синтагматическое явление можно назвать *тождественной валентностью*, понимая под этим термином способность образа или знака вступать в связь с чем-то тождественным на родовом уровне, порождая эффект самоподобия или внутреннего эха, а в дальнем пределе — экстатическое чувство единого, тождественности всего сущего. Поэтическая тождественная валентность — это внутренняя сцепка текста на уровне повторяющихся, но не идентичных мотивов (тождество с вариацией). Этот феномен подтверждается и анализом лексики Еремина, которой также часто уделяется внимание исследователей. В частности, А. Житенев пишет, что «термин в позднеавангардных представлениях о языке сопоставим с эффектом бесконечности, многослойности реальности», и что в поэзии Еремина «погружение в эту “слоистую” реальность — важнейший эстетический принцип» [Житенев: 225]. Но специальные орнитологические термины Еремин использует не часто, нет и редких видов птиц, что действительно можно было бы ожидать от этого поэта. Вот вся (около)птичья специальная лексика и фразеология: *strix*; *кобь*; *ауспиция*; *ягдташ*; *розмыть*; *дичь*; *подранок*; *погадка*;

названия колен соловьиной песни (*кльканье, раскат, трель, свист, почин, дробь, оттолчок*); *кроющие, маховые перья; подкрылья; рулевые перья; приводнение; орнитоморфный; окольцовывать; ставший на крыло; ворон ворону* (глаз не выклюет). Не считая действительно редких понятий (*кобь, ауспиция, розмыть, strix*), в основном «терминологические раритеты» (А. Жолковский), которые уже и не такие раритеты, относятся к частям птицы — крыльям и перьям или к процессу жизнедеятельности (*погадка, названия колен, охотничьи термины*), но и это трудно сравнить с многообразием и сложностью растениеводческой или технической терминологии, причем наиболее показательны в этом плане те многочисленные тексты, в которых птица нарисована в общих чертах, а самые «крепкие» термины и неологизмы относятся к растениям. Развитие образа птицы происходит иначе, через метафоры и сравнения (*пепел галок; стая грачей, как сытый пес и др.*) или через джизз, так называемую метафору общего действия («...некто, дерзостно, когтистый / Сорняк вознес под архитрав»), о которой пойдет речь в следующей, заключительной статье, посвященной уже семантическому ореолу птицы в поэзии Еремина.

А в заключении этой скажем, что помимо ближнего и среднего синтагматического ареала корпус текстов Еремина позволил обнаружить и *дальний* ареал или ареал сверхтекстовый — это соседство аналогичных образов на дистанции, в разных текстах. Особенностью этих отношений оказалась двойственность реализаций — значительный круг птичьих образов повторяется на протяжении длинного творческого пути поэта ровно два раза.

Ниже приводятся подобные двойчатки — строки или группы строк, включающие одни и те же лексемы, образы или ситуации. Всего было выделено 15 двойчаток, которые были классифицированы по 4 группам согласно основным синтагматическим средам (*микро-, макро- и мифосреда*) и семантическим доминантам, внутри групп двойчатки приводятся в хронологическом порядке. Также была выделена одна дополнительная группа со структурными двойчатками, включающими орнитологические образы, которые обитают в рамках вставных конструкций.

I. Двойчатки микросреды — трофический мотив:

- 1) «В погадках / **Останки** перьев, шерсти и костей» (2002) → «птицы / Слетаются к **останкам**» (2003)
- 2) «Еще не **выклеванным** вороньем» (2004) → «Где ворон ворону **выклевывает** очи» (2017)
- 3) «чей-то **клюв** / **Выстукивает** пропитание (2017) → «**Выстукивал** перкуссионный **клюв**» (2018)

II. Двойчатки микросреды — стереотипы действия:

- 4) «Одним крылом касаясь поля, **стая**» (1980) → «Что делать с воробьиной **стаей** в кронах» (2009)
- 5) «гнус толчется, птица / **Гнездится**, выживает зверь» (2002) → «Ветвится ствол, **гнездится** в кроне птица» (2015)
- 6) «Зверь и птица **подворовывают** / В чужих охотничьих угодьях» (2008) → «голуби ... Довольствуются поедью с людского, но и **подворовывая**, / Стола» (2016)

III. Двойчатки макросреды — поэтическая натурфилософия:

- 7) «**Авгурша, кобь** прервав, раскидывает» (1977) → «С тем **ауспициям** и предаваться денно» (2000)
- 8) «**Над** ними **птичья плавь**» (1978) → «**Птичий клев** — над снулою корягой» (1980)

9) «Во всякой **тварной матрице** / **Несовершенство** воспроизводимого» (1998) → «Похоже, что в геноме **всякой твари** / Имеет место **риск**» (2013)

10) «Где **тени** спящих в гнездах птиц / Витали в **кронах** вековых деревьев» (2016) → «Всестройным, с птицами в **тенистой кроне**» (2020)

IV. Двойчатки мифосреды — гибридизация и метаморфозы:

11) «**Игрения** со звездочкой, **крылата...**» (1982) → «Модели для чреды мифологем / От **окрыленного** коня до лошадиной силы, / Тем самым ... **Игрений** шихте превратиться в истукана» (2003)

12) «А **полуптица-полутяжесть**» (1986) → «Священной **полуланыю** или мудрой, но **на треть** совой» (2008)

13) «В **два** клюва ... Кровавую печень клюет» (1994) → «...ни размаха крыл **двуглавого орла**» (2019)

V. Двойчатки структурные (вставные конструкции, скобки):

14)

А гений, ставший на крыло,	→	...и возносится
(Лазоревые кроющие перья, маховые – Пребелые.)		(Подкрылья палевые, рулевые перья С испода охристые...)
(1992)		(2002)

15)

...время	→	Осыпался витражный окулюс (парили чайки
(Давно ли из подлобья валуна, Оформленного абразивами прибоа И войлоком приливов, Морская тварь следит за приводнением Кормящей чайки?)		На ясном небосводе, коего осколки Вдруг и сверкнул в грязи и лужах пола.)
(1998)		(2017)

Два раза повтор случился уже через год, это самый небольшой временной зазор итераций образа, и оба случая относятся к микросредовым сюжетам с трофическим мотивом (*1 и 3 двойчатки по списку*). Самая большая хронологическая дистанция — 29 лет (*4*), и это самая формальная, «случайная» двойчатка: повторяется лексема «стая», но тексты не имеют достаточных смысловых пересечений. Все двойчатки с мифологическими образами оказались более чем с двадцатилетним разрывом — 21 год (*11*), 22 года (*12*) и 25 лет (*13*), что можно осторожно объяснить широким охватом мифологического и исторического циклов и сравнительно редкой необходимостью обращения к тому или иному устойчивому символу (например, двуглавого орла в 1994 и 2019 годах).

По сути двойчатки с учетом тождественной валентности и мотива «те же» («одни и те же птицы слетаются к останкам») создают *итеративные* ситуации [Женетт], когда одно повествовательное высказывание охватывает несколько аналогичных событий, которые повторялись во времени. Итератив, в отличие от сингулятивов, сообщений о единичном событии, превращает эмпирическое множество событий в образ устойчивости.

Двойчатки — это способ столкнуть разных птиц в сходных ситуациях или птиц одного вида в различных, а иногда это чистое воспроизводство тождества, что ближе к мифу, и тогда можно говорить не о тождественной валентности как характеристике поэтической синтактики и сюжетики, а о *валентности тождества* как характеристике поэтической символики и мифологии, дающей понять потенциал системы воспроизводить себя, например, устойчивые формулы, рифмы, архетипические образы, «модели для чреды мифологем» (182).

Так топологический разворот синтагматического ареала начинает требовать анализа на смысловом уровне — анализа авторской топики, повторяющихся образных и концептуальных схем, внутренней матрицы смысла обращения к птицам. И это выводит нас к вопросу о фикциональной семантике и семантическом ореоле образа птицы.

Список источников

Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 464 с.
Подкаст «Что изучают гуманитарии?» Поэтика Михаила Еремина. URL: <https://youtu.be/A9FhemkaoME?t=1156> (дата обращения: 02.06.2025).

Список литературы / References

- Горелов О.С. Птицы в поэзии Михаила Еремина: синтагматический ареал. Часть 1 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 12—20.
(Gorelov O.S. Birds in the poetry of Mikhail Yeryomin: the syntagmatic range. Part 1, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 12—20. — In Russ.)
- Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике: в 2 т. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60—282.
(Genette G. Narrative Discourse, *Genette G. Figures: Works on Poetics, in 2 vols*, Moscow, 1998, vol. 2, pp. 60—282. — In Russ.)
- Житенев А. Михаил Еремин: поэтика словаря // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. С. 225—235.
(Zhitenev A. Mikhail Eremin: The Poetics of the Dictionary, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2012, no. 1, pp. 225—235. — In Russ.)
- Кукулин И. Подрывной эпос: Эзра Паунд и Михаил Еремин // Иностранная литература. 2013. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2013/12/podryvnoj-epos-ezra-paundi-mihail-eremin.html> (дата обращения: 02.06.2025).
(Kukulin I. The Subversive Epic: Ezra Pound and Mikhail Eremin, *Inostrannaya Literatura*, 2013, no. 12. — In Russ.)
- Родионова А. Михаил Еремин: «самовитые» термины, «полимерные химеры» // Новое литературное обозрение. 2024. № 186. С. 183—190.
(Rodionova A. Mikhail Eremin: ‘Self-Powered’ Terms and ‘Polymeric Chimeras’, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2024, no. 186, pp. 183—190. — In Russ.)
- Фадеева Л.В. Растения и птицы в символике смерти и воскресения (об эмблематичности некоторых изображений в фольклоре и литературе) // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М.: Книгодел, 2019. С. 54—67.
(Fadeeva L.V. Plants and Birds in the Symbolism of Death and Resurrection (On the Emblematics of Certain Images in Folklore and Literature), *The Bird as Image, Symbol and Concept in Literature, Culture, and Language*, Moscow, 2019, pp. 54—67. — In Russ.)
- Doležel L. *Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds*. Baltimore—London: Johns Hopkins University Press, 1998. 339 p.
- Ryan M.-L. *Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory*. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 291 p.

BIRDS IN THE POETRY OF MIKHAIL YERYOMIN: THE SYNTAGMATIC RANGE. PART 2

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. This article offers a specialized philological analysis of ornithological concepts and imagery in the poetic corpus of Mikhail Yeryomin (1936—2022), a classic figure of unofficial Soviet and contemporary Russian poetry. This second part of the study presents

the results of the analysis of the syntagmatic range (areal), which concerns the positional characteristics of textual realizations of bird imagery — determined by their specific combinations with other figurative elements and by their structural position within the verse sequence, stanza, and the work as a whole. The study demonstrates that, despite the outward factuality and detailed articulation of actions, Yeryomin's artistic reality is characterized predominantly by a counterfactual modality, functioning as a means of constructing alternative, potential, and unrealized narrative branches. In this framework, the syntagm itself is transformed into a paradigm, generating a simultaneity of the real and the imagined, the temporal and the eternal, the past and the present; as a result, the poem operates as a text-paradigm that models several possible life scenarios at once. The identified paradigmatic principle of the range structure makes it possible to reconsider the image of the bird: ornithological subjects are distributed not along a linear syntagmatic sequence but within a system of possible worlds that includes micro-, macro-, and mythic environments. Finally, the article introduces the concept of a distant, transtextual range, in which recurring avian images and scenes form stable “doublets,” revealing an iterative logic and the capacity of Yeryomin's poetic system to reproduce itself over time.

Keywords: contemporary Russian poetry, birds, ornithological code of literature, syntagmatics, poetic ontology, poetic modality, counterfactuality, possible worlds, narrative multiscenariness, iterativity

For citation: Gorelov O.S. Birds in the poetry of Mikhail Yeryomin: the syntagmatic range. Part 2, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 15—24.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru, SPIN: 5451-7654

Gorelov Oleg Sergeevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 25—31.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 25—31.

Научная статья

УДК 821.161.1-1:82-84:294.3

EDN <https://elibrary.ru/ciuoqi>

DOI: 10.46726/И.2026.1.3

АПОЛОГИЗАЦИЯ БУДДИЗМА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ КНЯЗЯ Э.Э. УХТОМСКОГО «ИЗ ПРОШЛОГО»

Леонид Викторович Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, г. Шэньчжэнь,

Китайская Народная Республика, dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. В представленной статье, в рамках большого исследования, посвящённого «буддийскому тексту» русской литературы, анализируется рецепция буддизма учёным, публицистом, путешественником и поэтом князем Э.Э. Ухтомским (1861—1921) в сборнике его стихотворений «Из прошлого». Новизна статьи определяется отсутствием литературоведческих работ, затрагивающих этот стихотворный сборник. Князь Ухтомский в своей публицистике и в своих стихотворениях размышлял о Востоке, Азии и буддизме исходя из культурных симпатий, метафизически мотивированной интуиции и государственных интересов. Буддизм для него — религия, при обращении к которой (с которой) требуются подлинные знания и широкая веротерпимость. По его мнению, эта религия положительно влияет на культурный и нравственный уровень тех народов, к которым она приходит. Более того, она может положительно воздействовать и на русскую культуру, вызвав обновление в отношении русских людей к родному им православию. В сборнике «Из прошлого» буддизм предстаёт религией, у которой есть своя мистическая глубина и своя пассионарность, которая способна проявить и одновременно снять сложные противоречия в сознании верующего, обозначив для него высокую абсолютную цель. Также буддизм — это то, что подвигает человека на духовное совершенствование и на духовные подвиги. В целом, читая корпус публицистических произведений и сборник стихотворений князя Ухтомского «Из прошлого», можно говорить фактически об осуществляемой им исподвольной апологизации Востока, Азии и буддийской религии.

Ключевые слова: Э.Э. Ухтомский, буддизм, буддийский текст, рецепция, апологизация

Для цитирования: Дубаков Л.В. Апологизация буддизма в сборнике стихотворений князя Э.Э. Ухтомского «Из прошлого» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 25—31.

Князь Э.Э. Ухтомский (1861—1921), редактор журнала «Санкт-Петербургские ведомости», «идеолог “восточничества”» [Суворов 2011: 31], автор поэтического сборника «Из прошлого» (1902), в своей публицистике выступает внимательным и компетентным исследователем Востока, Азии, буддизма. Например, в работе «Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет» он производит подробный экскурс в историю и догматику буддийской религии. Очевидно, что Ухтомский, как христианин и государственный человек, разделяет православную веру и что о буддизме он говорит как об одной из языческих религий [Цыремпилов: 136] (в 1903 году ему даже пришлось отбиваться в печати от обвинений

в переходе в буддизм [Стрижак: 156]), но не отметить нравственную высоту, философскую глубину и сложность (у буддистов «богатый представлениями о божестве и весьма сложный внутренний мир» [Ухтомский 1904: 73]), а также широкое воздействие учения Будды на восточные народы он тоже не может. В работе «О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье» он пишет о высокой образованности и об аскетических подвигах отдельных лам, а с другой стороны, о высокомерии, скудоумии и моральной нечистоте некоторых православных миссионеров [Ухтомский 1892]. О том же — стихотворение «К одному миссионерскому некрологу», главный герой которого не привлекал народ, что молился «с огнем в груди неведомым богам» [Ухтомский 1902: 141—142], но угрожал и проклинал. Т.В. Бернюкевич справедливо называет князя Ухтомского одним из «русских азиофилов» [Бернюкевич 2020: 42]. Это «азиофильство» вырастает у него на почве вначале, вероятно, романтического, а затем и государственного отношения к Востоку: близкая географически и ментально [Тараруев: 43] Россия, а не далёкая, в частности, Англия должна распространять своё влияние на Тибет, Индию, Китай, Монголию, чтобы сохранить древнебуддийскую культуру, принести туда свет христианства и богатство Просвещения. Последнее, по его мнению, возможно лишь при соблюдении принципов «веротерпимости и уважения к национальной культуре» [Суворов 2010: 70].

Ухтомский говорит о ценности Востока в геополитическом отношении, о ценности буддийской культуры, но заходит и дальше, указывая, что изучение буддизма «неминуемо вольёт в нас свежую, бодрящую струю и, без сомнения, уяснит нам много в родных святынях, сблизая с явлениями сверхъестественного порядка» [Ухтомский 1904: 73]. Вероятно, мысль Ухтомского можно понять так: на Западе нарастает материализм, и великие религии, что свидетельствуют о наилучших стремлениях человечества, направляющие человека к идеальному [Там же], могут обогатить друг друга.

Завершая работу «Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет», Ухтомский, никак не комментируя существующую в буддизме практику обретения тулку, пишет о своей надежде на то, что «свободный дух великих лам-перерожденцев в силу политического давления англичан рано или поздно направится по новым путям, поищет себе соответствующей телесной оболочки, и в один прекрасный день мы увидим Далай-ламу, Баньчень-богдо воплощенными в сферу русского влияния» [Там же: 128]. За отсутствием комментария, оценки в этом пассаже может стоять что угодно: и дипломатическая сдержанность, и широкий взгляд на мистическую реальность, иначе — «метафизическая составляющая» [Медведев: 111].

В стихотворении «Покушение на жизнь Наследника Цесаревича в Японии» (1891), в котором князь Ухтомский на основе непосредственных впечатлений описывает нападение сумасшедшего японского самурая на будущего Николая II, ему представляется важным не только благородство Цесаревича, но и его избранность и мудрость: «Ты взглянешь вдаль, вперёд иным прозревшим оком / На странный яркий блеск Державного венца, / Связующего Русь с таинственным Востоком» [Ухтомский 1902: 135]. В отличие от стихотворений «17 октября 1888 года и 28 апреля 1891 года» А.Н. Майкова и «Ночь опустилась. Всё тихо: ни криков, ни шума...» А.Н. Апухтина [Ухтомский 1897: 49] в стихотворении Ухтомского Наследник спасён Господом не только потому, что он Наследник и что таким образом он прошёл через горнило испытаний, но и потому, что ему предстоит особая, конкретная миссия.

В 1904 году в оде «Первенцу Николая II» Ухтомский настойчиво будет проводить ту же мысль: Российская империя и при Наследнике Цесаревиче Алексее должна продвигаться на Восток: «Державный Твой Отец нам отомкнул Восток: / Тебе дано спясть с ним связанные звенья, / Свободных, бодрых сил туда направить ток / И возродить всю Русь расцветом просвещенья» [Ухтомский 1902: 164].

Для князя Ухтомского Индия как часть Востока, Азии — страна, способная на великие духовные подвиги. В стихотворении «На Ганге», имеющим подзаголовок «Вдовосожженье», описываются причины и особенности «грозного и трогательного» [Ухтомский 1895: 124] ритуала сожжения вдов. Женщина восходит на костёр, промышляя о своём грядущем благом рождении [Ухтомский 1902: 12] и об избавлении мужа «от долгих скитаний и мук» [Ухтомский 1895: 124]. Версия стихотворения, опубликованная в сборнике «Из прошлого», говорит о первой мотивировке — накоплении хорошей кармы, строфа, приведённая в «Путешествии на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», в главе, где рассказывается о Цейлоне, указывает на вторую мотивировку — деятельное сострадание по отношению к близкому человеку. Фоном проходит мотив смотрящей на сожжение толпы, что одобряет этот ритуал, то есть следующей традиции, против которой невозможно восстание. В финальной строфе стихотворения, подчёркивающей подвиг духа княгини, презревшей свою плоть, появляется сравнение горящих вдов с богами: «...Слиянье покоя и блеска, и счастья, и света: /купаются в пламени жёны великих раджей / Как грешные боги в священных озёрах Тибета» [Ухтомский 1902: 12]. Пламя, окружающее на танках изображения некоторых буддийских иерархий, является символом высшего сознания и одновременно напоминает о прошлом таких существ, которых тибетский буддизм именует дхармапалами: ранее исполненные различных омрачений, бывшие демонические существа были обузданы великими практиками и стали защитниками буддийского Учения. Затруднительно сказать, что именно имел в виду князь Ухтомский, говоря о подвиге сжигающей себя индийской княгини и сравнивая её с буддийскими «грешными божествами», но в центре этого образа и этого стихотворения, конечно, заложена идея духовного преображения, которое метафорически огонь страдания обращает в воду очищения.

Для Ухтомского не Запад, а Индия — вариант «страны святых чудес» [Хомяков: 103]: «Волшебный этот край зовет нас в мир чудес, / Где область вечных тайн и мудрость без предела» [Ухтомский 1902: 10]. В целом стихотворение «Мы завтра в Индии!..» выглядит поэтическим переосмыслением хомяковской «Мечты» (1835). А.С. Хомяков в «Мечте» призывал Восток проснуться, для Ухтомского Индия — мир, где «всё как будто сон», но этот сон — не синоним пассивности (потому что обычный «сон бежал очей» [Там же] героя стихотворения), а особое сверхчувственное состояние за пределами земной действительности. Хомяков говорит о «тьме густой», символизирующей закат западной культуры, где когда-то, как «царица летней ночи», «Сияла <...> любовь в невинной красоте» [Хомяков: 103], у Ухтомского индийская ночь — время любовных чар, страсти и тоски по небесному, эти чары и страсть побеждающей. Утраченная любовь в «Мечте» исполнена невинности и красоты, земная любовь в ««Мы завтра в Индии!..»» подобна неотразимой смерти. Запад исчерпал свою активность в сражениях, в творчестве, в любви, Восток устал, окаменел от мирской тщеты. Стихотворение Ухтомского как будто развенчивает мечту «Мечты» Хомякова: Восток, по крайней мере, в образе Индии, согласно Ухтомскому, принципиально иной, чем видится Хомякову. «Востокофильство и антизападничество» [Стрижак: 155] князя в этом стихотворении на фоне хомяковской «Мечты» проявляется не в споре

с Западом, а в его игнорировании. Восток Ухтомского не собирается вступать в цивилизационное соревнование, он устремляется не к господству над миром, а к запредельной реальности, он «жаждет Божества, свободы, искупленья» [Ухтомский 1902: 10]. Мужья Индии, шраманы индуизма и буддийские монахи, что презрели наслаждения, мечтают о святости и о покое.

Наконец, одно из главных произведений Ухтомского, прямо посвящённых буддизму, это стихотворение «В Монголии». Т.В. Бернюкевич в качестве основной идеи этого текста отмечает содержащуюся в нём «мысль о значимости буддизма для народов Азии» [Бернюкевич 2020: 49]. Стихотворение «В Монголии» построено на множественных мотивных оппозициях. Во-первых, это оппозиция плена и свободы: с одной стороны, степь «полонила» героя стихотворения, с другой — его «окрылила мечты» [Ухтомский 1902: 125]. Степь в первой строфе — это одновременно горизонтальное пространство («зелёная, мягкая степь») и пространство вертикальное («синеющая даль»), в котором сверху вниз, из «бездны эфира» нисходят на землю «далёкие боги» [Там же]. Монголы в стихотворении — это вольные наездники, но которые оказываются покорены образом буддийской нирваны. Другая оппозиция — оппозиция слабости и силы: монгольская степь — это обиталище душой уставших, но при этом над ней ощущается веяние Чингисхановой души. Народный монгольский дух чувствует «ужас пустыни» и «телесные цепи», но не страшится их, поскольку у него в виду другое, не завоевательное, а новое «солнце недвижных основ» [Там же] — Будда, нирвана. В книге «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» Ухтомский пишет об особой религиозной чуткости, мистицизме монгольских племён, которые, по его мнению, сформировали «безмолвие и угрюмость» [Ухтомский 1895: 34] их степи. На монголов, кроме того, сильно повлиял «знойно-южный колорит индийских сказаний» [Там же]: «И краски и звуки индийского знойного мира / Чаруют монгола и жгут его грёзы огнём», «И святостью Ганга, и блеском кремлей Раджпутаны / Весь воздух степного приволья окрест напоён» [Ухтомский 1902: 125]. «Краски и звуки», жар Индии, индийского буддизма и «однотонность и скромность» [Ухтомский 1895: 34], визуальная бедность, холодность, бесстрастность степи — ещё одна оппозиция стихотворения, снимаемая проникновением южного многоцветья и многозвучья в средоточие монгольского быта. Наконец, Монголия, живущая прошлым, Чингисхановым величием, обретает в стихотворении вместе с пришедшим из Индии буддизмом ещё более великое прошлое («сверкающий отблеск великих времён» [Ухтомский 1902: 125]) и вместе с тем великое будущее — высокую цель нирваны. Ухтомский воспринимает буддизм в качестве возможности для формирования и развития «нравственного сознания <...> различных сфер культуры (языка, медицины, литературы, живописи, архитектуры и т. д.)» [Бернюкевич 2020: 49] у народов, обретающихся на севере, в том числе у тех, что живут на территории Российской империи. Буддизм, принятый северными народами, оказывается способен проявить противоречия, изначально в людях присутствующие и с его приходом лишь обостряющиеся, и одновременно, будучи религией, обладающей ключом от «сокровеннейшего во вселенной» [Ухтомский 1895: 34], парадоксальным образом снять их.

Итак, в представленной статье, в рамках большого исследования, посвящённого «буддийскому тексту» русской литературы [Бекметов; Бернюкевич 2018; Сорокина; Уланов], проанализированы особенности рецепции буддизма учёным, публицистом, путешественником и поэтом князем Э.Э. Ухтомским в сборнике его стихотворений «Из прошлого». Князь Ухтомский, руководствуясь своими

культурными симпатиями, метафизическими интуициями и имея в виду государственные интересы, размышлял о Востоке, Азии, буддизме в своей публицистике и в своих стихотворных произведениях. Российская империя, согласно Ухтомскому, должна активно продвигаться на Восток, в Азию, а для этого требуется подход, исполненный внимания к другому, знаний о нём и веротерпимости. Буддизм для него — религия, обладающая ценностью и сама по себе, для народов, её исповедующих, и для русской культуры: на фоне наступающего из Европы материализма прикосновение к древней традиции может дать возможность обновить и отношение русских к православию. Сборник стихотворений «Из прошлого» содержит ряд произведений, в которых проявляются буддийские мотивы. Буддизм в них выступает в качестве религии, обладающей мистической глубиной и силой, которая может проявить и снять сложные противоречия человеческого сознания: человек, обретая высокую цель нирваны, оказывается способен на подлинный духовный рост и духовные подвиги.

Список источников

- Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб: паровая скоропечатня «Восток», 1904. 129 с.
- Ухтомский Э.Э. Из прошлого: сб. стихов. СПб: паровая скоропечатня «Восток» (М.М. Гутзац), ценз., 1902. 170 с.
- Ухтомский Э.Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб: Синодальная типография, 1892. 48 с.
- Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Т. 2 / авт.-изд. кн. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразин. СПб; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1895. 249 с.
- Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Т. 3 / авт.-изд. кн. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразин. СПб; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1897. 257 с.
- Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отделение, 1969. 595 с.

Список литературы / References

- Бекметов Р.Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 327 с.
- (Bekmetov R.F. Russian literature and the buddhist-taoist East (problems of dialogue), Kazan, 2018, 327 p. — In Russ.)
- Бернюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе конца XIX — начала XX века: идеи и реминисценции. СПб: Нестор-История, 2018. 168 с.
- (Berniukevich T.V. Buddhism in russian literature of the late 19th — early 20th century: ideas and reminiscences, St. Petersburg, 2018, 168 p. — In Russ.)
- Бернюкевич Т.В. Рецепции буддизма в России и «русское азиофильство» конца XIX — начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 37—61.
- (Berniukevich T.V. Reception of buddhism in Russia and «russian asiophilia» of the late 19th — early 20th century, *State, religion, church in Russia and abroad*, 2020, no. 1 (38), pp. 37—61. — In Russ.)
- Медведев К.А. «Восточничество» Э.Э. Ухтомского: основы формирования геополитической концепции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4 (14). С. 106—118.
- (Medvedev K.A. «Easternism» by E.E. Ukhtomsky: foundations of formation of a geopolitical concept, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. History. International relations*. 2018, no. 4 (14), pp. 106—118. — In Russ.)

- Сорокина Г.А. Идеи буддизма в литературе русского зарубежья. 2-е изд., доп. М.: Экон-Информ, 2017. 262 с.
(Sorokina G.A. Ideas of buddhism in the literature of the Russian diaspora, 2nd ed., Moscow, 2017, 262 p. — In Russ.)
- Суворов В.В. Национально-религиозные взгляды князя Э. Ухтомского // Власть. 2010. № 9. С. 68—70.
(Suvorov V.V. National and religious views of knyaz' E. Ukhtomsky, *Power*, 2010, no. 9, pp. 68—70. — In Russ.)
- Суворов В.В. Политические убеждения Э.Э. Ухтомского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. № 2—2. С. 31—34.
(Suvorov V.V. Political convictions of E.E. Ukhtomsky, *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: "History. International relations"*, 2011, no. 2 (2), pp. 31—34. — In Russ.)
- Стрижак Ю.Н. Вл. Соловьев и кн. Э.Э. Ухтомский: личное общение и судьбы России // Вестник ЧелГУ. 2013. № 13 (304). С. 153—158.
(Strizhak Yu.N. Vl. Soloviev and knyaz' E.E. Ukhtomsky: personal communication and the fate of Russia, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 13 (304), pp. 153—158. — In Russ.)
- Тараруев В.П. Желтороссия в системе политического воображения Российской Империи // Гусевские чтения — 2023. Три измерения политической истории России: Идеология, политика, практики: сб. научн. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. конференции (с междунар. участием). Москва: ИКД Зерцало-М, 2023. С. 41—46.
(Taratuev V.P. Yellow Russia in the system of political imagination of the Russian Empire, *Gusev Readings — 2023. Three Dimensions of the Political History of Russia: Ideology, Politics, Practices: coll. of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference*, Moscow, 2023, pp. 41—46. — In Russ.)
- Уланов М.С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. 234 с.
(Ulanov M.S. Buddhism in the socio-cultural space of Russia, Elista, 2009, 234 p. — In Russ.)
- Цыремпилов Н.В. «Зловредное суеверие» или «лучшая из языческих религий»? Буддизм в православной публицистике XIX — начала XX в. // Религиоведение. 2012. № 4. С. 132—146.
(Tsyrempilov N.V. «A harmful superstition» or «the best of the pagan religions»? Buddhism in orthodox publicism of the 19th — early 20th centuries, *Religious studies*, 2012, no. 4, pp. 132—146. — In Russ.)

APOLOGIZATION OF BUDDHISM IN THE COLLECTION OF POEMS BY PRINCE E.E. UKHTOMSKY “FROM THE PAST”

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China,
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. In the presented article, within the framework of a large study devoted to the «Buddhist text» of Russian literature, the reception of Buddhism by the scientist, publicist, traveler and poet Prince E.E. Ukhtomsky (1861—1921) in his collection of poems «From the Past» is analyzed. The novelty of the article is determined by the absence of literary studies touching upon this collection of poems. Prince Ukhtomsky in his journalism and in his poems reflected on the East, Asia and Buddhism, proceeding from cultural sympathies, metaphysically motivated intuition and state interests. Buddhism for him is a religion, when turning to (with) which genuine knowledge and broad religious tolerance are required. In his opinion, this religion has a positive effect on the cultural and moral level of those peoples to

whom it comes. Moreover, it is capable of having a positive impact on Russian culture, causing a renewal of the attitude of Russian people to their native Orthodoxy. In the collection “From the Past” Buddhism appears as a religion that has its own mystical depth and its own passionarity, which is capable of revealing and simultaneously removing complex contradictions in the consciousness of a believer, designating a high absolute goal for him. Buddhism is also what motivates a person to spiritual perfection and spiritual feats. In general, reading the corpus of journalistic works and the collection of poems by Prince Ukhtomsky “From the Past”, one can actually speak about his subtle apologization of the East, Asia and the Buddhist religion.

Keywords: E.E. Ukhtomsky, Buddhism, Buddhist text, reception, apologization

For citation: Dubakov L.V. Apologization of Buddhism in the collection of poems by Prince E.E. Ukhtomsky “From the Past”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 25—31.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Дубаков Леонид Викторович — кандидат филологических наук, доцент Центра русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика, dubakov_leonid@mail.ru, SPIN: 8955-5605

Dubakov Leonid Viktorovich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Russian Language Center of the Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China, dubakov_leonid@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 32—38.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 32—38.

Научная статья

УДК 821.161.1:82-94:82-1

EDN <https://elibrary.ru/cmvpah>

DOI: 10.46726/И.2026.1.4

И.М. ЗДАНЕВИЧ И Б.Ю. ПОПЛАВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО АВАНГАРДА

Валерия Евгеньевна Симакова

Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева,
г. Самара, Россия, simakowa.valeriya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос культурной идентичности И.М. Зданевича и Б.Ю. Поплавского. Творчество этих писателей первой волны русской эмиграции отличается эклектичностью. И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский, как представители «младшего» поколения первой волны русской эмиграции, были знакомы с русской литературой и проявляли открытость к новому культурному опыту мирового авангарда. Важно определить степень влияния этого опыта. И.М. Зданевич следил за экспериментами футуристов, сам писал заумные драмы. Однако он критиковал футуризм и предлагал более открытое к культурному опыту всех времен всёчество в качестве альтернативы. В статье анализируется роман И.М. Зданевича «Восхищение» в контексте истории футуризма. Поэтическое творчество Б.Ю. Поплавского рассматривается в свете сюрреализма. Отмечается тематическое сходство сборника «Автоматические стихи» Б.Ю. Поплавского с произведениями сюрреалистов; особое внимание уделяется знаковой для сюрреалистов теме сна. Идейное содержание произведений И.М. Зданевича и Б.Ю. Поплавского анализируется с целью установить, актуально ли причисление авторов к вышеназванным направлениям.

Ключевые слова: И.М. Зданевич, Ильязд, Б.Ю. Поплавский, футуризм, символизм, сюрреализм

Для цитирования: Симакова В.Е. И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский в контексте мирового авангарда // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 32—38.

Статья посвящена определению места писателей Б.Ю. Поплавского и И.М. Зданевича (Ильязда) в истории мирового авангарда. Ранее творчество писателей рассматривалось в контексте мировой литературы, но вопрос о легитимности их причисления к конкретным направлениям требует дальнейшего изучения.

Черты сюрреализма в поэзии Б.Ю. Поплавского были замечены еще современниками, вопрос о культурной идентичности Б.Ю. Поплавского поднимался в филологических исследованиях, но остается полемичным. Е.Л. Менегальдо рассматривает влияние на творчество поэта и сюрреализма, и символизма. Творческий метод Б.Ю. Поплавского, сочетающий редактирование текстов и попытки передать озарения, Е.Л. Менегальдо характеризует как логичное развитие метода автоматического письма, изобретенного сюрреалистами [Менегальдо: 21]. Д.В. Токарев находит идейные противоречия в установках Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов. Подчеркивая влияние на поэта символистов и находя в дневниковых записях поэта смешение понимания техник «автоматического письма», принципиально не предполагающего редакторской доработки, и «потока сознания»,

построенного на точном подборе средств выражения, исследователь настаивает на невозможности признания Б.Ю. Поплавского поэтом-сюрреалистом [Токарев: 41]. Н.С. Милькович некоторые стихотворения Б.Ю. Поплавского характеризует как «сюрреалистические», однако в целом поэзию Б.Ю. Поплавского рассматривает как сложное эстетическое явление, не сводимое исключительно к сюрреализму, так как в его поэзии нашли отражение черты как предшествующих, так и новаторских направлений [Милькович]. А.И. Чагин характеризует лирический сюжет стихотворений Б.Ю. Поплавского как «сюрреалистическое «действие» [Чагин]. Л. Ливак в статье «Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского» признает, что на раннее творчество поэта значительное влияние оказывали символисты и футуристы, но настаивает на том, что культурная среда (круг чтения и личного общения) подготовили поэта к сюрреалистическим экспериментам и наследованию одной из основных установок сюрреализма — стремлению к психологической достоверности [Ливак].

К изучению творчества И.М. Зданевича применялся метод мотивного анализа [Гейро; Йованович], исследовалось влияние психологической теории начала XX века на заумные драмы И.М. Зданевича [Шукуров], прослеживалась связь драматических произведений И.М. Зданевича с эстетикой балагана, выявлялись особенности автобиографизма писателя [Шевченко]. Однако использование метода исторической поэтики и дискурсивного анализа позволяет рассмотреть его роман «Восхищение» в контексте творчества и «жизнетворчества» автора, идей эпохи, а также в ряду литературных явлений, с которыми творчество Ильязда имеет генетическую либо типологическую общность.

Что объединяет столь непохожие фигуры Б.Ю. Поплавского и И.М. Зданевича? Оба писателя с раннего возраста интересовались литературой и культурой. Сохранились ранние стихотворения Б.Ю. Поплавского, в которых декадентские настроения сочетаются с футуристическими экспериментами: так, например, в них заумным языком описаны телефонные помехи. Смелость же молодого И.М. Зданевича была поразительна: он выступал как теоретик футуризма, вел переписку с Ф.Т. Маринетти и выступал с громкими эпатажными заявлениями.

Когда эти авторы покинули Россию в юном возрасте, то, обосновавшись в Париже, оказались как бы между двух культур: с одной стороны, они общались с русскими эмигрантами, в частности с представителями старшего поколения, придерживавшимися линии «консервации» достижений русской культуры для потомков, а с другой — следили за творчеством современных европейских писателей-новаторов. Оба автора занимались просветительской деятельностью: И.М. Зданевич пытался продолжить деятельность Тифлисского «Университета 41» — читал открытые доклады, посвященные основным тенденциям развития современной литературы и культуры, а Б.Ю. Поплавский писал искусствоведческие статьи, в том числе посвященные анализу новой литературы.

Некоторое время эти писатели входили в одно литературное объединение. С целью консолидации сил европейских и русских авангардистов И.М. Зданевич создал группу «Через», в которую вошли Б.Ю. Поплавский, Б.Б. Божнев, М.В. Талов, В.Я. Парнах. Произведения участников группы стилистически были очень непохожими; сближал их при этом сам подход к искусству. Однако уже к середине 1920-х годов группа распалась, а ее участники (кроме Ильязда) примкнули к журналу «Числа», отличавшемуся умеренной направленностью взглядов.

И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский находились в постоянном творческом поиске. Безусловно, эстетические установки этих авторов различались, но есть у них и общая черта — их творчество эклектично.

Зачастую этих авторов причисляют к представителям конкретных авангардных направлений и течений, но детальный анализ их творчества показывает, что пути их развития были оригинальны и неповторимы.

И.М. Зданевич: «всёчество» как критика футуризма

И.М. Зданевич сам подчеркивал эклектичность своего творчества, он теоретизировал эклектичность, разработав специальный термин — «всёчество». «Всёчество» разрабатывалось Ильяздом совместно с художником М.В. Ле-Дантю и было положено в основу их критики футуризма. «Всёчество» создавалось не как очередное художественное течение, а скорее как критерий оценивания художественных явлений. Согласно теории «всёчества», произведения искусства «расцветных времен» обладают общностью, а разные культурные условия их создания отражаются только на их форме. На первый же ценностный план выносятся содержание, и главным в оценке произведений признается умение разглядеть истинное содержание за формой. Основное идейное расхождение с футуристами заключается здесь в том, что «всёчество» предполагает объективную оценку произведения искусства «безотносительно ко времени и пространству», в то время как футуризм отказывается от признания искусства прошлого*.

Эстетические принципы «всёчества» нашли отражение в творчестве самого И.М. Зданевича. Роман «Восхищение» был издан им небольшим тиражом весной 1930 года [Зданевич: 714]. Тематически роман И.М. Зданевича перекликается с романом-манифестом Ф.Т. Маринетти «Мафарка-футурист», изданном во Франции в конце 1909 года [Маринетти: 6]. Роман Ф.Т. Маринетти, вышедший вскоре после публикации автором первого футуристического манифеста, сам является футуристическим манифестом, повествуя о взглядах «идеального» футуриста — сильного, неустрашимого, не обращающего внимания на нормы и приличия и даже безжалостного. Это роман об утверждении философии футуризма, о поэтичности прогресса, даже в самых страшных его проявлениях.

Роман Ильязда «Восхищение», если рассматривать его как метафорическую историю футуризма, представляет собой полную идейную противоположность. Поэтизируется в нем не движение, а то, что находится за вещами — то, что невозможно передать словами, о чем можно только пытаться услышать в песнях кретинов. Поэтизируется заумь.

Фабула «Восхищения» подходит для приключенческого романа: это произведение о разбойнике Лаврентии, который бежит в горы после совершения преступления, там влюбляется в невероятную красавицу и общается с мудрыми зобатыми, но жажда действия и наживы вынуждают его спускаться в город. Но все в этом романе выглядит неестественно: герои будто вырезаны из картона, а за их нарочито стандартными для романов о приключениях взлетами и падениями им самим всегда видится что-то иное, что-то большее.

При прочтении романа как метафорического повествования о литературном движении целесообразно предположить, что у главных героев были конкретные прототипы. Манера поведения Лаврентии напоминает манеры лирических героев В.В. Маяковского — он смело противопоставляет себя обществу (пьет в кабаке, когда все догадываются, что это он убил монаха) и, при своей силе и молодости, испытывает непреодолимую тягу к саморазрушению. «Старость несколько не прельстительна. Хорошо умереть молодым», — говорит молодой

---

*Ле-Дантю М. Доклад о всёчестве. Воспроизводится по машинописному оригиналу из архива Ильязда (Марсель). Готовится к изданию в «Гилее» в составе тома работ М.В. Ле-Дантю (серия “RealHylaea”). URL: http://hylaea.ru/ledentu_publ.html (дата обращения: 20.03.2025).

человек старому зобатому, отвечая на его рассуждения о жизни «умом ума» [Зданевич: 53]. Разбойниками в горах не становились, а рождались, поэтому они были редки, как всегда редки поэты.

Примечательно, что городская культура, которую, как предполагается, футуризм должен воспевать как символ прогресса, губит Лаврентия. Лаврентий чрезвычайно верит в слова и надеется на желтую кофту, ставшую символом «футуризма напоказ»: «Это чудесное слово: *разбойник*. И когда Лаврентий, надев под войлочный плащ желтую шерстяную рубаху, принадлежность нового своего звания...» [Там же: 56]. Отрицание общественных законов не делает Лаврентия свободным, оно делает его заложником отрицания. К концу романа Лаврентий начинает подозревать, что «виною всему слова, и что слова, которые в разбойники вознесли, теперь стерегут и душат» [Там же: 148].

Слова в «Восхищении» ограничивают, заумь же бесконечно расширяет смысловое поле. Воплощением мудрого отношения к жизни в романе является старый зобатый, умеющий ценить песни кретинов и понимающий, почему их считают заступниками деревни. Прототипом зобатого возможно считать В. Хлебникова — представителя «другого» футуризма, заумного. Зобатые практически принимают Лаврентия в семью, старый зобатый поучает разбойника, но тот не хочет и не может учиться.

Ориентированность Лаврентия на разрушение, а старого зобатого на созидание ведет к неизбежному конфликту. В конце романа зобатый обвиняет Лаврентия в царящем вокруг разрушении и погибает в борьбе с ним. Этот сюжетный поворот можно трактовать как «гибель» заумной футуристической поэзии в рамках футуризма как движения.

И.М. Зданевич высказывал критику в адрес романа «Мафарка-футурист», обвиняя произведение в излишней экзотичности [Маринетти: 14]. Несмотря на недовольство Ильязда, невозможно отрицать, что роман Т.Ф. Маринетти и «Восхищение» объединяет двойственность на уровне текста, обращение к описанию жизни представителей своеобразных архаических культур и возможность трактовки сюжетов как метафорических описаний истории футуризма.

В романе «Восхищение» И.М. Зданевич провозглашает ценность заумной футуристической поэзии, на продвижение которой была направлена его творческая и просветительская деятельность. В 1949 году Ильязд издал и поэтическую антологию, куда вошли как тексты французских авторов, так и русских футуристов, набранные латиницей.

Б.Ю. Поплавский: между символизмом и сюрреализмом

В творчестве Б.Ю. Поплавского исследователи находят как следы влияния символизма, так и художественных направлений, с которыми автор познакомился уже после переезда во Францию, застав там формирование этих направлений.

Сюрреалистический эффект в поэтическом сборнике Б.Ю. Поплавского «Автоматические стихи» достигается благодаря работе поэта с пространством.

В поэтическом сборнике «Автоматические стихи» Б.Ю. Поплавский чаще всего изображает надмирное пространство. Например, поэт добивается эффекта дереализации, сравнивая небо с морем: «Птицы-анемоны появлялись в фиолетово-зеленом небе. / Внизу, под облаками, было море, и под ним на страшной / глубине — еще море, еще и еще море, и наконец / подо всем этим — земля, где дымили небоскребы / и на бульварах духовые оркестры тихо и отдаленно играли» [Поплавский: 38].

Также искажение пространства используется для описания философской отстраненности лирических героев: «Говорили двое в комнате над миром / А в окне был виден яркий белый дом / На стенах были окна картин — там были закатные виды / А под полом глубоко сердце билось покрытое льдом» [Там же: 99].

В «Автоматических стихах» Б.Ю. Поплавский изображает пространство сна. Лирический герой находится в состоянии сна, но место его сна необычно — он спит на рельсах, он будто бы готовится к верной смерти, которой, однако, не случается, так как поезд движется в ином измерении:

Неустршимый
 Сплю на рельсах курьерского поезда
 Но в другом измерении
 Поезд пройдет во сне
 Испугавшись цветов
 Опрокинется в реку
 Наполнится рыбами
 Вернется домой
 Невозмутимый
 Помню о прошлом
 Тихо целую
 Грядущие дни [Там же: 63].

Работа с изображением области сна открывает перед поэтом возможности для любых творческих экспериментов. Мы наблюдаем иной уровень искажения пространства: в этом стихотворении изображено два параллельных измерения, переплетенных так, что невозможно установить, которое из них представляется герою реальным. Лирический герой уверен, что поезд не переедет его, а как бы пройдет сквозь него, через его сознание. Снова лирический герой представлен как отсутствующий для мира, его существование на грани несуществования. Чувства лирического героя искажены (он «неустршим», «невозмутим»), будто он является воплощением неверно понятой ницшеанской идеи. Мир сна отличается искаженными цветами и измененной гравитацией, но мир этот представлен не как спокойный, а как явно пугающий. Лирический герой, находящийся на пересечении двух измерений, не взаимодействует с другими людьми, он общается непосредственно со временем («Тихо целую/ Грядущие дни»), и даже абстрактная категория времени одушевляется, становится более близкой, чем отсутствующие «другие».

Для «Автоматических стихов» характерно «оживление пространства». Возможности для этого заложены в языке — в таких выражениях, как «дождь идет», «наступает день» и т. д. Благодаря использованию подобных формул, пространство «оживает»: «Тихо по стенам всходила вода / Карнизы смотрели в океанские дали» [Там же: 40].

Однако зачастую Б.Ю. Поплавский расширяет формулу, описывая прерывистый дождь как «вздыхающий». Природное явление приобретает человеческие черты: «Сорок дней снеговые дожди / Низверглись, вздыхая, над нами» [Там же: 39].

Б.Ю. Поплавский описывает привычные явления природы и обыденные вещи как необычные, все более очеловечивая их. Так у дождя в пятом стихотворении появляются руки («И уже шел дождь / Изнутри вовне, из прошлого в будущее / Унося в своей серой и мягкой руке / Последнюю доблесть моряков» [Там же: 37]), а у еще не наступивших дней в третьем стихотворении и руки, и головы («Сладко спят грядущие дни / Положив огромные головы / На большие красивые руки» [Там же: 35]).

Вероятно, именно те стихотворения, в которых пространство искажено, а предметы и природные явления оживлены, более всего подходят на творчество сюрреалистов:

1) искажения в данных текстах обусловлены тем, что лирический герой спит или прибывает в измененном состоянии сознания, таким образом, подчеркивается взаимопроницаемость реальности и сна;

2) в данных текстах зачастую описан не иной, а обыденный мир, и искажение явлений используется для придания их образам выразительности.

Особое внимание к описанию состояния сна сближает Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов и позволяет поэту альтернативным путем приблизиться в своем творчестве к тем же эстетическим установкам, которые проповедовали французские сюрреалисты.

И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский зачастую причисляются к представителям конкретных авангардных течений на основании типологического сходства их произведений и произведений их западных предшественников. Однако, размышляя о культурной идентичности этих авторов, важно учитывать их эстетические установки. Роман И.М. Зданевича «Восхищение» имеет типологическое сходство с романом-манифестом Ф.Т. Маринетти «Футурист Мафарка». Однако в романе Ильяз дана идейном уровне футуризм не превозносится, а критикуется, в отличие от его итальянского предшественника. Этот роман является манифестом изобретенного И.М. Зданевичем «всёчества». Стихотворения Б.Ю. Поплавского, включенные в поэтический сборник «Автоматические стихи», имеют тематическое сходство с поэзией сюрреалистов. Интерес к описанию измененного пространства позволяет поэту альтернативным путем приблизиться в своем творчестве к эстетическим установкам, близким сюрреалистам. Однако для причисления автора к определенному направлению важно учитывать последовательность применения характерных для направления приемов и эстетических установок. А в случае с Б.Ю. Поплавским этого нам обнаружить не удалось. Эклектичность творчества И.М. Зданевича и Б.Ю. Поплавского делает включение этих авторов в ряды представителей конкретных направлений проблематичным.

Список источников

- Зданевич И.М. Философия футуриста. Романы и заумные драмы / сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2008. 840 с.
 Маринетти Ф. Футурист Мафарка. Африканский роман. М.: Книжный магазин Циолковский, 2016. 260 с.
 Поплавский Б.Ю. Автоматические стихи. М.: Согласие, 1999. 228 с.

Список литературы / References

- Гейро Р. Манифест «Сорок первого градуса» (Париж, 1922) // Терентьевский сборник. М.: Гилея, 1996. 320 с.
 (Gayraud R. Manifesto of the Forty-First Degree (Paris, 1922), *Terentyevsky Collection*, Moscow, 1996, 320 p. — In Russ.)
 Йованович М. «Восхищение» Зданевича-Ильязда и поэтика «41°» // Йованович М. Избранные труды по поэтике русской литературы. Белград, 2004. С. 165—207.
 (Jovanovic M. Zdaniewicz-Ilyazd's "Rapture" and the poetics of "41°", *Jovanovic M. Selected works on the poetics of Russian literature*, Belgrade, 2004, pp. 165—207. — In Russ.)
 Ливак Л. Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2002. № 3. С. 89—108.
 Livak L. Boris Poplavsky's surrealist compromise, *Social and humanitarian sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2002, no. 3, pp. 89—108. — In Russ.)
 Менегальдо Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. СПб.: Алетейя, 2007. 268 с.
 (Menegaldo E. The Poetic Universe of Boris Poplavsky, St. Petersburg, 2007, 268 p. — In Russ.)
 Милькович Н.С. Три разговора о Поплавском. Поэтика Бориса Поплавского через призму интертекстуальности. Белград: Издательство филологического факультета в Белграде, 2022. 240 с.

(Milkovich N.S. Three conversations about Poplavsky. Poetics of Boris Poplavski through the prism of intertextuality, Belgrade, 2022, 240 p. — In Russ.)

Токарев Д. «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Попплавского в компаративной перспективе. М.: 2011. 352 с.

(Tokarev D. “Between India and Hegel”: The Work of Boris Poplavsky in a Comparative Perspective, Moscow, 2011, 352 p. — In Russ.)

Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 593 с. (Chagin A.I. Ways and faces. About Russian literature of the XX century, Moscow, 2008, 593 p. — In Russ.)

Шевченко Е.С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х — 1930-х годов. Самара: Самарский научный центр РАН, 2010. 484 с.

(Shevchenko E.S. Balagan aesthetics in Russian dramaturgy of 1900s — 1930s, Samara, 2010, 484 p. — In Russ.)

Шукуров Д.Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. М.: Языки славянской культуры, 2014. 225 с.

(Shukurov D.L. Russian literary avant-garde and psychoanalysis in the context of intellectual culture of the Silver Age, Moscow, 2014, 225 p. — In Russ.)

ILYA ZDANEVICH AND BORIS POPLAVSKY IN THE CONTEXT OF THE WORLD AVANT-GARDE

Valeria E. Simakova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation,
simakowa.valeriya@yandex.ru

Abstract. The article examines the issue of cultural identity of Ilya Zdanevich and Boris Poplavsky. Russian Russian emigration's first wave of writers is eclectic. I. Zdanevich and B. Poplavsky, as representatives of the “younger” generation of the first wave of Russian emigration, were familiar with Russian literature and showed openness to the new cultural experience of the world avant-garde. It is important to determine the degree of influence of this experience. I. Zdanevich followed the experiments of futurists, wrote abstruse dramas himself. However, he criticized futurism and suggested a more open to the cultural experience of all times as an alternative. The article analyzes in detail the novel by I. Zdanevich “Admiration” in the context of the history of futurism. B. Poplavsky is often considered to be a representative of surrealism. Thematically, the work of B. Poplavsky and the Surrealists is similar: for example, in the collection “Automatic Poems” special attention is paid to the iconic theme of sleep for surrealists. But did B. Poplavsky and the Surrealists address this topic with the same purpose? The ideological content of the works of I. Zdanevich and B. Poplavsky is analyzed by us in order to determine whether it is relevant to classify the authors in the above-mentioned directions.

Keywords: I.M. Zdanevich, Ilyazd, B.Y. Poplavsky, futurism, symbolism, surrealism

For citation: Simakova V.E. Ilya Zdanevich and Boris Poplavsky in the context of the world avant-garde, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 32—38.

Статья поступила в редакцию 07.08.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 07.08.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Симакова Валерия Евгеньевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева, simakowa.valeriya@yandex.ru, SPIN: 7663-0573

Valeria Evgenievna Simakova — postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, Russian Federation, simakowa.valeriya@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 39—46.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 39—46.

Научная статья

УДК 821.111:82-94:741.5

EDN <https://elibrary.ru/dfoiwf>

DOI: 10.46726/И.2026.1.5

НЕОМЕДИЕВИСТИКА И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ Н. ГЕЙМАНА «ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Елена Владимировна Баронова, Ольга Вячеславовна Волгина

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета

им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, iprreprod@yandex.ru, ovolgina14@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется, как общепринятое видение средневековья интерпретируется в дискурсе графического романа Нила Геймана. Авторы работы интересуются, способно ли произведение массовой культуры, которое совмещает в себе текстовую и графическую составляющую, выйти за рамки примитивного набора визуальных кодов и эстетики, не затрагивающей глубинные моменты исторического периода во всем многообразии социально-нравственных норм, экономического, политического и философского компонентов. Делается вывод о том, что писателю удалось осуществить связь между средневековым жанром видения и постмодернистскими идеями. Неомедиевизм как подход к изучению современных текстов открывает новые горизонты в интерпретации графического романа. Полученные выводы способствуют более глубокому пониманию продуктов популярной культуры как одного из вариантов рефлексии о природе сновидений, свободного выбора личности, баланса власти. Писателем создается метанарратив с привлечением многочисленных исторических и литературных аллюзий, когда каждый персонаж превращается в архетип, воплощающий различные аспекты подсознания.

Ключевые слова: графический роман, условное средневековье, неомедиевистика, диалог культур, интертекстуальность

Для цитирования: Баронова Е.В., Волгина О.В. Неомедиевистика и интертекстуальность в графическом романе Н. Геймана «Песочный человек» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 39—46.

Эпоха средневековья не теряет своего очарования ни для серьёзных исследователей периода от крушения Римской империи до итальянского Возрождения, ни для создателей бестселлеров массовой культуры. Это тот холст, на который добавляет детали и краски новое поколение, чьи идеи эскапизма реализуются посредством фэнтезийных компьютерных стратегий («Герои меча и магии»), настольных игр («Dungeons and Dragons»), субкультуры ролевиков и интереса к исторической реконструкции.

Целый ряд произведений писателя и сценариста Нила Геймана можно причислить к тем, что Умберто Эко именуется “interesting specimens of <...> neomedieval wave” («интересные образчики неомедиевистской волны») (Здесь и далее перевод наш. — Е. В., О. В.) [Есо: 61]. Они являются полной противоположностью псевдо-средневекового литературного китча, наподобие “Copan the King” (1984) или современного вебтуна “Marya Morevna” (2021), в котором

© Баронова Е.В., Волгина О.В., 2026

реалистичность и потуги на историческую достоверность уходят на второй план в угоду приключенческому нарративу в случае с первым комиксом и современной феминистской повестке — во втором.

В графическом романе “The Sandman” (1989—1996), который насчитывает 75 выпусков, мы находим как условное (комиксное), так и фэнтезийное средневековье. Сама идея создания вселенной, которая зиждется на сновидениях, равно интересна как для современного читателя, так и для людей, живших несколько столетий назад, когда жанр видений позволял в аллегорической форме исследовать ряд сложных вопросов философского плана, касающихся человеческой природы, а также несовершенств социума. «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда не просто упоминается в «Песочном человеке», но и становится поводом для диспута о языке поэзии.

По мнению Жака Ле Гоффа, чувство неуверенности было доминантой средневекового мира, «неуверенность в материальной обеспеченности и неуверенность духовная» [Гофф: 393]. Христианство с подозрительностью относилось к видениям, так как их источником могли быть не только святые, но и язычники, еретики. Однако жанр видений носил именно религиозный характер, начиная с самого раннего произведения подобного плана — «Видения креста» (относится к VIII—X вв.). Все видения имеют много общего с точки зрения развития сюжета. На поэта навевают дремоту либо прекрасная природа, либо книга, содержание которой затем отразится на видении. Он встречается наставника, который будет проводником в царстве сна, населенного как вымышленными, так и реальными историческими личностями. В результате взаимодействия с ними происходит моральное прозрение протагониста в эпилоге.

«Песочный человек» начинается с того, что страдающий бессонницей от переживаний куратор музея, задремав в экипаже, оказывается у ворот кладбища. Читателя не оставляет мысль, что всё происходящее далее может быть всего лишь видением человека, который недавно потерял сына, что подтверждается прямой цитатой из «Алисы в Зазеркалье» о спящем короле: “you’re only one of the things in his dream” («ты всего лишь часть его сна») [Carroll: 161]. Как и в средневековом мировоззрении, у Нила Геймана сон — вещь не индивидуальная, а коллективная. Текст похож на мозаику из видений огромного количества персонажей. Коренным отличием от средневекового жанра является то, что Морфеус (Сон, Делирий, Песочный человек) становится творцом этой вселенной: “...I shape the world” («...я собственноручно создал мир») [Gaiman 2020: 66], вступает в различные отношения (мести, дружбы, наставничества) с теми, кто встречается на его пути, и не только меняет их взгляды на жизнь, но и трансформируется сам.

Со средневековым жанром графический роман роднит и наличие библейских персонажей, например, это ветхозаветные Каин и Авель из второго выпуска, в чей дом приносит ослабевшего после многолетнего заточения Морфеуса горгулья. Их история подвергается весьма вольной, подчас гротескной интерпретации, сохраняя без изменений лишь финал и отчасти мотивации братьев. Трагикомизм Каина и Авеля имеет своим источником более ранний комикс, изданный за два десятилетия до «Песочного человека». Это антология хоррора от издательства DC Comics “The House of Mystery” и “The House of Secrets” («Дом тайн»). На это указывает даже внешнее сходство персонажей комиксов: заостренные уши, словно у гремлинов, нелепая худая фигура, взъерошенные волосы, очки. В романе Геймана агрессивная и властная натура Каина permanently подталкивает его к бесконечному циклу убийств добросердечного Авеля, рисуя трагедию первого братоубийцы и первой жертвы. Писатель добавляет

интересную деталь в портрет Авеля — заикание, что еще больше подчеркивает слабость и неспособность ответить на абьюзивное поведение Каина.

Еще один персонаж из Библии, который создан под влиянием комикса 1970-х — Ева. Вследствие своей тройственной природы она предстает перед читателем то как молодая девушка, то как женщина средних лет, то как старуха. У Геймана её часто сопровождает ворон Мэтью, когда она наблюдает за тем, как меняется ландшафт сна в стране сновидений.

Условное (комиксное) средневековье наиболее детально представлено в “Men of good fortune” («Люди удачи»). Тринадцатый выпуск, который вышел в 1990 году, с первых страниц погружает читателя в атмосферу конца четырнадцатого века. Его текстовая и графическая составляющая соответствует тому, что Николас Хейдок определяет как “medievalism” — дискурс, источником которого является средневековье, представленное посредством “marked alterities to and continuities with the present” («выраженными различиями и связями с настоящим») [Haydock: 19].

Поскольку одно из отличий графического романа от обычного состоит в том, что общий смысл автор вынужден представлять в концентрированном виде через диалог или монолог персонажей, интертекстуальность имеет первостепенное значение, так как за счет неё создается глубина значения и подтекст. Само название выпуска выбрано под влиянием музыкального творчества Лу Рида, чьи песни, по признанию Геймана, стали «саундтреком его жизни» [Gaiman 2013]. Название одной из баллад рок-исполнителя выбрано писателем для истории о Роберте Гадлинге. Основной посыл песни — антитеза между стремлениями тех, кто рожден в богатстве, и теми, кому нечего терять, “people out on the edges” («люди, что ходят по краю») [Там же].

В основе истории Хоба Гадлинга — легенда об Агасфере, которая предположительно возникла за сто лет до того, как гуляка из паба воспротивился смертности человека и возжелал вечной жизни. Эксплицитная интертекстуальность выражается в прямом упоминании скитаний до Второго пришествия Христа одним из собеседников Хоба, что выполняет двойственную функцию в графическом романе. Бессмертие англичанина — его осознанный выбор, а не наказание в результате конфликта. Кроме того, протагонист из истории Геймана перемещается только во времени, а не пространстве, в отличие от персонажа народной легенды, что позволяет автору показать аспекты жизни одной страны с точки зрения человека со средневековым сознанием. Морфеус, или Песочный человек, выступает здесь в роли искусителя, который предлагает сделку не с целью покупки души Хоба, а от скуки: “It might be interesting” («Это может оказаться интересным») [Gaiman 2020: 332]. Таким образом Песочный человек проводит эксперимент с непредсказуемым для него самого результатом.

Роберт — ничем не примечательная личность, не наделенная ни проницательностью, ни интеллектом, ни вкусом, что находит постоянное подтверждение в том, что он не может предугадать веяния времени или будущего гения. Он не способен увидеть ростки шекспировского таланта или бесперспективность общественного выбора. Тем он и интересен для Песочного человека как объект испытания. Он как *Everyman* из моралитэ неизвестного автора XV века. Нарратив двух произведений роднит и то, что смысл средневековой пьесы состоит в оправдании человеком своего существования на земле. Роберт также в итоге признает свои ошибки, одновременно указывая на своё предназначение, заставляя Морфеуса признать настоящую цель опыта, а именно, заполучить себе друга, способного понять, насколько трагичен дар бессмертия, поскольку он всегда сопряжен с одиночеством.

Сюрреализм происходящего подчеркивается родом деятельности Хоба. Получив дар бессмертия, он часто выбирает ремесло или бизнес, отрицающие жизнь и ее ценность. В XV веке он становится наёмником и бандитом, что было чрезвычайно востребовано в период бесконечных династических войн эпохи позднего средневековья и раннего Возрождения. Самым циничным оказывается его занятие работоторговлей в период роста американских колоний, когда человек воспринимался как товар, наравне с «зеленым золотом» и хлопком: “pack ‘em like sardines” («пакуем их, как сардин») [Там же: 345].

Рассмотрим визуальную составляющую выпуска, начиная с леттеринга в названии, где используется средневековая каллиграфия, с угловатостью и надломами, характерными для ранней готики в англосаксонских манускриптах, пока еще без ощущения плотности текста. Приём бросается в глаза за счет контраста с «современным» шрифтом, которым напечатаны фамилии автора и художников. Третья строка создает ощущение, что это своеобразная игра с написанием слов: только буквы «t» и «n» написаны на старинный манер. Автор не забывает заключить заголовок в кавычки, указывая на прямое цитирование.

На контрасте построены речевые пузыри второстепенных персонажей и Морфеуса. У последнего их очертания имеют весьма причудливую форму, напоминающую кляксы или монстров со множеством тентаклей. Черный фон с белыми буквами намекает на то, что Песочный человек представляет собой одно из высших существ тьмы, которое насылает ночные кошмары.

Для людей XIV века особую роль стали играть сумптуарные законы, предписывающие ограничения по расходам на одежду, ее длину и украшения для представителей низших сословий. Они были еще одним барьером между теми, кто имел право носить пурпур и накидку, подбитую горностаем, и теми, кто не мог позволить себе шелк и шлейф, фиксируя «функциональные различия отдельных общественных групп» [Квашнин: 6]. Иллюстрации в графическом романе вполне согласуются с нашими стереотипными представлениями о средневековье. Посетители таверны явно не отличаются достатком. Художник не особенно вдаётся в детали и фасоны одежды, поскольку основной акцент сделан на цвет. Мы видим оттенки серого, желтого, коричневого и зеленого, так как это были самые доступные в средневековье красители. Для них подходило любое растительное сырьё, от крапивы и пижмы до коры деревьев. Крой одежды — самый незамысловатый: типичная для простого люда цельнокроеная котта с разрезом спереди. Один из собеседников Хоба имеет на голове остроконечный капюшон, хотя типичный для тех времен головной убор данного фасона был более удлиненным, иногда до пояса, легко трансформировался в зависимости от погоды. Пояс является важной частью как мужского, так и женского костюма. Мы видим закрепленные на нем кошельки и нечто похожее на связку ключей, поскольку он принадлежит хозяину харчевни. В целом одежда и головные уборы компании соответствуют более раннему периоду — нет ни шнуровок, ни пуговиц. Из аксессуаров есть только массивная пряжка на ремне у одного из мужчин. По панелям комикса невозможно определить, надеты ли на мужчинах шоссы, или это нечто похожее на вполне современные штаны, так как в них заправлена короткая рубашка и при этом не видны крепления.

На контрасте с представителями народной массы созданы образы Морфеуса и его спутницы (Смерти). Из предыдущих частей «Песочного человека» мы уже знаем, что первый легко меняет свой внешний вид, моментально мимикрируя под среду и историческую эпоху. Персонажи предстают перед читателем как знатные горожане, о чем свидетельствует массивная золотая цепь,

украшенная огромным рубином на шее Морфеуса. В первую очередь о статусе говорит цвет одежды. Синий краситель индиго — очень дорогой, его могли себе позволить только весьма состоятельные горожане. До XV века процесс его производства был весьма трудоемок. На голове Песочного человека мы видим достаточно скромную шапку-таблетку, которая не украшена ни перьями, ни вышивкой.

Женщина одета намного скромнее. Ее наряд вполне вписывается в моду XIV века: это барбетта, головной убор из белого полотна, который полностью закрывает ее грудь, подбородок, уши, часть лба, волосы. Сюрко (приталенное платье) имеет так называемые “hells gates” («адские окна»), так как в вырезы на боках можно видеть облегающую тело котту. Богатая вышивка на головном уборе и платье — не единственное украшение одеяния Смерти. На груди она носит крест очень странной формы, делающий его похожим на египетский символ вечной жизни, анкх, что, скорее всего, намекает на предмет её спора с Морфеусом.

Из посетителей также выделяются два собеседника. Это монах, чью принадлежность к католической церкви выдает лишь тонзура, поскольку ряса оттенка охры не позволяет причислить его ни к одному из орденов. Сидящий напротив него человек носит более богатый костюм, так как он оторочен мехом. Джеффри Чосер, а именно так обращается к нему монах, мог себе позволить использовать мех не для тепла, т.е. подкладки, а для украшения, так как в 1389 году он заведовал королевскими строительными работами, что хорошо оплачивалось. За девять лет до этого он начинает писать «Кентерберийские рассказы», которые с жаром критикует священнослужитель.

Таким образом, следует отметить, что художники внимательно отнеслись к материальной культуре изображаемого периода. Это касается не только одежды, но и здания таверны. Оно построено из камня, имеет соломенную крышу. Дымоход отсутствует, потолок плоский и поддерживается решеткой балок. Название «Белая лошадь» входит в десятку самых популярных наименований для паба в Англии. Его корни — в геральдическом символе королей Уэссекса, в честь побед которых, согласно легенде, был вырезан соответствующий геоглиф на одном из склонов Солсбери. Цеховая геральдика кучеров, колесников, кузнецов, связанная с перевозками, для которой таверны были важной частью логистики, также имела изображения белого коня.

Что касается лингвистических особенностей текста, то Нил Гейман избегает использования архаизмов или диалектных черт, что обусловлено целевой аудиторией жанра графического романа. Молодому поколению могут показаться излишне тяжеловесными средневековые грамматические конструкции с громоздкой системой окончаний для разных родов, лиц и чисел. Единственная форма, взятая из среднеанглийского периода — причастие сильного глагола первого класса «*rungen*»: “John Ball has rungen your bell” («Джон Бол прозвонил в твой колокол») [Gaiman 2020: 332]. При этом не используется ранняя форма перфекта с диграфом (*hath*) и средневековое написание личного местоимения. В данном случае это переделанная на современный манер цитата, которая приписывается одному из предводителей крестьянского восстания 1381 года, священнику Джону Боллу, обвиненному в ереси, повешенному и четвертованному. Как видим, считать культурный код, заложенный автором в графическом романе, не так легко, это доказывает, что «Песочный человек» — не примитивный комикс, а достаточно сложное художественное полотно.

Атмосфера средневековья создается при помощи упоминания множества реалий данного периода, значимых для жителей островного государства. Их можно разделить на три условных группы: события, идеи и люди. Что касается

переломных моментов XIV века, то это, прежде всего, Столетняя война (1337—1453), в которой поучаствовал Хоб. Чудовищным испытанием для всей Европы стала Черная смерть, чума, из-за которой умерла половина деревни Хоба. Оба момента были настолько большими трагедиями, что упомянуты в одном предложении. Так Нил Гейман составляет оппозицию тем, для кого средневековые — это культура “arose out from chaos, violence, <...> created prosperous and stable communities” («поднялась из хаоса и насилия, создала процветающие и устойчивые сообщества») [Cantor: 565]. Мир прошлого далек от идеального с его оковами иерархических отношений, невозможностью противостоять пандемиям, выкашивавшим от двадцати до сорока процентов популяции, короткой продолжительностью жизни, высокой детской смертностью, религиозным фанатизмом и преследованием инакомыслия, что частично отражено в диалогах комикса.

В этой панели мы наблюдаем лексический анахронизм: когда Хоб упоминает битву в Бургундии, он использует выражение “pig’s ear”. Данная идиома, означающая «испортить, взяться за дело неумело», появилась лишь двумя веками позже из пословицы “you can’t make a silk purse out of a sow’s ear” («нельзя сделать шелковый кошелек из свиного уха»).

Если рассматривать графический роман Геймана как фэнтезийное средневековье, то мы найдем в нем множество образов, которые будоражили воображение читателей той эпохи. Это артефакты в виде магических камней, которые похищают и возвращают персонажи, сказочные локации, монстры, горгульи, сивиллы, хранители тайн.

Мировоззрение средневековья также отражено в образе Смерти и самого факта интереса к ней. Для европейца этого периода мертвые имели “a more significant social presence” («более значительное социальное присутствие») [Classen: 7], а потому его отношение к смерти нельзя описать никак иначе, чем «одержимость» [Huizinga]. Поэты Высокого Средневековья подчеркивали вездесущность, беспощадность и внезапность смерти. Из-за нехватки мест для захоронений оссуарии стали привычным явлением в XIII веке, а декорирование церквей при помощи останков начали критиковать только в период Реформации.

Смерть в «Песочном человеке» принимает разные формы. Это могут быть намёки на нее, например, действие переносится на кладбище. Сон второстепенных персонажей может быть подобен смерти, так как почти полностью нарушены все жизненно важные функции. Неслучайно Смерть называет Морфеуса своим братом [Gaiman 2020: 330]. Тела грешников находятся на грани распада и напоминают ходячих мертвецов, как в истории с Берджесом, которого Морфеус наказывает вечным пробуждением, или трагедии бывшей девушки журналиста Константина, которая, потакая пагубному пристрастию, превратилась в живой труп. Смерть может принять облик девушки-гота, наблюдающей за птицами-падальщиками в центре современного мегаполиса. В тринадцатом выпуске графического романа она появляется именно в тот момент, когда Хоб заявляет: “I’ve seen death... It’s not like I don’t know what death is” («Я видел смерть... Не то чтобы я не знал, что такое смерть») [Там же: 329]. Автор иронизирует над тем, что слова персонажа расходятся с делом: он не узнает в посетительнице трактира великого уравнителя людей.

Гейман сосредотачивает внимание читателя на трех дебатах. Это спор Песочного человека со Смертью о цели посещения мира живых, пари Хоба с Морфеусом о бессмертии и, наконец, литературная дискуссия. Разговор о возможности вечной жизни происходит в духе средневекового пессимизма, когда все заявления Хоба разбиваются об аргументы собеседника о средней продолжительности

жизни в тридцать лет, а максимальной в шестьдесят, что почиталось за великую удачу в те беспокойные времена. Очевидно, что Хоб относится к категории людей, которым повезло перейти первую черту. В диалоге не случайно упоминается перманентное ожидание конца света, так как во всех природных явлениях видели предзнаменования Апокалипсиса, ему посвящались апокрифы и устные предания, из-за него крестьяне зачастую отказывались сеять хлеб. Эсхатологические ожидания вполне соответствуют лозунгу “Memento mori”: “They put you in the ground to wait the day of judgement” («Они закапывают тебя, чтобы ты ждал Судного дня») [Там же: 330]. В очередной раз мы наблюдаем, что персонаж Геймана идет по пути тех самых «людей удачи», кто любит заглядывать за край бездны, бросая вызов своим гедонизмом католической церкви с её обещаниями радостей в загробной жизни после всяческих ограничений и страданий в земном существовании.

Сходное с Хобом мировоззрение имеет участник литературной дискуссии. На обвинения монаха в непристойности некоторых сюжетов про пилигримов Чосер признается в своей любви к историям, которые рассказывают путешествующие представители разных сословий в тавернах. В противовес ценителю высокого стиля и знатоку французского языка, он приводит в качестве примера ключевую реплику грязного анекдота про священника и лесничего в духе одного из «Кентерберийских рассказов». Конечно, в творчестве средневекового поэта был так называемый «французский период», однако в его эпоху язык, принесенный нормандскими завоевателями на английскую землю, значительно ослабил свои позиции даже в официальной сфере королевского двора и судопроизводстве.

Гейман завершает историю Роберта и Морфеуса в современном пабе XX века. Посетители по-прежнему обсуждают повышение налогов и конец света. Цикличность рассказа убеждает читателя в неизменности человеческой природы. Таким образом, автор совмещает элементы условного и фэнтезийного средневековья, мира современности и мифа. Заявление Хоба о том, что смерть лишь игра, в которой участвуют по желанию, является отзвуком философии постмодернизма, когда выражается недоверие к универсальным, казалось бы, истинам. Средневековый жанр видения доводится до абсурда, заставляя Морфеуса признать, что даже такому бессмертному существу, как он, требуется моральная опора и поддержка друга.

Список литературы / References

- Квашнин В.А. «Архаические» законы о роскоши: к проблеме возникновения и путей развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, № 1. С. 3—8.
- (Kvashnin V.A. «Archaic» laws concerning luxury: about the problem of their emergence and ways of development, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiya*, 2008, vol. 7, no. 1, pp. 3—8. — In Russ.)
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / пер. с фр. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
- (Le Goff Zh. The civilization of medieval west, transl. from French. by V.A. Babintsev, Ekaterinburg, 2005, 560 p. — In Russ.)
- Cantor N.F. The civilization of the Middle Ages, N.Y.: HaperCollins Publishers, 1993, 610 p.
- Carroll L. Alice’s adventures in Wonderland. Through the looking glass and what Alice found there, London: Oxford University Press, 1998, 320 p.
- Classen A. Death in the Middle Ages and early modern time, Berlin: CPI Books GmbH, 2016, 552 p.
- Eco U. Travels in hyperreality, N.Y., L.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1986, 328 p.

Gaiman N. *The Sandman*, Pt. 4, N.Y.: DC Comics, 2020, 518 p.

Gaiman N. His songs were the soundtrack of my life, *The Guardian*, 2013, 28 oct. URL: <https://www.theguardian.com/music/2013/oct/28/neil-gaiman-lou-reed-sandman> (accessed: 02.01.2025).

Haydock N. Medievalism and excluded Middles, *Studies in Medievalism XVIII: Defining Medievalism(s) II*, London: Boydell and Brewer, 2009, 320 p.

Huizinga J. *The waning of the Middle Ages*, London: Penguin Books, 1990, 356 p.

NEO-MEDIEVAL STUDIES AND INTERTEXTUALITY IN N. GAIMAN'S GRAPHIC NOVEL "THE SANDMAN"

Elena V. Baronova, Olga V. Volgina

Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas, Russian Federation, ipreprod@yandex.ru, ovolgina14@mail.ru

Abstract. The article analyzes how the generally accepted vision of the Middle Ages is interpreted in the discourse of Neil Gaiman's graphic novel. The authors are interested in whether a work of popular culture, which combines text and graphic components, is able to go beyond the primitive set of visual codes and aesthetics that do not touch upon the deep moments of the historical period in all the diversity of social and moral norms, economic, political and philosophical components. It is concluded that the writer managed to establish a connection between the medieval genre of vision and postmodernist ideas. Neo-medievalism as an approach to the study of modern texts opens up new horizons in the interpretation of the graphic novel. The findings contribute to a deeper understanding of the products of popular culture as one of the options for reflecting on the nature of dreams, free choice of an individual, and the balance of power. The writer creates a meta-narrative with the involvement of numerous historical and literary allusions, when each character turns into an archetype embodying various aspects of the subconscious.

Keywords: graphic novel, conventional Middle Ages, neo-medieval studies, dialogue of cultures, intertextuality

For citation: Baronova E.V., Volgina O.V. Neo-medieval studies and intertextuality in N. Gaiman's graphic novel "The Sandman", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 39—46.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 02.01.2025; approved after reviewing 01.03.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Баронова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культур, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, ipreprod@yandex.ru, SPIN: 1805-9116

Baronova Elena Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of foreign languages and cultures, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas, Russian Federation, ipreprod@yandex.ru

Волгина Ольга Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культур, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, ovolgina14@mail.ru, SPIN: 9566-4981

Volgina Olga Vyacheslavovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of foreign languages and cultures, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas, Russian Federation, ovolgina14@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 47—55.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. 47—55.

Научная статья

УДК 821.111(73)-31:82-84

EDN <https://elibrary.ru/xyeffs>

DOI: 10.46726/И.2026.1.6

МОТИВ ТОСКИ В РОМАНЕ

А. АСИМАНА «ГАРВАРДСКАЯ ПЛОЩАДЬ»

Дана Юрьевна Гагарина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,

г. Саранск, Россия, pd-20042@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить специфику репрезентации мотива тоски в романе американского писателя А. Асимана «Гарвардская площадь». В результате установлено, что, во-первых, мотив тоски предстает в двух взаимосвязанных аспектах: тоска нарратора по дому и потеря искреннего «я». Во-вторых, мотив тоски репрезентован в произведении через рефлексию и ретроспекцию нарратора, который посредством персонажей-двойников сожалеет об ушедшей юности, а также пространство Гарварда, Александрии, Франции: если в Александрии герою видится идеальная модель бытия, то Франция занимает промежуточное положение между утраченной родиной и настоящим, тоску вызывает не подлинный облик страны, но воображаемый. В-третьих, тоска воплощена с помощью прустовских образов памяти, «утраченного времени», которые автор расширяет: в отличие от М. Пруста, писатель осмысливает память как сугубо личную, лирическую категорию, не возводимую на философский уровень. Наконец, мотив тоски переплетается с мотивом пути, что маркируется отсылками к образу Одиссея, но в отличие от героя Гомера, нарратор дома не достигает, ведь его путешествие — это путь к себе, а «чужие земли» — обрывки воспоминаний.

Ключевые слова: современная проза США, мотив тоски, топоним города, традиция М. Пруста

Для цитирования: Гагарина Д.Ю. Мотив тоски в романе А. Асимана «Гарвардская площадь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 47—55.

Творчество Андре Асимана является одним из наиболее примечательных в современном англоязычном литературном процессе. Помимо научной деятельности и преподавания истории французской литературы, Асиман является писателем и эссеистом, автором романов («Энигма вариации», «Назови меня своим именем» и др.) и сборников эссе. Прозаик неоднократно отмечал, что у него своеобразное понимание процесса написания текстов: «Как только я записываю воспоминание на бумагу, я помню то, что написано на ней, а не действительно произошедшее... акт письма может изменить то, о чем вы писали» [Reese] (*Здесь и далее перевод наш. — Д. Г.*). В России А. Асиман обрел известность с выходом перевода романа «Назови меня своим именем» (2007) и его одноименной экранизации.

Еврей по происхождению, семья которого в 1965 году эмигрировала из Египта, писатель по собственному опыту знает, что такое «изгнание», и до сих пор

не может ответить, где его родина, в связи с чем его ключевыми темами становятся идентичность, дом, поиски подлинного «я». Автор с тонким психологизмом исследует человека и его связи с внешним миром. Заметим, что исследователи созвучно говорят об Асимане как об одном из талантливейших прозаиков XXI века, осмысляющего темы ностальгии, эмиграции и национальной идентичности; хронотоп его городов сравнивают с Лондоном Ч. Диккенса, Петербургом Достоевского и Парижем М. Пруста, неоднократно отмечая, что так или иначе все его города (Нью-Йорк, Крема, и пр.) «соперничают с Парижем XIX века и имеют идеальную обстановку для воспроизведения ностальгии любящим героем» [Lesse]. Критики сходятся во мнении, что Асиман является одним из наиболее ярких продолжателей прустовской традиции в современной литературе, называя его «современным Прустом», «поэтом разочарования в любви» [Там же]. Эти аспекты воплощаются во всех романах прозаика, однако наиболее примечательно они репрезентированы, на наш взгляд, в романе «Гарвардская площадь» (2013).

Сюжет романа строится на воспоминаниях безымянного и постоянно «увиливающего» рассказчика об университетском прошлом в Гарварде, которое принесло ему новые эмоции и знакомства, главное из которых — с таксистом Калажем, меняющим на время его жизнь и понимание себя, но бесследно исчезающим из его жизни. Последнее тесно связывается с мотивом тоски и ностальгии. Кроме того, сюжет цикличен: он начинается и завершается в объективном времени, а время внутри ретроспекции (1977 год) хотя и смещается от прошлого к будущему, но всё же образует хронологическую последовательность. При этом характерные хронологические «сбои» и несоответствия происходят из иррационального, но чувственного повествования романов А. Асимана» [Муртазина]. Оговоримся, что репрезентация этого явления справедливо связывается с прустовской традицией, особенно с «потоком сознания», который понимается учеными по-разному: и как технический прием (О. Уоррен), и как жанровая разновидность (И. Сухих), и как художественный принцип. Несмотря на широкое определение феномена, писатель трансформирует его по-своему, исключая такой критерий, как «сложный сдвиг временных слоев». Герои произведений переносятся в прошлое, но хронологическая последовательность событий не нарушается до значительного уровня. Тем не менее, главным отличием романа становится то, что процесс осмысления себя происходит не вследствие влюбленности, а дружбы. Кроме того, впервые «любимый» «представляет себя не как Американский или европейский еврей, а как арабский мусульманин» [Zonana], рассказчик — египетским евреем, эмигрировавшим из Александрии, что позволяет писателю «исследовать знакомую историю по-новому, усложняя и в итоге трансформируя его изображение изгнанного, “обрезанного” еврея, жаждущего целостности и дома» [Там же]. Сам мотив тоски предстает в двух аспектах, взаимосвязанных друг с другом: тоска нарратора по дому и об утрате истинного, искреннего «я», превращении в «эрзац». Мотив и чувство, сопряженное с ним, зачастую выступают в произведении не напрямую, но через размышления, пространство и т. д.

В свою очередь понятие дома является специфическим, с одной стороны — из-за эмиграции, с другой — собственного восприятия времени: «реальное обитаемое пространство в буквальном смысле превращается в улицу между ними [родными домами] ... переходом от памяти и воображения обратно к воображению и памяти» [Асиман 2023b: 177], т. е. нарратор, равно как герои, находится «не здесь, а где-либо в другом месте... Таков мой дом» [Там же]. Писатель не может назвать своим домом и определенное время, поэтому он всегда где-то в промежутке между «двумя иллюзорными временными зонами: ещё нет и “более нет” —

или, если говорить точнее, “более нет”, которое оглядывается назад на то время, когда оно было “ещё нет”, но уже знало, что скоро превратится в “более нет”» [Там же: 76].

Повествование открывается с описания «одиссеи» по колледжам рассказчика и его сына, который, побывав в Гарварде, делает вывод, что не хочет здесь находиться. Само сравнение с Одиссеем не случайно, поскольку он, равно как и нарратор, совершает путешествие по чужим землям, возвращаясь в итоге домой. Однако писатель переосмысливает мотив пути, который обретает психологический оттенок — это путь к себе, а «чужие земли» в данном контексте предстают обрывками воспоминаний. Примечательно и различие между героями: если Одиссей спустя долгое время все-таки возвращается домой, то рассказчик — нет, поскольку его дом никогда не существовал. В то же время мотив связан и с менее отдаленным произведением XIX века «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла. При этом репрезентация «возвещения», вынесенная эпиграфом к последней главе романа приобретает здесь иной оттенок. «Слово» героя не «прямое», но через пребывание в месте, связанном с воспоминанием, поэтому «возвещение» трактуется как обращение к себе. Действительно, размышляя над вопросом, зачем он здесь находится, рассказчик делает неопределенный вывод: «часть моей души хотела, чтобы он пошел по моим стопам <...> может, мне самому хотелось еще раз пройти по собственным стопам ... чтобы расквитаться с прошлым» (7)*. Но ему все же нравится в Гарварде, причем чувство это связывается не с настоящим образом, но с прошлым и тоской по нему, а также с желанием испытать «любовь задним числом», не вспоминая ушедшие дни. Оговоримся, что в творчестве А. Асимана память выступает как сугубо личная, лирическая категория, не возводимая на иной, философский, уровень, в чем одно из ключевых отличий его прозы от произведений М. Пруста.

Но воспоминание возвращается к герою, когда он оказывается напротив кафе «Алжир», вещи в котором «звали» его «к себе через десятилетия». Он также понимает, что хотя и вывеска, и расположение заведения изменились, — это не важно, — ибо значение для него приобретает образ прошлого «Алжира» и себя в нем, настоящего для него не существует. Кафе становится «катализатором» для развития воспоминания и сюжета, причем как в прошлом, так и в настоящем, и позволяет сделать бывшему аспиранту вывод: «Это не мой дом... Это не моя жизнь...» (11). Функция кафе на этом не исчерпывается, ведь оно вводит в роман мотив двойничества. Именно оно является отражением души рассказчика. Но одновременно с ним в объективном времени есть и «двойник-катализатор», персонафицированный — сын. Он также служит оправданием героя за то, что он снова оказался в Гарварде не по собственной инициативе, а также — за воспоминание: «пусть сын станет моим прикрытием» (5).

Один из ключевых двойников рассказчика — его друг Калаж, берберский мусульманин, оказавшийся в США случайно, и как большинство эмигрантов из Ближнего Востока, прошедший сложные «странствия» по странам. Это двойник-антагонист, причем нарратор не раз отмечает их несхожесть: «Я был скован, опаслив, застенчив; он — бесшабашен и безжалостен, чистая пороховая бочка. Он все мысли высказывал вслух. Я свои хранил, точно в сейфе <...> Он... уже успел поговорить едва ли не со всеми в Кембридже; я четыре года проучился в Гарварде, но тем летом... мне не с кем было перекинуться словом» (40). И уже первая их

---

* Здесь и далее текст романа А. Асимана «Гарвардская площадь» цитируется по изданию: [Асиман 2022] с указанием в скобках страниц.

встреча говорит об антагоничности. Так, аспирант, который хочет остаться в одиночестве и почитать в кафе, слышит голос Калажа: «Он сидел ... и говорил по-французски... Он не умел говорить: он строчил из пулемета <...> Дерганые, прерывистые...» (19). Именно тоска по самому себе заставляет рассказчика подойти к незнакомцу, несмотря на застенчивость: «Поначалу меня ... потянула одна вещь <...> было в его тембре и фразировке его речи нечто такое, что перебирало сваленные в кучу древние обломки, напоминая мне о человеке, которым я, может и родился, но которым не стал» (42). Впоследствии это чувство эволюционирует: из тоски по общению до тоски по Александрии. Оно проявляется не как конкретное воспоминание, но как совокупность того, что рассказчик в себе упустил. Последнее связывается, с одной стороны — с национальной идентичностью, с другой — со становлением собственного «я». Кроме того, тоска по Александрии, которая помнится неопределенно, достигается и показывается в разных воплощениях: как кафе «Алжир», впечатление от него, и в образе Калажа, причем они тесно взаимосвязаны. О Средиземноморье в кафе напоминает все — от интерьера до атмосферы: на задней стене фотография Типаза, запах хлорки, песни Брассана. Но главное в заведении — люди и ощущения, которые позволяют рассказчику на время не ностальгировать по другому «я» и неопределенному дому: «заходил в кафе «Алжир», чтобы забрать оттуда человека, которого оставил в Северной Африке, каждый пробирался назад к той точке, где жизнь, видимо, свернула не туда ... мы отыскивали путь к маме» (32). Последнее же особенно примечательно, ибо отождествление дома — матери — женщины проходит через все произведение. Так, рассказчик знакомится со многими девушками, но ощущение «настоящей» испытывает лишь с Нифлуар, уроженкой Ирана, поскольку она позволяет ему на время обрести Александрию и собственный голос: «... впервые испытал безоговорочную душевную связь с женщиной, помимо моей мамы» [Асиман: 104]. С её образом связано и объективное время, связанное с обретением дома. Находясь в настоящем, рассказчик придумывает иную версию своей встречи с Калажем спустя много лет, при этом катализатором воображения является взятый из машины друга стикер, олицетворяющий «послание сквозь время»: «славно, что ты меня нашел... Завел двух дочек. Воспоминания остались хорошие» (217). Примечательно, что женщин две, что символизирует не только обретение Калажем дома, семьи, но и себя. С другой стороны, нарратор только представляет себе эту ситуацию, не встречая друга в реальности, что подтверждает сложность положения всех людей — эмигрантов, и то, что герой так и не утвердился в собственном «я», осознал невозможность обрести дом. Но одновременно с этим воспоминание принесло рассказчику облегчение от тех чувств, и самого факта воспроизведения в памяти прошлого. Это также позволило ему метафорически «полностью принять своего двойника, открыть себя для идентичности, объединяющей мужское и женское, еврейское и арабское, европейское и ближневосточное» [Zonana].

С финалом также связана цикличность повествования и прустовский мотив обретенного времени. При этом весь роман в данном контексте мыслится как поиск утраченного и никогда не существовавшего себя. Образ Александрии, на наш взгляд, тесно связан и с представлением о ней К. Кавафиса, также оторванного от «почвы» грека. Так, в его диптихе «Итака» (1910) — «Покидает Бог Антония» (1911) лирический герой призывает к стоицизму в принятии «утраты» города и к мужеству перед лицом неизбежного, а также «открывает для себя Александрию, как модель мира» [Ильинская: 10]. Герой романа А. Асимана в свою очередь, тоже осмысливает город как логичный исход его жизни, идеальную, но просто существующую на периферии, модель бытия. Он, равно как и лирический герой Кавафиса,

непроизвольно возвращается к ней, тоскует, но и легко отказывается от неё. Кроме того, рассказчик не просто ностальгирует по ней, ее вымышленным локусам, но и наслаждается этим, издеваясь над собой, поскольку чувства приносят боль. Александрия для рассказчика прекрасна именно потому, что не может больше стать домом, он радуется тому, что в отличие от Калажа, перешел «по ту сторону» нового мира.

Однако мотив тоски претерпевает эволюцию, будучи связанным с утратой Франции, причем Александрия не переходит на второй план, а действует одновременно. Франция занимает для героев промежуточное положение между родиной и тем миром, куда они попали, следовательно, и между прошлым «я» и настоящим. При этом тоску и любовь вызывает не настоящий облик страны, но воображаемый, созданный в воспоминаниях: «Францией мы прозвали отчаянную попытку найти в своей жизни хоть какое-то основание...» (44). Именно тоска по воображаемому Парижу, имплицитно заставляет рассказчика поддерживать дружбу с Калажем.

Сам писатель объясняет понимание ностальгии собой и своими героями так: «я тоскую по памяти о тех последних днях в Александрии, когда я уже предчувствовал, как буду смотреть из Европы вспять на ту самую Александрию, которую мне так не терпелось утратить. Я тоскую по себе, ищущему того меня, которым я стал теперь» [Асиман 2023а: 9]. Причем страна для писателя становится родной благодаря тому образу, какой он выстраивает: «тоскую по Франции, которой никогда не существовало...и все-таки она есть где-то там, на пути между Александрией, Парижем и Нью-Йорком, притом что я не смогу точно указать ее местонахождение... Это Франция вымышленная» [Там же: 6]. Также страна для прозаика и его героев (рассказчик в романе представляется французом, не понимая кто он) выступает в функции самопознания, рефлексии, поиска национальной идентичности: «это был ... способ существования в мире, который заставил меня полюбить его и себя самого» (49). Именно такое представление о стране становится связующим между главными героями, ибо они оба «боготворили» Францию ещё до того, как сами туда попали. Страна в свою очередь приобретает новые символы и метафоры: кафе «Касабланка», «щасливый час» и др. Значим именно психологический хронотоп Франции, созданный воспоминаниями, ассоциациями и т. д. В отсылках к ней выстраивается новый вид Гарварда, который теперь, вместе с этими «отголосками», заставляет героя почувствовать себя спокойнее и свободнее. Кроме того, тоска «обретает» явное воплощение в образе Калажа. Его понимание этого чувства иное, ибо связывается со страхом депортации, при этом постоянно вспоминая, что видел мир. Рассказчик неоднократно отмечает, что судьба друга может стать также и его (изгнание из США, потеря работы). Имплицитно именно из-за страха за свое пребывание в стране нарратор отдалается от Калажа. Дружба таксиста и главного героя строится на колебании, при этом «сближение» происходит вследствие желания вернуться к своему настоящему «я»; «отдаление», с одной стороны, из-за тяги к социальному укоренению, к культуре и к «другому Американскому я», с другой стороны, из-за боязни потерять все то, что он уже обрел в Гарварде.

Весьма примечательно и «стремление» нарратора к Америке. Оговоримся, что оно и у главных героев имеет лишь отдаленную связь с понятием “the American dream”, утверждающего на разных этапах своего осмысления общую мысль о свободе, равенстве в труде и вере в свои силы. Связь эта заключается в двух противопоставленных образах: нарратора и его друга. Так, Калаж, его судьба (депортация, разочарование в США и т.д.) становится отрицательным аспектом этого явления, доказывая тезис о невозможности равных прав, свободы и пр. Тем не менее, полная

реализация феномена невозможна, поскольку, во-первых, нарратор и Калаж верят не столько в Америку, сколько в возможность укорениться хоть где-нибудь и почувствовать себя приближенно к Средиземноморью, Франции, к стабильности. Во-вторых, реализация не происходит из-за сложности определения национальности самого прозаика, не причисляющего себя ни к какой национальной литературе: «я не американский писатель, не французский и не итальянский» [Shafaieh]. Таким образом, Асиман «является представителем интернациональной литературы, чьи труды нельзя отнести к плодам одной или двух национальных литератур: в его англоязычной прозе проявляется тяга к родному еврейскому народу, как к главному источнику, вдохновившему на создание персонажей, и к европейскому типу мышления, который свойственен и самому автору, и его героям» [Муртазина]. Но ведущее место в произведениях автор отводит именно теме самопознания, изображению личных чувств, зачастую не связанных с происхождением. Помимо этого, Америку в понятии “the American dream” метафорически замещает и заменяет Франция, выводя на передний план условную «the France dream». Суть её — в мечте о несуществующем Париже и опора на эту вымышленную страну, как на катализатор поступков рассказчика.

Несмотря на встречу с научным руководителем и на понимание собственного чувства, нарратор отдаляется от Калажа, поскольку обретает собственный голос. Ему более не нужен двойник, но эйфория от самоутверждения проходит, поскольку «не подпитывается» со стороны. Поэтому отношения рассказчика и его друга развиваются, и в какой-то момент он понимает, что счастлив. Это происходит во время внезапной поездки за город. Так, общество Калажа и их друзей-девушек, помогает рассказчику принять иной дом таким, какой он есть, даже фикциональный: «Если я и не знал, к какому лагерю принадлежу — к Лоуэлл-Хаусу или к Калажу, — я уж всяко не имел ничего против того, чтобы снова челноком между ними, стоять в каждом одной ногой, потому как принадлежу к обоим, а значит, ни к одному — это как иметь дом, где не чувствуешь себя как дома» (136). При этом принятие состояния «между» становится решающим в поведении героя и обусловлено его характером: человек он крайне нерешительный, и его состояние «повременить» заключается не только в ожидании подходящего момента, но и в том, чтобы избежать его. Здесь очевидна параллель между «Гарвардской площадью» и «Адольфом» Б. Констана, где «коллизия вечной жажды недостижимого и ускользающего и мгновенного охлаждения к достигнутому облегчаются в психологические формы, которые предстают нам, как прустовские» [Гинзбург: 279]. Примечательно, что именно из-за медлительности в финале произведения, герой Асимана не может испытать полноценную грусть от депортации Калажа. Кроме того, он тоскует и по «будущему себе», который сможет вспоминать с грустью о друге. Однако решающим в отсутствии чувств оказывается понимание того, что он уже стал частью нового не-средиземноморского общества, в котором ощущает себя комфортно и признается себе в этом: «Я стал одним из «них»... вот только сам этого не знал или отказывался признавать, пока не встретил Калажа и не утратил...» (212). Его друг таксист первым упоминает о «медлительности» как свойстве характера. Для него оно заключается, с одной стороны, в тактике поведения с женщинами, с другой же — в уклонении от общества, к которому он имплицитно стремится стать ближе: «я понял Калажа. За огульным отрицанием Америки скрывалось отчаянное желание не сдаваться в случае, если Америка откажется ему потворствовать <...> Калаж предпочитал первым повернуться спиной, в надежде: а вдруг Америка все-таки попросит его взглянуть на нее более благосклонно» (134). Рассказчику становится ясна не только условно «реальная»

суть характера друга, но и воображаемая: «принижая Америку и обзывая «амерлоками» все несовершенное в этом мире, он как бы создавал для себя воображаемое средиземноморское «я» ... нечто, чего, наверное, никогда не существовало, но ему-то требовалось верить, что оно где-то там, на воображаемом ином берегу, потому что в противном случае некуда... будет ему прибиться в случае, если Америка повернется к нему спиной» (135). Примечательно, что принятие страны начинается именно на пикнике: Калаж пробует американскую еду (нектарин, который он ранее считал «самым эрзацным фруктом») и признает ее вкусной. Сам фрукт тоже важен, поскольку выполняет функцию плода дерева познания, где последнее — американское общество. С другой стороны, в этом романе А. Асиман продолжает метафору «фрукт-чувство», начатую в «Назови меня своим именем» (персик — метафора сексуального влечения Элио), но здесь фрукт осмысливается как «иной мир» и одновременно — как метафора дружбы. Но наибольшее «сближение» с не-страной происходит в момент, когда он устраивается преподавателем французского в Гарвард, становясь «полноправным» членом иного общества: «Ему открылся совершенно новый мир, и было видно: в душе его поселились восторг и благоговение» (186). Причем герой считает прекрасным все фикциональное, маркирующее его «ненастоящность»: «Но получив в этот Свет приглашение-пусть даже лишь с правом взглянуть одним глазком ... он немедленно обратился в новую веру ... в глубине души он только и ждал, когда ему дадут возможность принести клятву верности» (188). Примечательно, что «принятие» происходит вслед за переломным моментом, играющим важную роль как в архитектонике произведения, так и в психологическом состоянии героев. К примеру, Калаж и рассказчик устраивают большую вечеринку со всеми друзьями, на которой лучше узнают друг друга, веселятся. Однако с самого начала встречи Калаж ведет себя странно, почти не разговаривает, что замечает рассказчик. Апогея это достигает во время прослушивания песни У. Кульсум и разговоре о женщинах, соотносящихся с родным домом. Калаж замыкается в себе и уходит в спальню, при этом рассказчик решает поддержать его и во многом потому, что понимает, как это чувствовать себя чужим. Именно тоска играет важную роль в момент, когда нарратор и Калаж остаются наедине. Последний грустит не столько о том, что он на встрече чужой, сколько о том, что будет тосковать о ней после, если его депортируют: «... и все так хорошо: а я-то что? <...> Год спустя меня здесь не будет. Вы все останетесь, а меня среди вас не будет. Я так страшно буду по всему этому тосковать. <...> Обо мне хоть кто-нибудь подумал?» (151). Обреченность и тоска Калажа становятся главными факторами для понимания рассказчиком своего места в этом новом мире, а также осознании их двойственности: «Глядя на него, я, по сути, глядел на себя. Он был мерилом того, как близок я к мучительной грани, за которой можно рассыпаться на части и утратить все, что у меня здесь есть. Он — моя участь, но на три шага вперед» (154). При этом важна антитеза между настоящими эмоциями Калажа и тем, как он их показывает, в чем также выражена его фикционность: «я понял: передо мной самый одинокий человек из всех, кого я когда-либо знал, и весь этот гнев, горе, страх ... ничто по сравнению с вихрем одиночества и отчаяния, который овевает его каждую минуту каждого дня» (153). Все это в совокупности позволяет нарратору не только почувствовать эмоциональную близость, но и проявить тактильность, нехарактерную для него, после чего страх Калажа перерастает в гнев и он избивает друга — Клода. Но этот, на первый взгляд, ужасный поступок, приближает рассказчика к другу, заставляет защищать его от депортации. Происходит же это из-за схожести судеб героев, ирреального двойничества. Именно их несхожесть и понимание этого рассказчиком заставляет его сделать

для себя вывод о том, что Калаж ничего не изменил в его истории: «До меня дошло: похоже, такова его участь. Неважно, сколько времени ты с ним знаком, как сильно он взбаламутил мир тех, кто его окружает, — настает момент, когда он выскальзывает из твоей жизни, и все в ней возвращается на круги своя. Несмотря на его старания перекроить мир по собственному подобию, он проходит незаметно...» (162). На наш взгляд, очевидна манифестация неспособности эмигранта, изгнанника, повлиять на мир, укорениться в нем, и одновременно судьба Калажа становится собирательным образом большинства выходцев из Средиземноморья. Отсюда — отсутствие имен у главных героев. С депортацией Калажа тесно связан и сюжет о блудном сыне, поскольку герой после долгих испытаний (посещение множества стран) в итоге возвращается к истинной вере (Средиземноморью).

Итак, мотив тоски в романе А. Асимана «Гарвардская площадь» связывается в первую очередь с репрезентацией образов Франции, Александрии, которые являются ключевыми в осознании нарратором своего места в новом доме; а также представлен в образе двойника героя — Калажа, утраченного и не обретенного вновь.

Список источников

- Асиман А. Homo irrealis. М.: Popcorn Books, 2023a. 186 с.
 Асиман А. Алиби. М.: Popcorn Books, 2023b. 201 с.
 Асиман А. Гарвардская площадь. М.: Popcorn Books, 2022. 210 с.
 Aciman A. False papers: essay on exile and memory. NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2000. 182 p.
 Reese H. An Interview with André Aciman. Los Angeles Review of Books. 2013. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/the-finished-copy-an-interview-with-andre-aciman/> (дата обращения: 05.08.2025).

Список литературы / References

- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Художественная литература, 1977. 470 с. (Ginzburg L.Ya. On psychological prose, Moscow, 1977. 470 p. — In Russ.)
 Ильинская С.Б. Русская кавафиана. М.: ОГИ, 2000. 656 с. (Ilyinskaya S.B. Russian Kavafiana, Moscow, 2000, 656 p. — In Russ.)
 Муртазина А.Р. Поэтика романов Андре Асимана. СПб: СПбГУ, 2021. 101 с. (Murtazina A.R. The Poetics of Andre Aciman's Novels, St. Petersburg, 2021, 101 p. — In Russ.)
 Lesse W. Terra Incognita, *The New York Times*, 2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/09/10/books/terraincognita.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 05.08.2025).
 Shafaieh C. Andre Aciman. *Kinfolk*, Copenhagen: Ouur, 2018, vol. 29, pp. 134—143.
 Zonana J. “Enta Omri, You Are My Life”: Embracing the Arab Self in Andre Aciman’s *Harvard Square*, *Penn State University Press*, 2016, no. 1, vol. 35, pp. 33—51.

THE MOTIF OF LONGING IN A. ACIMAN’S NOVEL “HARVARD SQUARE”

Dana Yu. Gagarina

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, pd-20042@mail.ru

Abstract. The article aims to identify the specifics of the representation of the motif of longing in the novel “Harvard Square” by the American writer A. Aciman. As a result, it was established that, firstly, the motif of longing appears in two closely interconnected aspects: the narrator’s longing for home and the loss of the authentic self. Secondly, the motif of longing is represented in the work through the narrator’s reflection and retrospection, who, through doppelganger characters, regrets his

lost youth, as well as through the spaces of Harvard, Alexandria, and France: if in Alexandria the narrator sees an ideal model of being, then France occupies an intermediate position between the lost homeland and the present; longing is caused not by the authentic appearance of the country, but by the imagined one. Thirdly, it's embodied through Proustian images of memory and "lost time", which A. Aciman expands: unlike M. Proust, the writer understands memory as a purely personal category, not elevated to a philosophical level. Finally, the motif of longing intertwines with the motif of the journey, marked by references to the image of Odysseus; however, unlike the Homeric hero, the narrator of novel doesn't find a home, as his journey is a path to himself, and the "foreign lands" — fragments of memories.

Keywords: contemporary US prose, motif of longing, topos of the city, M. Proust's tradition

For citation: Gagarina D.Y. The motif of longing in A. Aciman's novel "Harvard Square", Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2026, iss. 1, pp. 47—55.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Гагарина Дана Юрьевна — соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия, pd-20042@mail.ru, SPIN: 7390-5428

Gagarina Dana Yurievna — Applicant for the of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, pd-20042@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 56—61.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 56—61.

Научная статья

УДК 81'373.7:81'23:070

EDN <https://elibrary.ru/aogbxj>

DOI: 10.46726/И.2026.1.7

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КАЧЕСТВЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ТЕКСТАХ БРИТАНСКИХ СМИ

Ирина Владимировна Куражова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stellina_@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу знаковых и узнаваемых большинством носителей того или иного языка лексических единиц, которые характеризуются устойчивым и воспроизводимым составом. В статье рассматриваются прецедентные феномены, а также фразеологические выражения, которые входят в состав когнитивной базы языковой личности как имплицитный элемент. Представлена точка зрения о целесообразности включения фразеологизмов в состав прецедентных феноменов на основе анализа их сходств и различий. Материалом исследования послужили тексты современных англоязычных газет. Использование подобных лексических единиц в газетном дискурсе добавляет дополнительный уровень понимания, так как они являются частью воспринятых ранее текстов и вызывают в памяти адресата пережитый опыт. Подчеркивается важность понимания специфических черт этнического языкового сознания для эффективного взаимодействия представителей разных лингвокультур. Выявлено, что прецедентные феномены отражают ценностные ориентиры народа-носителя языка и являются важной частью национально-языковой картины мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая личность, прецедентный феномен, фразеологизм, газетный дискурс, национально-языковая картина мира

Для цитирования: Куражова И.В. Фразеологизмы в качестве прецедентных феноменов в текстах британских СМИ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 56—61.

Взаимодействие языка и культуры имеет центральное значение в современной лингвистике, поскольку национально-культурная обусловленность языкового сознания в значительной степени влияет на межкультурную коммуникацию. Эффективное взаимодействие представителей разных лингвокультур невозможно без понимания специфических черт этнического языкового сознания. В этой связи

необходимость изучения коммуникативной функции языка как основной является неоспоримой. Можно выделить несколько уровней владения языком. Особое место занимают национально-культурный и энциклопедический уровни, которые позволяют понять некоторые события, факты, имена, хранящиеся в коллективной памяти того или иного лингвокультурного сообщества и понятные подавляющему большинству его представителей. Речь идет о прецедентных феноменах, без понимания специфики функционирования которых возникают ошибочные суждения, которые, в конечном итоге, приводят к коммуникативным сбоям.

В данной статье мы уделяем особое внимание языку современной англоязычной газеты. Вопрос функционирования и речевого воздействия языка современной газеты активно изучается в лингвистике [Горина; Долгирева; Фисенко]. Следует отметить, что тексты средств массовой информации, в частности статьи из газет, в современном мире являются чрезвычайно распространенной формой существования языка. Публицистические тексты характеризуются образно-эмоциональной выразительностью, поэтому для эффективного взаимодействия с читателем необходимы художественно-выразительные средства, которые создают яркие образы в сознании. В этой связи использование прецедентных феноменов и фразеологических единиц является целесообразным, так как они ярко и точно выражают эмоциональное отношение автора, а сообщение приобретает значимость.

Вслед за рядом исследователей [Гудков; Караулов; Красных; Нахимова] мы понимаем под прецедентными феноменами непрерывно возобновляемые в речи единицы, которые понятны без дополнительных объяснений большей части носителей той или иной лингвокультуры. Вместе с тем возникают сомнения по поводу принадлежности фразеологизмов прецедентным феноменам. В.И. Макаров и В.В. Красных считают, что воспроизводимость фразеологизмов является недостаточным основанием, чтобы отнести их к прецедентным феноменам [Макаров; Красных]. Главный аргумент их позиции заключается в том, что, в отличие от прецедентных феноменов, фразеологизмы относятся к фактам языка, а не к фактам речи. Они также отмечают цитатный характер прецедентных феноменов, что указывает на неразрывную связь с исходным текстом. Если эта связь исчезает, то теряется знаковость и выразительность.

Вместе с тем Ю.Б. Пикулева, А.Е. Супрун, М.Ю. Илюшкина склонны отнести фразеологические единицы к прецедентным феноменам [Пикулева; Супрун; Илюшкина]. Как полагает А.Е. Супрун, «есть достаточно оснований думать, что некоторые пословицы и поговорки возникли тоже из текстовых реминисценций, но затем предшествующие тексты были забыты» [Супрун: 26]. Н.М. Шанский, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова отмечают у фразеологизмов ряд сходств с прецедентными феноменами. Как уже отмечалось ранее, это, прежде всего, воспроизводимость в рамках того или иного лингвокультурного сообщества, узнаваемость подавляющим большинством представителей сообщества, эмоциональная окрашенность, выразительность, отсутствие дословного перевода, а также актуальность в когнитивном плане.

Нами были проанализированы тексты статей с англоязычных новостных сайтов bbc.co.uk, theguardian.com и dailymail.co.uk, которые относятся к наиболее популярным и читаемым по данным сервиса SimilarWeb. Следует отметить, что каждая из рассмотренных статей содержит прецедентные феномены, среди которых особое место занимают фразеологизмы. Так, в статьях англоязычных газет часто встречается такое устойчивое сочетание, как *blue-sky thinking* или *blue-sky research*, основным компонентом которого является прилагательное *blue-sky*. В словаре Cambridge Dictionary приводится следующее определение *using*

the imagination to think of ideas that do not yet have practical uses or make money [Cambridge Dictionary] (использование воображения, чтобы придумывать идеи, которые еще не нашли практического применения и не приносят денег). Словарь Oxford English Dictionary приводит следующую дефиницию *creative or visionary; unconstrained by current or conventional assumptions, models, and applications* [OED] (творческий или дальновидный; не ограниченный существующими или общепринятыми предположениями, моделями и приложениями). Фразеологизм *blue-sky thinking* является синонимом *think outside the box*. Данное сочетание слов популярно в бизнес-среде, его можно отнести к так называемому офисному сленгу. Перевод необходимо подбирать исходя из контекста: свободный полет мысли; думать оригинально, за пределами доминирующих представлений; творческий подход; мыслить нестандартно.

В статье Тима Адамса *'No one should have more than €10m'* [No one should...] («Ни у кого не должно быть больше 10 миллионов евро») автором анализируется идея снижения доходов очень богатых людей. В интервью профессор Ингрид Робейнс говорит, что ограничения необходимы, если мы хотим искоренить бедность и защитить социальную сплоченность и планету. В данной статье встречается фразеологизм *blue-sky thinking*, который мы рассматриваем как прецедентное высказывание: *Robeyns is very sharp on the ways that this habit of "blue sky thinking" always tends to stop short of addressing the fundamental connection between those crises and the delegates' own "tax efficient" accumulation of riches and selective private philanthropy* (Робейнс очень четко указывает на то, что эта привычка «мыслить нестандартно» всегда приводит к тому, что мы не обращаем внимания на фундаментальную связь между этими кризисами и собственным «эффективным с точки зрения налогообложения» накоплением богатства делегатами и выборочной частной благотворительностью). Идиоматическое выражение *blue-sky thinking* указывает на такой склад ума, который, прежде всего, приводит к нестандартным решениям, но которые не всегда уместны, с точки зрения профессора Робейнс. Автор статьи использует данное прецедентное высказывание, чтобы обратить внимание читателей на нецелесообразность и недостаточность предпринимаемых попыток исправить ситуацию. Решение, не ограниченное какими-либо границами, не всегда приводит к нужным результатам. Несомненно, данный фразеологизм актуален в когнитивном плане и вызовет соответствующие эмоции у читателей.

Еще один пример использования данного прецедентного феномена встречается в статье Элин Хант *'Blue sky thinking: is it time to stop work taking over our lives?'* [Blue sky thinking...] (Поступай как хочешь: не пора ли остановить посягательство работы на наши жизни). Автор задается вопросом, не пора ли перестать так много думать о работе, которая «захватывает» нашу жизнь. Антрополог Джеймс Сузман говорит, что сейчас самое подходящее время обуздать наши разрушительные рабочие привычки. Вместе с тем он сомневается, что такое возможно. Представляя себе новый способ работы, мы могли бы начать с вопроса о том, действительно ли наши желания безграничны и сколько мы готовы за них заплатить. Автор статьи призывает подойти к решению данной проблемы творчески и выйти за рамки принятых представлений.

Журналистка Сара Холл в своей статье *'Blue sky thinking: why we need positive climate novels'* [Blue sky thinking; why...] (Пора отправиться в свободный полет мыслей: почему нам нужны экопозитивные романы) пишет о том, что фантастика об окружающей среде переживает настоящий бум. Автор задается вопросом, может ли она выйти за рамки антиутопии и дать более светлое представление

о будущем. В настоящее время климатическая фантастика (cli-fi) — это отдельный жанр, который стремительно развивается. По мнению автора статьи, только нестандартные идеи и решительные действия позволят сделать данный жанр популярным и способным создать положительное отношение к климатической повестке.

Одной из частотных и узнаваемых идиом, как в заголовках, так и в текстах статей является идиома *the green-eyed monster* (дословно: зеленоглазое чудовище), которая отсылает к пьесе У. Шекспира «Отелло», а именно к речи Яго, в которой так он называет ревность. В статье Вирджинии Маллин, которая так и называется '*The green-eyed monster*', автор предупреждает, что нужно остерегаться ревности, этого дьявола, но мы все равно регулярно сталкиваемся с ней. Немногие из нас могут сказать, что не испытывали ревности по отношению к человеку, к которому мы эмоционально привязаны. Выбирая такой заголовок, автор напоминает о последствиях. Благодаря использованию данного фразеологизма автор передает большой объем информации в сжатой форме. Кроме того, в тексте статьи встречается прецедентный текст, который также отсылает к пьесе «Отелло» и усиливает воздействие на читателя, так как имеет важное значение в познавательном и эмоциональном плане: *We're warned to beware of jealousy, the fiend "which doth mock the meat it feeds on", yet we still tangle with it regularly [The green-eyed...]* (Нас предупреждают остерегаться ревности, этого демона, «глумящегося над своей добычей»), но мы все равно регулярно вступаем с ним в борьбу). Автор обращается к уже имеющимся знаниям у читателя, вызывая определенные ассоциации.

Таким образом, прецедентная лексика — это мощный инструмент в руках журналиста. Она позволяет сделать текст лаконичным, выразительным и запоминающимся. Прецедентные феномены обладают культурным, историческим и социальным значением для определенного сообщества. Они являются своеобразным культурным кодом, благодаря которому можно рассказать целую историю с помощью одного слова, а также вызвать эмоции через узнаваемые образы. Апелляция к прецедентным феноменам, к которым мы относим и фразеологизмы, в текстах новостных сайтов позволяет автору статьи использовать данные лексические единицы в качестве явной или скрытой аргументации, обращаться к внутренним установкам и ценностным ориентирам читателя, которые являются важной частью национально-языковой картины мира, что позволяет привлекать и удерживать его внимание.

Список источников

- Blue sky thinking: is it time to stop work taking over our lives? URL: <https://www.theguardian.com/money/2020/oct/04/blue-sky-thinking-is-it-time-to-stop-work-taking-over-our-lives> (accessed: 23.10.2025).
- Blue sky thinking: why we need positive climate novels? URL: <https://www.theguardian.com/books/2025/aug/16/blue-sky-thinking-why-we-need-positive-climate-novels> (accessed: 23.10.2025).
- Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/blue-sky> (accessed: 23.10.2025).
- No one should have more than €10m: the author of Limitarianism on why the super-rich need to level down radically, URL: <https://www.theguardian.com/books/2024/jan/21/how-much-personal-wealth-is-enough-ingrid-robeyns-limitarianism> (accessed: 23.10.2025).
- Oxford English Dictionary [OED]. URL: https://www.oed.com/dictionary/blue-sky_adj?tl=true (accessed: 23.10.2025).
- The green-eyed monster. URL: <https://www.theguardian.com/theguardian/2001/apr/28/weekend7.weekend10> (accessed: 23.10.2025).

Список литературы / References

- Горина Е.В. Газета в аспекте речевого воздействия на личность: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 247 с.
(Gorina E.V. Newspaper in the aspect of speech influence on personality: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Yekaterinburg, 2004, 247 p. — In Russ.)
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
(Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication, Moscow, 2003, 288 p. — In Russ.)
- Долгирева А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002. 298 с.
(Dolgireva A.E. Newspaper headlines in the pragmalinguistic aspect: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Taganrog, 2002, 298 p. — In Russ.)
- Илюшкина М.Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 272 с.
(Ilyushkina M.Yu. Precedent phenomena in russian and british printed advertising of tourist services: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Yekaterinburg, 2008, 272 p. — In Russ.)
- Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации // Вестник МГУ. 1997. № 3. С. 62—75.
(Krasnykh V.V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and communication, *Vestnik MGU*, 1997, no. 3, pp. 62—75. — In Russ.)
- Макаров В.И. Особенности реализации текстообразующей функции фразеологизмов и прецедентных феноменов // Вестник Новгородского Государственного университета. 2010. № 57. С. 60—62.
(Makarov V.I. Features of the text-forming function of phraseological units and precedent phenomena, *Vestnik of Novgorod State University*, 2010, no. 57, pp. 60—62. — In Russ.)
- Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с.
(Nakhimova E.A. Precedent names in mass communication: monograph, Yekaterinburg, 2007, 207 p. — In Russ.)
- Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 23 с.
(Pikuleva Yu.B. Precedent cultural sign in modern television advertising: linguocultural analysis: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Yekaterinburg, 2003, 23 p. — In Russ.)
- Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17—29.
(Suprun A.E. Textual reminiscences as a linguistic phenomenon, *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, no. 6, pp. 17—29. — In Russ.)
- Фисенко И.Е. Коммуникемы русского языка в аспекте речевого воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 180 с.
(Fisenko I.E. Communicemes of the russian language in the aspect of speech influence: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Rostov-on-Don, 2005, 180 p. — In Russ.)

PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS AS PRECEDENT PHENOMENA IN BRITISH MEDIA TEXTS

Irina V. Kurazhova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stellina_@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of lexical units that are iconic and recognizable by the majority of native speakers of a particular language, and are characterized by a stable and reproducible composition. The article examines precedent phenomena, as well as

phraseologisms that are part of the cognitive base of a linguistic personality as an implicit element. The article presents a view on the feasibility of including phraseological expressions in the list of precedent phenomena based on their similarities and differences. The research material consists of texts from contemporary English-language newspapers. The use of such lexical units in newspaper discourse adds an additional level of understanding, as they are part of previously perceived texts and evoke the recipient's past experiences. The article emphasizes the importance of understanding the specific features of ethnic linguistic consciousness for effective interaction between representatives of different linguistic and cultural groups. It is revealed that precedent phenomena reflect the values of the target culture.

Keywords: intercultural communication, linguistic personality, precedent phenomenon, phraseologism, newspaper discourse, national-linguistic worldview

For citation: Kurazhova I.V. Phraseological expressions as precedent phenomena in British media texts, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 56—61.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Куражова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stellina_@mail.ru, SPIN: 6958-9115

Kurazhova Irina Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), associate professor of the Department of Foreign Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stellina_@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 62—66.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 62—66.

Научная статья
УДК 811.111'373.46:34:004
EDN <https://elibrary.ru/hfvcsb>
DOI: 10.46726/И.2026.1.8

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНОВ ЦИФРОВОГО ПРАВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мария Владимировна Лутцева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mary-3@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей появления новых терминологических единиц в рамках новой подотрасли права — цифрового права. На основе терминологической выборки автор проводит компонентный анализ единиц, характерных для цифрового права в английском языке. Особое внимание уделяется структурным моделям образования двух- и многокомпонентных терминоточетаний, терминам-аббревиатурам, а также гибридным терминологическим единицам. В результате анализа делается вывод, что наибольшей продуктивностью обладают терминологические единицы на основе существительных, а четырех- и пятикомпонентные термины стремятся к аббревиатурованию.

Ключевые слова: цифровое право, цифровые технологии, юридический термин, структурная модель, терминологическая единица

Для цитирования: Лутцева М.В. Структурные модели терминов цифрового права в английском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 62—66.

Быстрое развитие компьютерной техники, непрерывное увеличение объемов данных и повсеместное применение цифровых ресурсов оказывают значительное влияние не только на общественное развитие в целом, но и на эволюцию правовой системы. Сегодня цифровое пространство и право тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Существует целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих данную область специальных знаний. Цифровые технологии регулируют само право, меняя его характеристики, формы и структуру, тем самым превращая его одновременно в инструмент и объект цифровизации.

Трансформация правовой действительности вызвана рядом причин:

- 1) изменение форм существования и передачи информации. Цифровые технологии позволяют создавать, хранить и передавать информацию в новых формах (электронные документы, базы данных). Это влияет на традиционные юридические процедуры и институты, заставляя законодательство адаптироваться к новым реалиям;
- 2) возникновение новых видов правоотношений. Появление электронных услуг, дистанционных сделок, виртуальных активов требует разработки специальных норм права. Например, регулирование электронной коммерции, криптовалюты, защиты персональных данных [Калмазова];
- 3) развитие киберпространства и киберпреступности. Рост числа преступлений в сети (хакерские атаки и мошенничество) вынуждает правовую систему реагировать введением новых норм и институтов для борьбы с такими угрозами;
- 4) трансформация правового сознания и поведения участников общественных отношений. Широкая доступность информации, возможности быстрого взаимодействия меняют поведение людей и организаций, требуют нового подхода к регулированию ответственности и обязанностей [Хабриева].

Таким образом, цифровая реальность оказывает мощное воздействие на саму сущность права, способствуя изменению его структуры, содержания и методов реализации. В связи с этим меняется и понятийный аппарат юриспруденции, что, без сомнения, находит отражение в языке.

Под цифровым правом в широком смысле понимают новый нормативно-правовой механизм, затрагивающий любой элемент правовой системы. Данный подход основан на том, что правовые нормы — это тоже информация. «Информация о правах, обязанностях, об их реализации. Регулируя общественные отношения, право регулирует и само себя, приобретая новый смысл и новое значение, когда общение между людьми приобретает цифровую форму. Уникальные особенности цифровой информации — нематериальность, техническая обусловленность, медиатизация в сочетании с высоким спросом на нее, требуют уникальных правовых решений» [Волков: 7].

В настоящее время можно выделить несколько основных категорий цифровых юридических терминов в зависимости от сферы их употребления: правовая защита персональных данных (*privacy policy, personal data, consent management*), электронная коммерция и контракты (*electronic commerce, clickwrap agreement, browsewrap agreement, online dispute resolution*), блокчейн и смарт-контракты (*blockchain governance, initial coin offering, tokenization of assets, smart contract validation*), интеллектуальная собственность и цифровое творчество (*copyright infringement, fair use, creative commons licenses, patent exhaustion doctrine*), киберпреступность и безопасность (*botnet, hacking, identity theft, spam filtering*), глобальные инициативы и стандарты (*International Organization for Standardization, General Data Protection Regulation, California Consumer Privacy Act*).

Из примеров видно, что в языке права происходит активное заимствование лексики из сферы IT-технологий. Это свидетельствует о том, что право, принимая подобные лексемы и активно используя их, развивается и совершенствуется в информационном ключе, отвечает на современные вызовы и идет в ногу с технологическим прогрессом.

В результате глубокой интеграции традиционных отраслей права с современными цифровыми технологиями появляется большое число гибридных терминологических единиц, поскольку традиционные юридические термины, созданные для физической реальности, оказываются недостаточными для адекватного описания и регулирования новых феноменов, появившихся благодаря цифровым инструментам и инновационным технологиям. Возникновение данных терминологических единиц обусловлено:

- 1) новыми объектами регулирования. Рост цифровых сервисов, технологий и продуктов потребовал появления новых терминов, которые могли бы охватывать одновременно традиционные юридические концепции и характеристики цифровых объектов [Чеметева]. Например, концепция “*smart contracts*”, совмещающая элементы традиционного контрактного права и новейшие цифровые технологии (*blockchain, cryptocurrency*).
- 2) воздействием цифровых технологий на классические институты права. Технологии привели к возникновению новых ситуаций, ранее неизвестных традиционным институтам права. Например, явление “*deepfake frauds*” потребовало введения специального терминологического аппарата для квалификации преступления и установления мер наказания (*online identity theft, account takeover, password cracking, dark web monitoring, cyber thief*).
- 3) повышением гибкости регулирования. Гибридные термины обеспечивают больше свободы и универсальности в описании правовых ситуаций, позволяя адаптироваться к постоянно меняющимся условиям цифровой среды. Например, термин “*algorithmic liability framework*” («рамочные правила ответственности алгоритмов») объединяет подходы к ответственности за действия, совершаемые алгоритмами, что невозможно описать в традиционной юридической терминологии.

- 4) появлением инновационных практик и моделей бизнеса. Развитие технологий породило принципиально новые модели взаимоотношений, которые требуют своего собственного терминологического выражения. Например, “*cloud-based litigation services*” («облачные сервисы для ведения судебных разбирательств») описывает совершенно новое направление юридической помощи, невозможное в офлайн-среде.
- 5) необходимостью интернационализации терминологии. Поскольку цифровые технологии легко пересекают границы государств, появилась потребность в единообразных терминах, применимых в международном масштабе. Создание гибридных терминов способствует стандартизации и взаимопониманию в международной правовой практике.

Наиболее распространенными примерами единиц этого пласта специальной лексики выступают терминологические единицы, где одним из ключевых элементов выступает термин “*cyber*” (*cybercrime* (*cyber* + *crime*), *cyberterrorism* (*cyber* + *terrorism*), *cyberbullying* (*cyber* + *bullying*), *cyberstalking* (*cyber* + *stalking*), *cyberlaw* (*cyber* + *law*), *cybersecurity* (*cyber* + *security*) *measures*). Наряду с данной терминологической единицей широко распространены термины с ключевым компонентом *e-* или *electronic*. Примерами являются *e-government* (*electronic* + *government*), *e-commerce* (*electronic* + *commerce*), *e-signature* (*electronic* + *signature*), *e-krona* (*electronic* + *krona*).

Таким образом, создание гибридных терминологических единиц отражает фундаментальные изменения в обществе, вызванные цифровой революцией. Оно служит инструментом для модернизации права, обеспечивая точность и ясность при регулировании новых правовых явлений.

Вместе с тем цифровые юридические термины представляют особый пласт лексики, обладающий специфическими особенностями грамматического состава. Это выражается в первую очередь в том, что термины и словосочетания на их основе демонстрируют определенную избирательность в отношении целого ряда грамматических категорий и прежде всего в отношении частей речи, которыми представлены стержневые слова терминологических словосочетаний.

В результате анализа 216 терминов цифрового права нами было выявлено, что однословные термины (*phishing*, *hacking*, *blockchain*, *cryptocurrency*, *cybercrime*, *cybersecurity*, *crowdfunding*) составляют 11 % от всего числа проанализированных терминологических единиц. Термины-словосочетания (*ransomware attack*, *botnet activity*, *phishing attack*, *data loss prevention*, *electronic signature validation*) представлены 175 терминами (81 %), аббревиатуры (*DLP*, *MLAW*, *GDPR*, *FISA*, *DPIA*, *SSL*) составляют 8 %.

В ходе исследования было установлено, что двухкомпонентные термины преобладают среди других единиц цифрового права и составляют 48 % (103) от общего числа проанализированных терминологических единиц. Вместе с тем наивысшей способностью участвовать в терминологической номинации обладают имена существительные, так как номинативным группам свойственны определенные качества, способствующие эффективному сообщению информации в рамках языка для специальных целей. Наиболее распространенная модель представляет собой отношение **N(adj) ← N** (*identity theft*, *data breach*, *online contract*, *bitcoin mining*, *deepfake fraud*, *ransomware attack*, *botnet activity*, *blockchain technology*, *blockchain governance*, *consent management*, *clickwrap agreement*, *browsewrap agreement*, *spam filtering cybersecurity measures*). Среди номинативных словосочетаний частотной является и модель **Adj ← N** (*virtual property*, *virtual assets*, *computational law*, *regulatory sandboxes*, *electronic evidence*, *digital signature*, *digital property*, *personal data*). Многочисленной группой терминов данной грамматической модели, подвергшихся фразеологическому заимствованию в юридической терминологии, являются словосочетания с терминологическим элементом *electronic*. С его помощью на основе родового компонента, представленного базовым юри-

дическим термином, образуются видовые термины английского языка: *electronic government, electronic commerce, electronic payment, electronic submission, electronic record, electronic document, electronic service, electronic data, electronic signature*.

Цифровые юридические термины представлены и конструкциями, сочетающимися причастие I в атрибутивном отношении к существительному (PI ← N). Например, *hacking attempt, cyberbullying laws, phishing attack, phishing scams*. Следует отметить, что подобные терминологические словосочетания немногочисленны и составляют 4 % от общего числа двусоставных терминов.

Большое количество двухкомпонентных терминов в предметной области юриспруденции объясняется стремлением специального языка к конкретизации определенных явлений и понятий. Они являются неотъемлемой характеристикой английского юридического языка и показателем поступательного развития языковой системы в рамках современных реалий. Терминосочетания возникают под влиянием другой терминосистемы (цифровые технологии), обозначая при этом специфические правовые понятия.

Цифровое право характеризуется наличием значительного числа трехсловных единиц специальной номинации. Следует отметить, что тенденции терминообразования, характерные для двусложных терминов, прослеживаются и в трехкомпонентных терминологических единицах цифрового права. Наиболее распространенными являются модели, представленные структурой **Adj + N + N** (*algorithmic liability framework, regulatory sandbox methodology, algorithmic liability framework, electronic signature validation, creative commons licenses, smart contract validation, digital identity verification, digital signature act initial coin offering*), а также **N + N + N** (*cloud computing legislation, blockchain notary services, machine learning law, data loss prevention, data protection law, data stewardship obligation, net neutrality regulations, online dispute resolution, patent exhaustion doctrine*). Они составляют 61 % от общего числа трехкомпонентных терминов цифрового права, рассмотренных в работе. Наименее распространенными являются словообразовательные модели типа: **PII + Adj + N** (*cloud-based litigation services, qualified electronic signature*), **PII + N + N** (*automated compliance responsibility*), **Num + N + N** (*two factor authentication*), **N + Prep + N** (*tokenization of assets*).

Четырех- и пятикомпонентные термины (*Smart Contract Validation Procedures, General Data Protection Regulation, California Consumer Privacy Act, Data Protection Impact Assessment, qualified advanced electronic signature, Right to be Forgotten, privacy by design approach, Neural Network Evidence Verification Framework*) составляют 19 % от проанализированных в ходе исследования многокомпонентных единиц специальной номинации. Следует отметить, что прослеживается тенденция к образованию сокращений и аббревиатур от данных терминологических единиц. Например, *General Data Protection Regulation — GDPR; California Consumer Privacy Act — CCPA; DPIA — Data Protection Impact Assessment; FAQ — Frequently Asked Questions; International Organization for Standardization — ISO; Initial Coin Offering — ICO; Online Dispute Resolution — ODR; Two-Factor Authentication — 2FA; SSL — Secure Sockets Layer; TLS — Transport Layer Security; IoT — Internet of Things; AI — Artificial Intelligence; AES — advanced electronic signature; SES — simple electronic signature; QES — qualified advanced electronic signature*. Это общая черта, характерная для всех отраслей права, поскольку использование сокращений и аббревиатур помогает упростить восприятие сложной юридической документации и сделать её более доступной для широкого круга лиц.

Таким образом, грамматический состав цифровых юридических терминов отражает особенности современного англоязычного правового дискурса, связанного с цифровыми технологиями. Сложносоставные слова (гибридные термины), многокомпонентные терминологические словосочетания и аббревиатуры формируют уникальный лексический слой, позволяющий точно и ясно передавать правовые понятия и процессы в цифровой сфере.

Список литературы / References

- Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 111 с.
(Volkov V.E. Digital law. General part: textbook, Samara, 2022, 111 p. — In Russ.)
- Калмазова Н.А. Цифровизация и юридическая терминология: трудности перевода термина «электронная подпись» // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография. Казань: Отечество, 2020. С. 69—73.
(Kalmazova N.A. Digitalization and legal terminology: difficulties in translating the term “electronic signature”, *Transformation and digitalization of legal regulation of public relations in modern realities and pandemic conditions*, Kazan, 2020, pp. 69—73. — In Russ.)
- Чеметева Ю.В. Неологизация в юридическом дискурсе // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 395—399.
(Chemeteva Yu.V. Neologization in legal discourse, *State Legal Research*, 2021, iss. 4, pp. 395—399. — In Russ.)
- Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности // Журнал Российского права. 2018. № 1. С. 85—102.
(Habrieva T. Ya. Law in the context of digital reality, *Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102. — In Russ.)

STRUCTURAL MODELS OF DIGITAL LAW TERMS IN ENGLISH*Maria V. Luttseva*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mary-3@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the reasons for the emergence of new terminological units within a new subbranch of law (that is digital law). Using a terminological sample, the author conducts a component analysis of the units that are typical for English language digital law. Particular attention is paid to the structural models of the formation of two- and multi-component terminological combinations, abbreviated terms, as well as hybrid terminological units. The analysis concludes that noun-based terminological units are the most productive, while four- and five-component terms tend to be abbreviated.

Keywords: digital law, digital technologies, legal term, structural model, terminological unit

For citation: Luttseva M.V. Structural models of digital law terms in English, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 62—66.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Лутцева Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mary-3@mail.ru, SPIN: 3265-5841

Luttseva Maria Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mary-3@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 67—72.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 67—72.

Научная статья

УДК 811.512.141'367.335

EDN <https://elibrary.ru/euibsw>

DOI: 10.46726/H.2026.1.9

СЛОЖНОСПАЯННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Лениза Газинуровна Хабибуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань, Россия, valievalg@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию зависимых предложений в татарском языке, которые подчиняются главному предложению при помощи средств связи, находящихся в составе сказуемого. Средства связи в подобных сложных предложениях составляют словоформу сказуемого спаянного предложения. Сложноспаянные предложения являются специфической особенностью синтаксической системы тюркских языков, в том числе и татарского. Тем не менее тюркологи, хотя и признают наличие спаянных предложений, как правило, называют их придаточными — синтетическими придаточными предложениями. Целью научной статьи является исследование сложных предложений со спаятельной связью между компонентами в татарском языке. Исследование проводится на материале примеров из текстов малых жанров татарского фольклора с применением метода лингвистического описания, структурно-семантического метода. В результате проведенного исследования можно утверждать, что в татарском языке, вообще в тюркских языках, логичнее называть предложения с синтетической (по принятой терминологии) подчинительной связью сложноспаянными предложениями.

Ключевые слова: татарский язык, сложноспаянное предложение, суперспаянное предложение, спаятельная связь

Для цитирования: Хабибуллина Л.Г. Сложноспаянное предложение в татарском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 67—72.

Особенностью синтаксиса тюркского сложного предложения является наличие средств выражения подчинительного отношения, одновременно выступающих словоформой сказуемого зависимого предложения. Такие зависимые предложения приобретают черты членов предложения, выделение их из структуры сложного предложения затрудняется и тем, что между ними отсутствует пауза и они находятся в обязательном препозиционном соседстве с уточняемым словом главного предложения. В татарском языке такая разновидность подчинительной связи между предложениями, как правило, называют синтетической подчинительной связью, а сложные предложения, компоненты которых связаны при помощи этого средства, — синтетическими сложноподчиненными предложениями.

Классификация сложноподчиненных предложений в тюркологии всегда вызывала вопросы. Некоторые исследователи вообще отрицают наличие сложноподчиненных предложений в тюркских языках [Дубровина]. Это касается, как правило, синтетических сложноподчиненных предложений. Однако существование в синтаксической системе тюркских языков сложноподчиненных

предложений с аналитическими средствами связи у ученых-тюркологов не вызывает сомнений. Аналитические конструкции в татарском языке подробно исследованы С.М. Ибрагимовым [Ибрагимов].

Специфической особенностью синтаксической структуры тюркских языков, в том числе и татарского, является наличие синтетических показателей связи, которые встраиваются непосредственно в структуру сказуемого зависимого предложения. Как известно, назвать такие предложения спаянными в 1982 году предложил лингвист В.Г. Адмони. Как отмечал исследователь, предпринятая им попытка введения новой классификации сложных предложений вносит определенные изменения в раздел общей теории грамматики, посвященный сложному предложению [Адмони: 36].

Развивая эту мысль В.Г. Адмони, академик М.З. Закиев предлагает назвать подчинительной связью в тюркских языках лишь аналитическую подчинительную связь, а синтетическую подчинительную связь — спаятельной связью. Таким образом, между членами предложения устанавливается сочинительная и подчинительная связь, а между предложениями — сочинительная, подчинительная и спаятельная [Татарская грамматика: 411—412]. М.З. Закиев считает вполне приемлемой для тюркских (и вообще алтайских) языков предлагаемую В.Г. Адмони трехчленную парадигму сложного предложения: сложносочиненное предложение (паратаксис), сложноподчиненное предложение (гипотаксис), сложноспаянное предложение (гипертаксис) [Закиев 1983: 29].

Сложноспаянные предложения в тюркских языках, как правило, рассматриваются в составе сложноподчиненного предложения, например, в башкирском [Самситова 2022], казахском [Самситова 2024], киргизском [Козуев], чувашском [Иванова] языках и др. А.М. Саидов анализирует сложноспаянные предложения на материале кумыкского языка. Как утверждает исследователь, в кумыкском языкознании подобные конструкции изучались либо как сложноподчиненные, либо как простые предложения. Однако «такие конструкции занимают позицию между сложным и простым предложениями, и термин “сложноспаянное” с грамматической точки зрения точнее отражает их сущность» [Саидов: 17]. В некоторых тюркских языках, например, в киргизском языке между компонентами сложноподчиненного предложения различают три способа связи: аналитический, синтетический и синтетико-аналитический [Мусаев: 13]. Н.Н. Ефремов, изучив сложноподчиненные предложения в якутском языке, подразделяет их на синтетические, аналитико-синтетические и аналитические типы [Ефремов].

В придаточных предложениях средство связи не влияет на форму сказуемого, так как находится вне сказуемого. Для связи спаянных предложений с главным используются те же средства, которые употребляются между распространяющими и господствующими членами. Эта особенность сближает спаянные предложения с второстепенными членами. Спаянные предложения никогда не стоят в конце сложного предложения.

Средствами связи спаянного предложения с главным выступают аффиксы, послелог и послеложные слова, которые входят в состав сказуемого и образуют его форму. Например:

- форма условного наклонения: *Кышын кар сорасаң, кар да бирмәс* (эйтем) — У него зимой снега не выпросишь (поговорка); *Авырсаң имче күбәер* (мәкаль) — Заболеешь, знахарей больше станет (пословица);
- формы деепричастий: *Сугыш беткәч, батыр күбәя* (мәкаль) — После драки смельчаков хоть отбавляй; *Бер аягын атлаганчы, икенчесен эт ашый*

(эйтем) — *букв.* Пока одну ногу переставит, другую собака укусит (поговорка); *Атың чыкканчы, жаның чыксын* (мәкаль) — Бесчестье хуже смерти (*букв.* Лучше умереть, чем иметь дурную славу);

- падежные формы, некоторые другие словосоединительные аффиксы, послелог, послеложные слова: *Ояты барның намусы бар* — В ком есть стыд, в том есть и совесть; *Ат эшләгәнә, эт әлсери* — Лошадь работает, а собака выбивается из сил; *Малың барда бар да дус* — Денежка в кармане — все друзья с нами (*букв.* Пока есть богатство — все друзья); *Ике карчыга талашканда бер мөндәрлек йон чыга* (мәкаль) — Кошки грызутся — мышам приволье (пословица) (*букв.* Когда два сокола дерутся, получится пух на одну подушку); *Ир кичмәслек елга юк* (мәкаль) — Нет таких преград (*букв.* рек), которых не преодолел бы мужчина (пословица);

- обязательное препозиционное соседство с отсутствием паузы. В таких конструкциях сказуемое спаятельной части или спаянное предложение выступают в позиции атрибута какого-то слова главной части, находятся в обязательном препозиционном соседстве с определяемым словом и не отделяются от него паузой. Сказуемые подобных спаянных предложений выражаются причастиями, предикативными словами бар ‘есть’, ‘имеется’, юк ‘нет’, ‘не имеется’, некоторыми наречиями и именами прилагательными. Например: *Артында йөз эт һауламаган бүре бүре буламыни?* (мәкаль) — Разве это волк, если вслед за ним не воют сто собак? (пословица).

В случае опущения господствующего слова такие атрибутивные спаянные предложения выступают в роли определяемого слова.

На необходимость разграничения спаянных предложений от придаточных обращалось внимание еще в татарских грамматиках начала XX века. Например, в грамматике Г. Ибрагимова «*Татар нәхүе*» («Татарский синтаксис», 1919) выделяются второстепенные предложения (тат. *иярчен жәмлә*) и придаточные предложения (*ияртүле жәмлә*). Татарские языковеды Дж. Валиди в труде «*Татар теленең грамматикасы*» («Грамматика татарского языка», 1919) и Г. Алпаров в монографии «*Шәкли нигездә татар грамматикасы*» («Формальная татарская грамматика», 1926) сложноспаянное предложение называют *ияртүле* (позднее — *иярченле*) *кушма жәмлә*, а сложноподчиненное предложение — *бәйләүле кушма жәмлә*. Тем не менее в татарском языкознании и спаянные, и придаточные предложения называются придаточными: синтетическими придаточными и аналитическими придаточными предложениями.

В 1983 году в журнале «Советская тюркология» М.З. Закиев предлагает назвать сложноподчиненное предложение — *тагылмалы кушма* (придаточное предложение — *тагылма жәмлә*), сложноспаянное — *иярченле кушма* (спаянное предложение — *иярчен жәмлә*) [Закиев 1983: 36]. Однако данные понятия не вошли в лингвистическую терминологию татарского языка, и вообще нет общепринятого и корректного перевода терминов *сложноспаянное предложение* и *спаянное предложение* на татарский язык. Например, в «Русско-татарском толковом словаре лингвистических терминов» термин *сложноспаянные предложения* переведен как *синтетик кушма жәмләләр к.* — синтетические сложноподчиненные предложения [Русско-татарский толковый словарь...: 164], а *спаянное предложение* дается как *берекмә жәмлә к.* — синтетическое сложное предложение [Там же: 172]. Имеются существенные различия между «Татарской грамматикой» (Том III. Синтаксис, 1995) на русском языке и последним новым изданием «Татарской грамматики» (Том III. Синтаксис, 2017) на татарском языке в подаче сложных предложений. В академической «Татарской грамматике» (Том III.

Синтаксис, 1995), изданной на русском языке, выделяются сложноспаянные предложения, указывается, что «в сложноспаянных предложениях подчинительное отношение между составляющими их предложениями выражается формой сказуемого зависимого предложения, т. е. средства связи входят в состав сказуемого» [Татарская грамматика: 418]. К таким средствам относятся, например, формы условного наклонения и деепричастий, падежные аффиксы, послелоги, послеложные слова, обязательное соседство. Академик М.З. Закиев отмечает, что «вместо слова “спаянное” с успехом можно было бы применить слово “синтетическое”, тем более оно более подходящее для образования других подобных терминов, вроде «синтетические средства», «синтетическая связь» [Там же: 424—425]. В новом издании «Татарской грамматики» (Том III. Синтаксис, 2017) на татарском языке сложноподчиненные предложения разделяются на синтетические сложные предложения и аналитические сложные предложения. Как отмечает М.З. Закиев, синтетическое придаточное предложение, названное в русском издании «Татарской грамматики» спаянным, должно было бы переводиться как *ябешкэк* или *берекмэ жәмлә*. Однако такого термина и такого разделения сложных предложений нет. Таким образом, М.З. Закиев сам не отрицает того, что такие предложения все же являются синтетическими придаточными.

На наш взгляд, называть спаянные предложения синтетическими придаточными предложениями лишь для облегчения контрастивных с русским языком исследований нецелесообразно. Как уже было отмечено выше, сложноспаянные предложения являются специфической особенностью синтаксической структуры тюркских языков. Кроме того, в татарском языке встречаются суперспаянные предложения, которые занимают позицию субъекта главной части. В подобных конструкциях главная часть не может считаться предложением без спаянной части: *Син әйткән — миңа закон. — Сказанное тобой — мне закон* [Татарская грамматика: 419].

Обозначение границ компонентов сложного суперспаянного предложения особенно вызывает трудности. Средством спаятельной связи в подобных примерах выступает обязательное соседство. Как и все спаянные предложения, такие предложения находятся в обязательной препозиции, т. е. характеризуются фиксированным порядком слов. Например: *Һәр ялтыраган алтын түгел* (макаль) — Не все золото, что блестит (пословица). Суперспаянное предложение находится в обязательном препозиционном соседстве с главной частью, не отделяется от нее паузой и выступает в роли ее субъекта. Следует отметить, что части сложного суперспаянного предложения отдельно друг без друга не могут считаться предложениями. Часть *Һәр ялтыраган* ‘все, что блестит’ считается предложением только потому, что формально имеет свой предикативный центр, состоит из подлежащего *һәр* ‘все’ и сказуемого *ялтыраган* ‘блестит’. Кроме того, суперспаянное предложение *һәр ялтыраган* ‘все, что блестит’ выступает в позиции субъекта, оставшаяся часть *алтын түгел* ‘не золото’, которая является сказуемым главной части, не может считаться предложением без спаянной части.

Таким образом, действительно, логичнее в тюркских языках называть сложноподчиненными предложениями конструкции с аналитической подчинительной связью (средства связи не составляют словоформу сказуемого зависимого предложения), а предложения с синтетической (по принятой терминологии) подчинительной связью — сложноспаянными предложениями.

Список литературы / References

- Адмони В.Г. Сложноспаянное предложение в тюркских языках // Советская тюркология. 1982. № 3. С. 30—36.
(Admoni V.G. Complex sentence in Turkic languages, *Soviet Turkology*, 1982, no. 3, pp. 30—36. — In Russ.)
- Дубровина М.Э. Отсутствие тюркских сложноподчиненных предложений как следствие внутреннего устройства агглютинативных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 3. С. 563—570.
(Dubrovina M.E. The absence of Turkic complex sentences as a consequence of the internal structure of agglutinative languages, *RUDN journal of language studies, semiotics and semantics*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 563—570. — In Russ.)
- Закиев М.З. Актуальные проблемы сложных предложений в тюркских языках // Советская тюркология. 1983. № 3. С. 29—38.
(Zakiev M.Z. Current problems of complex sentences in Turkic languages, *Soviet Turkology*, 1983, no. 3, pp. 29—38. — In Russ.)
- Закиев М.З. Татарская грамматика. Т. III: Синтаксис. Казань, 1995. 576 с.
(Zakiev M.Z. Tatar Grammar, vol. III: Syntax, Kazan, 1995, 576 p. — In Russ.)
- Иванова А.М. Послелогои как средство связи частей сложноподчиненного предложения в чувашском языке // Вестник ТГПУ. 2011. № 9 (111). С. 168—172.
(Ivanova A.M. Postpositions as a means of connecting parts of a complex sentence in the Chuvash language, *TSPU Bulletin*, 2011, no. 9 (111), pp. 168—172. — In Russ.)
- Козуев Д.И. Структурно-семантическое сопоставление английских и кыргызских бессоюзных сложных предложений // Вестник КРСУ. 2019. Т. 19, № 6. С. 59—67.
(Kozuev D.I. Structural and semantic comparison of English and Kyrgyz non-union complex sentences, *Herald of KRSU*, 2019, vol. 19, no. 6, pp. 59—67. — In Russ.)
- Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов / под ред. Ф.И. Тагировой и Ф.Ф. Гаффаровой. Казань, 2016. 248 с.
(Russian-Tatar explanatory dictionary of linguistic terms, Kazan, 2016, 248 p. — In Russ.)
- Саидов А.М. Предикативные слова как сказуемые спаянных частей сложноспаянных предложений в кумыкском языке // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. 2021. № 25. С. 16—18.
(Saidov A.M. Predicative words as predicates of welded parts of complex sentences in the Kumyk language, *Bulletin of the G. Tsadasa Institute of language, literature and art*, 2021, no. 25, pp. 16—18. — In Russ.)
- Самситова Л.Х., Сагынбек И.Ж. История изучения сложноподчиненных предложений в казахском языке // Проблемы востоковедения. 2024. № 4 (106). С. 91—98.
(Samsitova L.Kh., Sagynbek I.Zh. History of the study of complex sentences in the Kazakh language, *The problems of oriental studies*, 2024, no. 4 (106), pp. 91—98. — In Russ.)
- Самситова Л.Х., Сагынбек И.Ж. Теоретические основы изучения сложноподчиненного предложения в башкирском языке // Проблемы востоковедения. 2022. № 4 (98). С. 40—46.
(Samsitova L.Kh., Sagynbek I.Zh. Theoretical foundations for studying complex sentences in the Bashkir language, *The problems of oriental studies*, 2022, no. 4 (98), pp. 40—46. — In Russ.)
- Татарская грамматика. Т. II: Морфология. Казань, 1997. 397 с.
(Tatar Grammar, vol. II: Morphology, Kazan, 1997, 397 p. — In Russ.)
- Ибраһимов Г. Татар нәхүе. Казан, 1919. 52 б. (на арабск. графике).
(Ibrahimov G. Tatar syntax, Kazan, 1919, 52 p. — In Tat.)
- Татар грамматикасы. Т. III. Казан, 2017. 536 б.
(Tatar Grammar, vol. III, Kazan, 2017, 536 p. — In Tat.)

COMPLEX SENTENCE IN THE TATAR LANGUAGE

Leniza G. Habibullina

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, valievalg@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of dependent clauses in the Tatar language, which are subordinate to the main clause using means of communication that are part of the predicate. The means of communication in such complex sentences constitute the word form of the predicate of the welded sentence. Complex sentences are a specific feature of the syntactic system of Turkic languages, including Tatar. Nevertheless, Turkologists, although they recognize the presence of welded sentences, as a rule, call them subordinate clauses — synthetic subordinate clauses. The purpose of the scientific article is to study complex sentences with a soldering connection between components in the Tatar language. The research is carried out on the basis of examples from texts of small genres of Tatar folklore using the method of linguistic description and the structural-semantic method. As a result of the conducted research, it can be argued that in the Tatar language, and in Turkic languages in general, it is more logical to call sentences with a synthetic (according to the accepted terminology) subordinating connection complex sentences.

Keywords: Tatar language, complex sentence, super-coherent sentence, cohesive connection

For citation: Habibullina L.G. Complex sentence in the Tatar language, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 67—72.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 29.10.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 29.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Хабибуллина Лениза Газинуровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, valievalg@mail.ru, SPIN: 5040-1308

Habibullina Leniza Gazinurovna — Doctor of Sciences (Philology), Senior Researcher of the Department of Areal Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, valievalg@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 73—80.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 73—80.

Научная статья

УДК 94(47)"1809/1811":339.543

EDN <https://elibrary.ru/jttgbb>

DOI: 10.46726/И.2026.1.10

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТАРИФА 1811 Г. И «ПОЛОЖЕНИЯ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ НА 1811 Г.»

Никита Александрович Макаров

Государственный университет управления, г. Москва, Россия,
makarov.nik2013@yandex.ru

Аннотация. На материале мемуаров по торговле в статье рассмотрена история создания российского таможенного тарифа 1811 г. и «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.». Автор пришёл к выводам, что проекты данных документов начали складываться ещё до предложения М.М. Сперанского к петербургским промышленникам и купцам в сентябре 1810 г. В связи с кризисной ситуацией в российской торговле уже в 1809 г. появился первый проект изменений, содержащий конкретные шаги по улучшению отрицательного торгового баланса России. Мемуары братьев Северин позволяют выдвинуть гипотезу, что «Записка комитета петербургских негочантов», найденная М.Ф. Злотниковым в архиве Государственного совета, была составлена на основе рекомендаций петербургских купцов. Записка братьев Северин показывает, что принятие тарифа 1811 г. отражало интересы тех, кто непосредственно осуществлял внешнюю торговлю России.

Ключевые слова: таможенный тариф 1811 г., «Положение о нейтральной торговле на 1811 г.», М.М. Сперанский, вексельный курс, торговый баланс, колониальные товары, Континентальная блокада

Для цитирования: Макаров Н.А. История создания тарифа 1811 г. и «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 73—80.

Важным инструментом регулирования внешней торговли России в XIX в. являлся таможенный тариф, устанавливающий пошлины на ввоз и вывоз товаров в страну. Однако не всегда разработка выполнялась министерством, относившимся к финансовой отрасли. В сложные для страны периоды могла потребоваться работа специального комитета, созданного для исправления кризисной ситуации, как это имело место в царствование Александра I — период активного военно-политического противоборства России с империей Наполеона. Автор данной статьи попытался на архивных материалах уточнить историю разработки тарифа 1811 г., созданного для нивелирования негативных последствий для российской торговли от объявленной французским императором Континентальной блокады Великобритании.

Исследованием русского таможенного тарифа ранее занимался экономист Константин Николаевич Лодыженский (1858 — после 1903 г.). Рассмотрев на основе Полного собрания законов Российской империи, статистических сведений А.В. Семёнова [Семёнов], Г. фон Шторха [Storch], монографии М.В. Богдановича [Богданович] и Б.С. Иконникова [Иконников] таможенную политику Александра I, исследователь пришёл к выводу об определяющем влиянии курса российской внешней политики на таможенные тарифы [Лодыженский: 124]. При их рассмотрении основное внимание уделялось торговому балансу в ущерб интересам промышленности [Там же: 125]. По мнению К.Н. Лодыженского, издание «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.» не привело к улучшению курса русских ассигнаций, но стало основной причиной разрыва с Наполеоном Бонапартом [Там же: 137]. Другим последствием данного тарифа стало оживление русской промышленности [Там же: 138]. «Положение о нейтральной торговле на 1811 г.» просуществовало 6 лет. Только в конце 1815 г. Александр I поручил особому комитету выработать новый таможенный тариф [Там же: 143].

Последующие авторы в основном ссылались на исследование К.Н. Лодыженского. Отечественный экономист Иосиф Михайлович Кулишер (1878—1933 гг.) предположил, что «Положением о нейтральной торговле на 1811 г.» Александр I хотел ограничить роскошь, способствовать умеренному образу жизни и поощрить развитие отечественной промышленности [Кулишер: 273—274].

Экономист и историк Михаил Иванович Туган-Барановский (1865—1919 гг.) в своей монографии «Русская фабрика в прошлом и настоящем» не стал подробно останавливаться на таможенном тарифе 1811 г. Он подтвердил выводы К.Н. Лодыженского о том, что тариф имел строго запретительный характер, был издан на год, но просуществовал до 1816 г. Исследователь также отметил, что промышленники отстаивали сохранение этого тарифа, подавали петиции властям и просили запрещения привоза тех иностранных товаров, которые были обложены высокой пошлиной. Тариф разделил двор на две партии: министр финансов Д.А. Гурьев был противником тарифа, министр коммерции Н.П. Румянцев возглавлял партию сторонников тарифа [Туган-Барановский: 287].

Наиболее полно тема российской таможенной политики начала XIX в. раскрыта Михаилом Федотовичем Злотниковым (1890—1942 гг.). Как и К.Н. Лодыженский, М.Ф. Злотников использовал материалы Полного собрания законов Российской империи, добавил к ним материалы Центрального государственного исторического архива (совр. Российский государственный исторический архив), сборники депеш и отчётов французского посла в Санкт-Петербурге А. де Коленкура, изданные великим князем Николаем Михайловичем [Великий князь...: 154] и монографию М.А. Корфа о М.М. Сперанском [Корф].

М.Ф. Злотников первым в отечественной историографии разделил понятия тарифа 1811 г. и «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.». Из-за протекционистского характера тарифа 1811 г., увеличивавшего пошлины на иностранные товары, он был опубликован после «Положения» [Злотников: 228]. Ввиду этого предыдущие исследователи рассматривали данные документы вместе, называя «Положение о нейтральной торговле на 1811 г.» таможенным тарифом.

После заключения Тильзитского мира Россия вступила в Континентальную блокаду, и её внешняя экономическая политика пошла в кильватере французской. Указом 20 марта 1807 г. был запрещён ввоз в Россию мануфактурных товаров из Великобритании и торговля с ней [Лодыженский: 134]. Однако Наполеон Бонапарт потребовал от России закрытия портов не только для английских, но и для нейтральных судов. В то же время, по мере того как Континентальная

система¹ становилась всё более неудобной для самой Франции, французский император фактически отступил от неё изданием Трианонского тарифа, содержащего высокие пошлины на привозные товары при условии вывоза определённого количества собственных товаров. По мнению К.Н. Лодыженского, выполнить такое требование для России было невозможно. Оно не только унижало её достоинство, но и навязывало систему, наносящую ущерб хозяйству [Там же].

Из-за соблюдения условий Континентальной системы Россия несла большие издержки, покрывавшиеся выпуском ассигнаций. Для исправления ситуации государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский выработал план по сокращению количества бумажных денег в обращении. Одним из мероприятий данного плана было введение нового таможенного тарифа, ограничивавшего привоз иностранных товаров и облегчавшего вывоз российских продуктов. Для реализации данной меры предполагалось облегчить доступ нейтральных судов в российские порты. Данный тариф под названием «Положение о нейтральной торговле на 1811 г.» был утверждён Александром I в качестве временной меры на один год [Там же: 135]. Тариф содержал 108 статей. Были наложены пошлины на москательные товары², краски, дорогое экзотическое дерево, древесное масло, слоновую и черепаший кость, камни, служащие для промышленных целей, свинец и сталь. Из полуобработанных материалов были разрешены к привозу только бумажная и шерстяная пряжа. Из продуктов потребления допущены: рис, бакалейные товары экзотического происхождения, пряности, вино, сахарный песок, кофе и какао, пропускавшиеся с высокими пошлинами. Ввоз остальных товаров был запрещён. Были повышены экспортные пошлины на льняное семя, лён, пеньку, сало, поташ, смолу и равентух³. Правительство понимало запретительную силу тарифа и рассматривало его как временную и чрезвычайную меру [Там же: 136].

Новый тариф разрабатывался не в Министерстве финансов, а в Комиссии по составлению законов во главе с М.М. Сперанским [Злотников: 228]. Реформатор уделил много внимания взаимодействию с владельцами промышленных предприятий и купцами. В архивных материалах Государственного совета М.Ф. Злотниковым была найдена записка «Комитета петербургских негоциантов». С точки зрения исследователя, данная записка весьма ярко характеризовала положение в торговле и финансах и предлагала меры по выходу из торгового кризиса и исправлению курса рубля. Записка содержала 9 подписей: Рау, Штиглиц, Пихлер, Блессинг, Молво, Амбургер, Зигель, Северин и Иоган Карстен. М.Ф. Злотников установил, что меры, предложенные этим комитетом, в значительной степени были осуществлены в «Положении о нейтральной торговле на 1811 г.» и в тарифе на 1811 г. [Там же: 229]. Мнение негоциантов оказало значительное влияние на итоговый текст документа.

По мнению комитета, положение вексельного курса было отличным в 1803 г. Но затем последовало снижение с некоторыми колебаниями до середины 1807 г., когда началось его стремительное падение [Там же: 229—230]. Описывая падение курса, комитет уделил особое внимание событиям 1810 г. По мнению

---

¹ Современные историки стали различать понятия «Континентальная блокада» и «Континентальная система». Если первый термин представляет собой экономическую войну, то второй имеет более широкое политическое значение. Континентальная система — это система союзов, направленная против Великобритании, образовавшаяся в результате Континентальной блокады. В данной статье речь пойдёт о политике, направленной на осуществление экономических мер и поэтому мы будем использовать термин «Континентальная блокада», однако в случае отсылки к историографии будет использоваться терминология авторов (см.: [Jourdan: 52]).

² Название хозяйственных товаров в терминологии XIX в.

³ Равентух — льняная ткань технического назначения.

М.Ф. Злотникова, речь шла об усиленных конфискациях кораблей и грузов «тенирифской»⁴ и «осенней»⁵ экспедиций с августа 1810 г. [Там же: 230]. Комитет отмечал, что переводы денег за границу увеличились с 5—6 млн до 20—24 млн, и опасался, что впоследствии не хватит объёма вывоза, чтобы покрыть потребности правительства. Распространение предметов роскоши, несмотря на их значительное подорожание, также сильно вредило балансу торговли. Если в 1806 г. 4 т поташа оплачивали 1 т сахара, то в 1810 г. требовалось уже 13 т поташа. Комитет отмечал, что если согласиться с тем, что соотношение импорта с экспортом в течение этих четырех лет оставалось постоянным, то и в таком случае торговый баланс должен был быть на 50 % неблагоприятен для России [Там же: 231].

Также комитет подчеркнул важное значение торговли с Великобританией для России и отметил, что Россия не может выносить бремя пассивной торговли при долге, непрестанно растущем и ежегодно возобновляемом. Текущую ситуацию (на 1810 г.) комитет описал как неблагоприятную из-за вывода большого числа капиталов из России. По мнению комитета, для улучшения торгового баланса нужно было поднять курс. Комитет полагал, что обычные меры запрещений и ограничений недостаточны, и нужны более эффективные меры. Со своей стороны он предложил ограничение импорта, увеличение экспорта и внутренние меры [Там же: 232].

Кроме запрещения иностранных мануфактурных и фабричных изделий, комитет считал необходимым запретить ввоз других товаров: кофе, рома, вина, шампанского и водки. Комитет указывал, что торговля возможна только на основе взаимной выгоды: кто не покупает, тот не должен продавать. Далее комитет указывал на необходимость допустить ввоз сырья, всех красящих веществ и особенно тех товаров, которые являются жизненно необходимыми. Понимая, что такая жёсткая протекционистская политика правительства вызовет контрабанду, комитет предлагал принять строгие меры против неё [Злотников: 233].

В Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) находится документ под названием «Некоторые идеи о запрете различных импортных товаров братьями Северин» [Quelques idées...: Д. 7792]. Документ уже был опубликован в многотомном сборнике «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел» (далее — ВПР) [Внешняя политика...: 432—440], но не был использован в исторических исследованиях. Братья Андрей Иванович (Heinrich Gottfried, 1771—1858 гг.) и Петр Иванович (Johann Peter, 1778—1828 гг.) были купцами первой гильдии и придворными банкирами. Влиятельные Северины входили в банкирскую контору «Велио, Ралль и Роговилов» и принимали участие в создании Российско-Американской компании [Байрд (Яценко): 1]. Предположительно, данная записка была отправлена в вышеупомянутую Комиссию по составлению законов. Записка начинается с описания важности такого показателя, как торговый баланс. Авторы отметили, что «...необходимо, чтобы существовал равный баланс между количеством взаимно ввозимых и вывозимых товаров» [АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 7792. Д. 7792. Л. 2]. Однако

⁴ В 1810 г. в порты Балтийского моря прибыло 75 кораблей, местом отправки которых по документам был Тенерифе. Однако с учётом того, что в тот момент в Балтийском море находилась английская эскадра, документы судов показались подозрительными российскому правительству и большая часть их грузов была конфискована. См.: [Злотников: 185—192].

⁵ Документы судов, прибывших в российские порты осенью 1810 г., вызывали подозрение. Но, в отличие от судов «тенирифской экспедиции», значительная часть судов «осенней экспедиции» не была конфискована. М.Ф. Злотников связал это с изменением отношения российского правительства к соблюдению условий Континентальной блокады. См.: [Там же: 192—209].

торговый баланс России в 1810 г. был неблагоприятным из-за падения курса русской валюты по отношению к иностранным и ежедневного роста цен на золото и серебро [Там же: л. 2 об.]. Причину отрицательного торгового баланса, по мнению авторов записки, следовало искать в открытии судоходства на Балтийском море после успешных итогов Северной войны во времена Петра I [Там же]. Отечественная промышленность не покрывала потребности в роскоши, и постепенно Россия стала зависима от продуктов зарубежной промышленности [Там же]. По мнению авторов, низкий вексельный курс⁶ страны являлся неоспоримым доказательством уменьшения наличных денег в России [Там же: л. 3 об.]. Авторы не стали подробно описывать последствия, они остановились на мерах, необходимых для восстановления торгового баланса России, состоявших из сокращения импорта и стимулирования экспорта [Там же: л. 4]. Разделив потребности населения на необходимые и престижные [Там же: л. 4 об.], авторы предложили отказаться от целых категорий престижных товаров, таких как колониальные товары (за исключением сахара в сырой форме, древесины и красителей, хлопка, какао и лекарственных средств), алкоголь и роскошные ткани [Там же: л. 5]. Было определено с поправкой на курс 1810 г., что общая сумма российского импорта в 1801—1805 гг. составляла 48 млн руб. Цена товаров, предлагавшихся к запрету, составляла 32 млн руб. Данные меры должны были быть подкреплены законами против роскоши [Там же: л. 5 об.]. После этого, по мнению авторов записки, «...торговый баланс восстановит свой паритет, вероятно, даже будет достаточно впереди, вексельный курс будет испытывать улучшение, цены на золото и серебро упадут...» [Там же: л. 6—6 об.]. С точки зрения авторов записки, Франция не сразу обратила бы внимание на радикальные меры по сокращению российского импорта, потому что среди них находился запрет на ввоз колониальных товаров [Там же]. Англия бы вошла в положение России и поняла бы, что принятые меры продиктованы срочностью [Там же]. В заключении записки авторы выражали надежду на поддержку мер: «Какой, в конце концов, русский, любящий свою родину, не пожертвует с готовностью привычкой или удовольствием, когда будет убежден, что способствует общему благу?» [Там же: л. 7 об.].

Записка «Комитета петербургских негодантов», описанная М.Ф. Злотниковым, и записка братьев Северин похожи по своей протекционистской направленности. Они практически идентичны в предложенных решениях проблемы отрицательного торгового баланса России, выдвинутыми положениями о сокращении импорта и стимулировании экспорта. Авторы записок одинаково определяют список товаров роскоши, подлежащих к запрету. Ввиду того, что записка «Комитета петербургских негодантов» более подробно описывает проблемную ситуацию и предлагает более широкий спектр мер, можно предположить, что записка братьев Северин была её ранним вариантом. Не исключён вариант, что эта записка была лишь одной из многих подобных записок, поданных в Комиссию по составлению законов, и что на основании их совокупности был составлен общий проект тарифа. Но на данный момент другие подобные записки не обнаружены.

Еще одна записка, «Мемуары о торговле и валютном курсе России в 1809 году», принадлежит неизвестному автору. Можно предположить, что записка обращена к Николаю Петровичу Румянцеву как к министру коммерции. Автор записки отметил положительные изменения в торговле «...Со времени отъезда Вашего Превосходительства в Эрфурт...»⁷ [Mémoires sur...: Д. 7789. Л. 9] и упомянул

⁶ Вексельный курс — меновая ценность иностранных коммерческих векселей, показывающая покупательную способность денег одной страны по отношению к деньгам другой.

⁷ Н.П. Румянцев действительно с момента встречи двух императоров в Эрфурте находился в отъезде и вернулся в Санкт-Петербург только 15 марта 1809 г. по новому стилю. См.: [Великий Князь...: 154].

о пребывании «...Вашего Превосходительства в Париже» [Там же: д. 7789, л. 9 об.]. Датированная 1809 г., записка была написана раньше начала разработки тарифа 1811 г., запущенной предложением М.М. Сперанского в сентябре 1810 г. [Злотников: 227], и поэтому, скорее всего, не могла быть написана одним из представителей «Комитета петербургских негоциантов». Но записка также имеет протекционистскую направленность. Записка к Н.П. Румянцеву 1809 г. так же, как и записка братьев Северин, начиналась с описания российского торгового баланса. Отмечалось, что после войн торговый баланс России ушёл в минус на 25—30 млн руб. [Mémoires sur...: д. 7789, л. 7 об.]. Автор записки предлагал уменьшить импорт и стимулировать экспорт [Там же]. Так же, как и в записке братьев Северин, предлагалось ввести строгие меры против контрабанды, но при этом предлагались конкретные меры: ввести новый гербовый сбор, нанимать честных инспекторов, проводить неожиданные обыски, обещать большие вознаграждения доносчикам и осуществлять полную конфискацию имущества сотрудников таможи и торговцев, уличенных в мошенничестве [Там же: л. 8]. Описывая упоминавшиеся выше положительные изменения в российской торговле, выражавшиеся в росте цен на российскую продукцию [Там же: л. 9 об.], автор выдвинул три возможные причины такого явления. Во-первых, начала развиваться экспортная торговля по суше. Во-вторых, правительство должно было благоприятствовать летом 1810 г. приему судов, прибывавших без груза (с балластом) и отправлявшихся обратно с российской продукцией. В-третьих, из-за ожидавшегося из Англии конвоя под нейтральными флагами [Там же]. Третья причина объясняется российской торговлей колониальными товарами Великобритании. Автор записки не скрывал от Н.П. Румянцева, что Россия вела торговлю колониальными товарами, значительное количество которых находилось на складах «...этой столицы (Санкт-Петербурга. — *Н. М.*), Риги, Архангельска и других мест, где, помимо того, что находилось там во время объявления войны, в прошлом году было импортировано значительное количество...» [Там же] и что «...цены на колониальные товары испытали столь заметное снижение, что их экспорт в Гамбург и другие места принес бы большую прибыль» [Там же]. Торговля колониальными товарами, согласно наблюдениям автора записки, осуществлялась благодаря прикрытию английских судов бразильским флагом, лояльности российских консулов на местах и подкупа торговцами из Бремена и Гамбурга французских консулов за комиссию в 3 % [Там же]. Однако автор записки видел в поступлении колониальных товаров в Россию негативные последствия для российских финансов. Колониальные товары поступали в Россию в большом количестве, и российские торговые корпорации становились должниками [Там же: л. 11]. Россия должна была начать расширять экспортную торговлю и препятствовать импорту колониальных товаров [Там же: л. 9]. В таком случае «...вексельный курс неминуемо начал бы восстанавливаться, что привело бы к увеличению ресурсов правительства и благосостояния частных лиц, при сохранении и обеспечении кредита национальных бумажных денег» [Там же: л. 11 об.]. Так же, как и в записке братьев Северин, автор предложил отказаться от потребления колониальных товаров, заменив их аналогами («...сахар и кофе можно заменить медом и чаем...»), и отметил существование в России определённого запаса колониальных товаров на несколько лет [Там же]. В конце записки автор выражал надежду, что такое стимулирование торговли пойдёт на пользу и российской промышленности, и «...руководители предприятий начнут конкурировать с иностранцами, расширять сферу российской промышленности и заставят хороших граждан забыть о продукции других стран» [Там же: л. 12].

Таким образом, проекты тарифа 1811 г. и «Положения о нейтральной торговле на 1811 г.» начали складываться ещё до предложения М.М. Сперанского в сентябре 1810 г. В связи с кризисной ситуацией в российской торговле уже в 1809

г. появился первый проект изменений, содержащий конкретные шаги по улучшению отрицательного торгового баланса России. Записка братьев Северин позволяет выдвинуть гипотезу о том, что «Записка комитета петербургских негодантов», найденная М.Ф. Злотниковым в архиве Государственного совета, была составлена на основе записок петербургских промышленников и купцов или являлась её первым вариантом. Российское правительство в деле разработки нового таможенного тарифа решило довериться наиболее влиятельным торговцам. Мемуар братьев Северин показывает, что принятие тарифа 1811 г. отражало чаяния тех, кто непосредственно осуществлял внешнюю торговлю России.

Список источников

- Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801—1815 гг., Т. 5: Апрель 1809 г. — январь 1811 г. М.: Политгиздат, 1967. 784 с.
- Mémoires sur le commerce et le cours de change de la Russie en 1809 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 7789.
- Quelques idées sur la prohibition de diverses marchandises d'importation, par les frères Severin. 1810. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 7792.

Список литературы / References

- Байрд (Яценко) О.А. Семья петербургских купцов Севериных: дополнения к образу российских родственников Людвиг Вильгельма Теппера де Фергюсона. Биографический аспект. URL: <https://www.academia.edu/44830128> (дата обращения: 11.07.2025). (Baird (Iatsenko) O.A. The Severin Family of St. Petersburg Merchants: Additions to the Image of Russian Relatives of Ludwig Wilhelm Tepper de Ferguson. Biographical Aspect. — In Russ.)
- Великий Князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона: 1808—1812. СПб: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1907. Т. III. 412 с.
- (Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Diplomatic relations between Russia and France according to the reports of the ambassadors of Emperors Alexander and Napoleon: 1808—1812, St. Petersburg, 1907, vol. III, 412 p. — In Russ.)
- Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л.: Наука, 1966. 359 с.
- (Zlotnikov M.F. Continental blockade and Russia, Moscow; Leningrad, 1966, 359 p. — In Russ.)
- Кулишер И.М. Очерки истории русской торговли. М.: Юрайт, 2025. 287 с.
- (Kulisher I.M. Essays on the History of Russian Trade, Moscow, 2025, 287 p. — In Russ.)
- Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. М.: Юрайт, 2025. 325 с.
- (Lodyzhensky K.N. History of the Russian customs tariff, Moscow, 2025, 325 p. — In Russ.)
- Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. 735 с.
- (Tugan-Baranovsky M.I. Selected Works. Russian Factory in the Past and Present. Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century, Moscow, 1997, 735 p. — In Russ.)
- Jourdan A. French Representations of the Continental Blockade: Three Kinds of Narratives for and against, *Aaslestad K., Joor J. Revisiting Napoleon's Continental System: Local, Regional and European Experiences*, London, 2015, 312 p.

HISTORY OF THE CREATION OF THE TARIFF OF 1811 AND THE “REGULATION ON NEUTRAL TRADE FOR 1811”

Nikita A. Makarov

State University of Management, Moscow, Russian Federation,
mackarov.nik2013@yandex.ru

Abstract. Using materials from trade memoirs, the article examines the history of the creation of the Russian customs tariff of 1811 and the “Regulations on Neutral Trade for 1811.” The author concluded that the projects of these documents began to take shape even before M.M. Speransky's proposal to St. Petersburg industrialists and merchants in September 1810. In connection with the crisis situation in Russian trade, already in 1809, the first draft of changes appeared, containing specific steps to improve Russia's negative trade balance. The note of the Severin brothers allows us to hypothesize that the “Note of the Committee of Petersburg Merchants”, found by M.F. Zlotnikov in the archives of the State Council, was compiled on the basis of notes by Petersburg merchants. The note by the Severin brothers shows that the adoption of the tariff of 1811 reflected the interests of those who directly carried out Russia's foreign trade.

Keywords: customs tariff of 1811, “Regulations on neutral trade for 1811”, M.M. Speransky, bill rate, trade balance, colonial goods, Continental System

For citation: Makarov N.A. History of the creation of the tariff of 1811 and the “Regulation on neutral trade for 1811”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 73—80.

Статья поступила в редакцию 19.07.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 19.07.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Макаров Никита Александрович — ассистент кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, г. Москва, Россия, mackarov.nik2013@yandex.ru

Makarov Nikita Aleksandrovich — assistant professor of the Department of sociology, management psychology and history, State University of Management, Moscow, Russian Federation, mackarov.nik2013@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 81—88.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 81—88.

Научная статья

УДК 94(47)"1812/1814":347.96

EDN <https://elibrary.ru/jyneud>

DOI: 10.46726/H.2026.1.11

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НА СУДЕЙСКИЕ ДОЛЖНОСТИ РАНЕННЫХ ОФИЦЕРОВ-УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

Сергей Николаевич Подлесных

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова,

г. Воронеж, Россия, agera3@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе источников из Российского государственного исторического архива, нормативных документов Полного собрания законов Российской империи, воспоминаний современников и статистической литературы анализируется история определения на судебские должности раненых офицеров-участников Отечественной войны 1812 г. 18 августа 1814 г. в первую годовщину сражения под Кульмом Александр I подписал Высочайший приказ армиям «О учреждении особого комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам». Одной из мер Комитета социально-экономического характера, направленной на поддержку раненых офицеров, явилась возможность их устройства на судебские должности. Данная мера поддержки пользовалась большой популярностью среди раненых офицеров. Определение раненых офицеров на судебские должности преследовало двоякую цель. С одной стороны, государство действительно помогало раненым офицерам найти новое место службы. С другой стороны, подобные определения проходили в основном в тех губерниях Российской империи, где местные дворянские корпорации были малочисленными. Для определения раненых офицеров министерством юстиции предусматривались судебские должности, на которые дворяне в общем порядке не желали идти. Автором делается заключение о том, что после войны 1812 г. раненые офицеры явились источником для восполнения кадрового дефицита российского судебного корпуса.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., судебский корпус, материальное положение, дореформенный суд, офицеры, Комитет о раненых, Российская империя

Для цитирования: Подлесных С.Н. Определение на судебские должности раненых офицеров-участников Отечественной войны 1812 г. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 81—88.

Одним из важнейших событий тысячелетней российской истории стала Отечественная война 1812 г. Она является поворотным моментом в умах русской общественности, которая начинает по-новому осмысливать русскую историю, эффективные пути развития государства и общества. Негативные последствия от войны 1812 г. еще долгое время сказывались на экономической и управленческой сферах Российской империи. То значительное место, которое занимает в русской истории Отечественная война 1812 г., предопределило высокий уровень изученности данной темы как в российской, так и в зарубежной науке, а также ее актуальность. Вместе с тем по теме войны 1812 г. очень много дискуссионных вопросов [Поляков: 14]. Однако, как правило, исследователи в первую очередь анализируют политические и военные вопросы Отечественной войны.

© Подлесных С.Н., 2026

Хотя, по замечанию Л.Л. Ивченко, «особенностью отечественной историографической традиции является явное несовпадение “фактологического нарратива” с показаниями источников» [Ивченко: 6]. 200-летие Отечественной войны 1812 г. дало мощный импульс развитию исследований по заданной теме [Промыслов: 248]. Тем не менее необходимо отметить, что специальных исследований, посвященных анализу последствий вторжения Наполеона в Россию в сфере судебного управления, нет.

Таким образом, актуальность данного исследования, с одной стороны, обусловлена самой значимостью для российской истории Отечественной войны 1812 г. и ее последствий, с другой стороны — отсутствием в научной литературе работ, посвященных анализу судебского корпуса в связи с последствиями от войны 1812 г.

Основными источниками исследования послужили следующие материалы:

— делопроизводственная документация, представленная архивными делами, введенными в научный оборот впервые, из следующих фондов: Российский государственный исторический архив (РГИА) — Фонд 733, Департамент народного просвещения, Фонд 1149, Департамент законов Государственного совета, Фонд 1152, Департамент государственной экономии Государственного совета;

— нормативно-правовые акты: документы из Полного собрания законов Российской империи;

— источники личного происхождения: воспоминания Несвицкого И.А.;

— статистическая и справочная литература: Блюх И.С. Финансы России XIX столетия.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении истории определения на судебские должности раненых офицеров-участников Отечественной войны 1812 г.

Одним из самых заметных последствий войны 1812 г. стали проблемы в экономической сфере. Российский государственный деятель, дипломат, граф С.Р. Воронцов в 1814 г. указывал, что после войны 1812 г. в том числе финансы России были в полном беспорядке [Блюх: 123]. Современный историк Б.Н. Миронов, анализируя экономику России в XVIII—XIX вв., отмечает, что «под влиянием Наполеоновских войн, 1799—1815 гг., курс ассигнаций стал резко понижаться, только за один 1810 г. упал в 1,7 раза, в 1815 г. сравнительно с 1769 г. — в 5 раз» [Миронов: 211]. Так, в 1810 г. доходов в государстве было на сумму 125 млн, расходов — 230 млн, долгов — 577 млн [Блюх: 93]. Уже в 1812 г. только внутренний долг России составил 668 млн руб. [Никольский: 78].

И.С. Максимов пишет, что «в целом то разорение, которое принесла война, больно ударило по экономической системе государства» [Максимов: 16]. В особенно сложной ситуации оказались губернии империи, через которые проходили боевые действия. От наполеоновских войск пострадало 12 губерний России. Однако последствия от разорений наблюдались не только в строго экономической сфере, но и по части управления, судопроизводства. К примеру, в Смоленской губернии отмечались большие проблемы с делопроизводством, намного серьезнее, чем в иных губерниях, через которые прошли французские войска. Исследователь М.О. Иванова, анализируя ситуацию с делопроизводством в Смоленской губернии, отмечает, что «оно стало малофункциональным и не было значительно улучшено даже к концу 1820-х гг.» [Иванова: 76].

Таким образом, после Отечественной войны 1812 г. российское государство столкнулось не только с широким кругом финансово-экономических проблем, но и со значительным ухудшением ситуации по части административной сферы, особенно в тех губерниях, которые были разорены наполеоновским нашествием.

Вместе с тем Отечественная война 1812 г., обернувшаяся для России экономическим упадком и проблемами в области управления, как и любая война вообще, сопровождалась также серьезными людскими потерями. Количество убитых с каждой из сторон было огромным. Участник войны 1812 г., генерал-лейтенант князь И.А. Несвицкий вспоминал: «Трупы лежали буквально на каждом шагу, ими были завалены обочины всех дорог, десятки их можно было обнаружить в пустой хижине или на лесной поляне» [Записки черного гусара: 467]. В исторической литературе до сих пор ведутся споры по поводу количества убитых и раненых солдат и офицеров русской армии по итогам войны 1812 г. Так, к примеру, С.В. Шведов оценивает боевые потери русской армии в 125 тыс. человек, а не боевые потери — в 175 тыс. человек [Шведов: 18].

Т.В. Янчаускас, со ссылкой на советского историка Ю.Ф. Прудникова, указывает, что «офицерский корпус русской армии комплектовался по преимуществу потомственными дворянами, которые к концу 1812 г. составляли 86,5 % от всей численности (по другим данным — от 73,8 % до 87,6 %), и включал иностранное дворянство (13,3 %)» [Янчаускас: 1158]. Таким образом, количество раненых русских офицеров исчислялось десятками тысяч, которые были представлены в основном потомственным дворянством. Seriously раненые офицеры были признаны негодными к службе и уже более не могли вернуться к ней.

Оказавшись в очень трудном финансово-экономическом положении, имея высокий уровень дефицита бюджета, государству все же было необходимо позаботиться, принять меры по поддержке тех подданных, которые жертвовали своими жизнями и здоровьем ради спасения Отечества. После завершения войны был разрешен вопрос о бесплатном лечении офицеров [РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 397: 4—6].

Меры экономически ослабшего государства не исчерпывались только оказанием бесплатной медицинской помощи. 18 августа 1814 г. в первую годовщину сражения «на полях Кульмских» Александр I подписал Высочайший приказ армиям «О учреждении особого комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам». В приказе говорилось: «Обязанностью Комитета сего будет принимать просьбы, пещись о составлении возможного вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам, и представлять о них доклады свои через состоящего при мне генерала от артиллерии графа Аракчеева» [ПСЗРИ-I; Т. 33, № 26255: 876].

Первоначально эта организация называлась «Комитет Высочайше учрежденный в 18 день августа 1814 года», с 19 марта 1858 г. — Комитет о раненых, с 12 декабря 1877 г. — Александровский комитет о раненых (далее — Комитет) [Столетие военного министерства: 37]. В первые годы своего существования Комитет не был государственным учреждением, а считался благотворительной организацией [Будко: 68].

Одной из мер Комитета социально-экономического характера, направленной на поддержку раненых офицеров, явилась возможность их устройства на службу в государственные учреждения на различные должности. В этой связи 5 мая 1816 г. Александр I подписал именной указ, данный генерал-фельдмаршалу князю Салтыкову «О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами» [ПСЗРИ-I; Т. 33, № 26255: 632—637].

Определение раненых офицеров на должности явилось «одним из первых по времени видов покровительства Комитета». Хотя круг лиц, которые пользовались поддержкой Комитета, был очень широким, претендовать на назначения в государственные учреждения не могли:

— генералы, т.к. в распоряжение Комитета не представлялись должности для замещения генералами;

— «офицеры, которые награждены первым офицерским чином при увольнении в отставку из нижних воинских званий, так как такие офицеры принимались в покровительство Комитета по правилам, установленным для покровительства нижних чинов» [Столетие военного министерства: 73].

После определения, какие раненые способны, а какие неспособны к гражданской службе, «возник в Комитете вопрос о тех должностях, на которые могли бы быть определяемы раненые офицеры». Каждый министр по своему ведомству указал на те должности, которые было возможно замещать ранеными офицерами. В общий перечень таких должностей вошло 138 наименований [Столетие военного министерства: 73].

5 мая 1816 г. последовал именной, данный генерал-фельдмаршалу князю Салтыкову, указ «О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами» [ПСЗРИ-I; Т. 33, № 26255]. В соответствии с данным документом должности для раненых офицеров были выделены в министерстве иностранных дел, военном министерстве, морском министерстве, министерстве внутренних дел, министерстве просвещения, министерстве финансов, главном управлении ревизии государственных счетов, главном управлении путей сообщения, министерстве юстиции, министерстве полиции, главном управлении духовными делами иностранных исповеданий. Как указывают дореволюционные авторы книги «Столетие военного министерства», «не все эти должности на самом деле замещались ранеными офицерами». Однако официальную санкцию это уклонение получило только лишь при Николае I [Столетие военного...: 73].

Количество отставных раненых офицеров было намного больше, чем вакантных должностей в силу указа от 5 мая 1816 г. Ввиду этого 22 декабря 1816 г. императором были утверждены особые правила, которыми устанавливались требования для кандидатов на вакантные должности. Вместе с тем было указано, что старшинство кандидатов определяется порядком поступления в Комитет просьб, тяжело раненые имели преимущество определения на должности перед прочими ранеными [Столетие военного министерства: 74].

Анализ предлагаемых для замещения ранеными офицерами должностей по ведомству министерства юстиции позволяет разделить их на две группы:

- 1 группа — должности по отправлению правосудия;
- 2 группа — должности без отправления правосудия.

Первую группу составляли судебские должности в надворных судах, совестных судах и уездных судах. В гражданских и уголовных судебных палатах вакантных судебских должностей для замещения ранеными офицерами министерством юстиции не предусматривалось.

Во вторую группу входили должности при Сенате (в скобках указаны годовые оклады в рублях): экзекуторы и кастеляны в общем собрании (1000), экзекуторы в I-м департаменте (750), экзекуторы в прочих департаментах (600), экзекутор в московском департаменте (450), кастелянский помощник в Москве (500), экзекутор в юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел (450) [ПСЗРИ-I; Т. 33, № 26255: 636].

Перечень судебных должностей, предлагаемых для замещения ранеными офицерами, по губерниям Российской империи представлен в таблице ниже [ПСЗРИ-I; Т. 33, № 26255: 636—637].

№ п/п	Наименование судебного учреждения	Губерния	Годовой оклад, руб.
1	Надворные суды	Санкт-Петербургская	600
2		Московская	450
3	Совестные суды	Вятская, Архангельская, Кавказская, Пермская, Таврическая	600
4		Тобольская, Томская	900
5		Иркутская	1 000
6	Уездные суды	Вятская, Архангельская, Кавказская, Пермская, Таврическая	300
7		Тобольская, Томская	450
8		Грузия	450
9		Иркутская	600—750

Анализ географии предлагаемых для замещения раненым офицерам судебных должностей позволяет сделать вывод о том, что преимущественно все вакантные судебские должности были открыты в так называемых «недворянских губерниях». Согласно указу от 5 мая 1816 г., в таких губерниях «по малоимению дворян» чиновники определялись от Короны [ПСЗРИ-I. Т. 33, № 26255: 636]. В силу объективных причин местные дворянские корпорации в «недворянских губерниях» были малочисленными. Среди «недворянских губерний» 1-й половины XIX в., к примеру, можно назвать Архангельскую, Астраханскую, Вятскую, Пермскую губернии и другие. В столичных судах (Санкт-Петербург, Москва) несколько должностей судей для замещения ранеными офицерами отдавалось в надворных судах.

В Российской империи все дореформенное время остро вставал кадровый вопрос в судебском корпусе. Особенно настойчиво данная проблема проявляла себя в «недворянских губерниях», т. е. тех губерниях, где дворянские корпорации в силу объективных причин были малочисленными. В таких губерниях было крайне нелегко выбрать кандидатов на судебские должности. К примеру, в 1827 г. главноуправляющий Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области, генерал А.П. Ермолов доносил в Правительствующий Сенат о недостатке в Астраханской губернии дворянства, что влияло на кадровое наполнение местных судов [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.]. В 1847 г. военный губернатор Архангельской губернии А.И. де Траверсе, анализируя кадровую ситуацию в местном совестном суде, отмечал: «В дворянских губерниях должности в Совестьном суде, сколько ему, губернатору, известно, занимают лица почетнейшие и, не нуждаясь в жалованье, содержат канцелярию оною за свой счет. Архангельская же губерния сего лишена, и в оной места в Совестьном суде замещены бедными и устарелыми уже для службы людьми...» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 75: 4 об.]. Кадровая проблема в недворянских губерниях также являлась причиной, которая приводила к закрытию местных судов [Подлесных 2024].

Еще одной существенной проблемой отечественного суда на всем протяжении дореформенной эпохи являлся низкий уровень его финансирования [Подлесных 2025]. В 1813 и 1816 гг., в силу недостаточности финансирования российских судов, их содержание предполагалось увеличить наполовину [РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113: 7—8 об.]. Однако такое повышение состоялось только на бумаге, на практике суды не получили ни одного рубля в увеличение своего содержания, распоряжения руководства государства исполнены не были. Этому «препятствовали до ныне разные случаи и многие затруднительные обстоятельства, государство постигшие» [ПСЗРИ-II; Т. 9, отд. 1, № 7369: 842].

Низкий уровень материального содержания судей являлся одной из причин отказа дворян служить в органах юстиции. Раненые офицеры, которые по большей

части были дворянами, с учетом своего потерянного на войне здоровья, оказались необходимым для государства кадровым резервом. Получившим на войне ранения офицерам было самостоятельно довольно нелегко найти место новой службы.

Что касается окладного содержания раненых офицеров, назначаемых на судебские должности с окладами иных судей по равной должности и классу, то сравнительный их анализ показывает следующее. Назначенные на должности судей раненые офицеры не получали окладов больших по сравнению с окладами иных судей равной им должности. На начало XIX в. оклад совестного судьи VI класса составлял 600 руб., уездного судьи VIII класса — 300 руб. Надворные судьи в Санкт-Петербурге и Москве VI класса имели оклады 600 руб. и 450 руб. соответственно [ПСЗРИ-I. Т. 44, ч. 2: 228—231].

Таким образом, на фоне экономической разрухи после Отечественной войны 1812 г., государство через «Комитет Высочайше учрежденный в 18 день августа 1814 года» нашло возможность не оставить без помощи раненых офицеров. Одной из мер их поддержки выступило определение раненых офицеров на судебские должности. Однако такое определение преследовало двоякую цель. С одной стороны, государство действительно помогало раненым офицерам найти новое место службы, отвечающее состоянию их здоровья. Как показывают источники, такая мера поддержки пользовалась среди раненых офицеров большим спросом. С другой стороны, ввиду кадрового дефицита в судебском корпусе, подобные определения проходили в основном в тех губерниях России, где местные дворянские корпорации были незначительными. Раненые офицеры назначались на те судебские должности, на которые дворяне в общем порядке не желали идти. В данном случае можно говорить о том, что после войны 1812 г. раненые офицеры в том числе явились источником для восполнения кадрового дефицита отечественного судебского корпуса.

Список источников

- Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 344 с.
 Записки черного гусара. Воспоминания генерал-лейтенанта и кавалера князя Ивана Александровича Несвицкого об Отечественной войне 1812 года. М.: Кучково поле, 2018. 480 с.
 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. Т. 33. Санкт-Петербург, 1830. 1169 с. (ПСЗРИ-I; Т. 33)
 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. Т. 44. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1830. 1136 с. (ПСЗРИ-I; Т. 44, ч. 2)
 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]. Т. 9. Отд. 1. Санкт-Петербург, 1835. 891 с. (ПСЗРИ-II; Т. 9, отд. 1)
 Российский государственный исторический архив (РГИА).

Список литературы/References

- Будко А.А., Хитров А.А., Волькович А.Ю. Деятельность Комитета о раненых в XIX — начале XX века // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 67—70.
 (Budko A.A., Khitrov A.A., Volkovich A.Yu. Activities of the Committee on the Wounded in the 19th — Early 20th Centuries, *Military History Journal*, 2008, vol. 2, p. 67—70. — In Russ.)
 Иванова М.О. Смоленская губерния после Отечественной войны 1812 года: между символической Славой и экономической маргинализацией // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 73—82.
 (Ivanova M.O. Smolensk province after the Patriotic War of 1812: between symbolic glory and economic marginalization, *Bulletin of Perm University. History*, 2024, vol. 1 (64), p. 73—82. — In Russ.)

- Ивченко Л.Л. Отечественная война 1812 года (июнь—август): проблемы соотношения источниковой базы с национальной историографической традицией // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXVII Международ. науч. конференции. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2024. С. 5—35.
- (Ivchenko L.L. The Patriotic War of 1812 (June—August): Problems of Correlation of the Source Base with the National Historiographic Tradition, *The Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems: Proceedings of the XXVII International scientific conference*, Borodino, 2024, p. 5—35. — In Russ.)
- Максимов И.С. Тенденции аграрного развития России в связи с военными кампаниями 1812—1814 годов (на материале губерний Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2011. № 4 (15). С. 16—21.
- (Maksimov I.S. Trends in the agrarian development of Russia in connection with the military campaigns of 1812—1814 (based on the provinces of the Middle Volga region), *Economic History*, 2011, vol. 4 (15), p. 16—21. — In Russ.)
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб: Дмитрий Буланин, 2023. Т. 3. 992 с.
- (Mironov B.N. Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vols, St. Petersburg, 2023, vol. 3, 992 p. — In Russ.)
- Никольский П.С. Финансовая составляющая войны России против наполеоновского нашествия в 1812—1815 годы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. № 3 (7). С. 76—83.
- (Nikolsky P.S. Financial component of Russia's war against the Napoleonic invasion in 1812—1815, *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2012, no. 3 (7), pp. 76—83. — In Russ.)
- Подлесных С.Н. Астраханский совестный суд: история присоединения к палате уголовного и гражданского суда (1828 год) // Кавказология. 2024. № 4. С. 40—53.
- (Podlesnykh S.N. Astrakhan court of conscience: history of accession to the chamber of criminal and civil court (1828), *Kavkazologiya*, 2024, vol. 4, pp. 40—53. — In Russ.)
- Подлесных С.Н. Материальное положение судей Российской империи перед судебной реформой 1864 г. // Актуальные вопросы истории, философии, права и педагогики: сборник статей VII Всеросс. науч.-практ. конференции (с межд. участием), посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Рязань: РГРТУ имени В.Ф. Уткина, 2025. С. 100—103.
- (Podlesnykh S.N. Financial situation of judges of the Russian Empire before the judicial reform of 1864, *Current issues of history, philosophy, law and pedagogy: collection of articles of the VII All-Russian scientific and practical conference (with international participation) dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945*, Ryazan, 2025, pp. 100—103. — In Russ.)
- Поляков А.Н. Спорные вопросы Отечественной войны 1812 года в контексте борьбы цивилизаций // 1812 год в судьбе России: Отечественная война в памяти поколений: Материалы Всерос. науч.-практ. конференции (с междунар. участием). Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2023. С. 14—23.
- (Polyakov A.N. Controversial Issues of the Patriotic War of 1812 in the Context of the Struggle of Civilizations, *1812 in the Fate of Russia: The Patriotic War in the Memory of Generations: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)*, Orenburg, 2023, pp. 14—23. — In Russ.)
- Промыслов Н.В. Актуальные вопросы современной историографии Отечественной войны 1812 года // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 248—250.
- (Promyslov N.V. Current issues of modern historiography of the Patriotic War of 1812, *New and contemporary history*, 2012, no. 1, pp. 248—250. — In Russ.)
- Столетие Военного министерства: 1802—1902. Т. 13, кн. 1: Александровский комитет о раненых: исторический очерк / гл. ред. Д.А. Скалон. СПб: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 395 с.

(A Centenary of the War Ministry: 1802—1902. Vol. 13, book 1: The Alexander Committee on the Wounded: A Historical Essay, ed. by D.A. Skalon, St. Petersburg, 1902, 395 p. — In Russ.)

Шведов С.В. Комплектование, численность и потери российской армии в Отечественной войне 1812 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 22 с.

(Shvedov S.V. Recruitment, size and losses of the Russian army in the Patriotic War of 1812: abstract of the dis. ... Cand. of Sciences (History), Saratov, 2005, 22 p. — In Russ.)

Янчаускас Т.В. Социальное происхождение офицеров русской Регулярной кавалерии в эпоху Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 1158—1163.

(Yanchauskas T.V. Social origin of officers of the Russian Regular cavalry during the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of 1813—1814, *Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, 2012, vol. 27, pp. 1158—1163. — In Russ.)

ASSIGNMENT OF WOUNDED OFFICERS-PARTICIPANTS IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812 TO JUDICIAL POSITIONS

Sergey N. Podlesnykh

Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russian Federation, agera3@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the history of assigning wounded officers who participated in the Patriotic War of 1812 to judicial positions, drawing on sources from the Russian State Historical Archive, regulatory documents from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, memoirs of contemporaries, and statistical literature. On August 18, 1814, on the first anniversary of the Battle of Kulm, Alexander I signed the Imperial Order to the Armies “On the Establishment of a Special Committee for the Assistance of Indigent Disabled Generals, Staff Officers, and Senior Officers”. One of the Committee's socioeconomic measures aimed at supporting wounded officers was the possibility of placing them in judicial positions. This support measure was very popular among wounded officers. The assignment of wounded officers to judicial positions served a dual purpose. On the one hand, the state genuinely helped wounded officers find new duty stations. On the other hand, such assignments took place primarily in those provinces of the Russian Empire where local noble corporations were small. To accommodate wounded officers, the Ministry of Justice created judicial positions, which nobles generally refused to fill. The author concludes that after the War of 1812, wounded officers served as a source of personnel to fill the personnel shortage in the Russian judicial corps.

Keywords: Patriotic War of 1812, judicial corps, financial situation, pre-reform court, officers, Committee on the Wounded, Russian Empire

For citation: Podlesnykh S.N. Assignment of wounded officers-participants in the Patriotic War of 1812 to judicial positions, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 81—88.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 29.09.2025; approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Подлесных Сергей Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия, agera3@yandex.ru, SPIN: 4123-7337

Podlesnykh Sergey Nikolaevich — Candidate of Law, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, Voronezh, Russian Federation, agera3@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 89—97.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 89—97.

Научная статья

УДК 94(47)"1914/1917":355.40

EDN <https://elibrary.ru/hwguxz>

DOI: 10.46726/H.2026.1.12

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ КОНТРРАЗВЕДКИ О ПРОПАГАНДИСТСКИХ УГРОЗАХ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вадим Олегович Зверев

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия,

zvarevoma@mail.ru

Аннотация. Путем введения в научный оборот уникальных архивных материалов раскрываются неизвестные специалистам страницы истории Первой мировой войны. Речь, в частности, идет о диверсионно-пропагандистских усилиях дезертиров и сектантов (баптисты-евангелисты), направленных на морально-нравственное разложение фронтовых и тыловых частей русской армии, прекращение ее участия в боевых действиях по защите Отечества. В связи с чем в фокусе пристального исследовательского внимания оказались документальные сведения о некоторых аспектах контрразведывательной и военно-цензурной деятельности штабов армий, входивших в состав Западного и Юго-западного фронтов.

Рассматривается алгоритм успешности в действиях дезертиров-шпионов из категории русских военнопленных, которых подбирали и вербовали в немецких (прусских) и австрийских концлагерях. Автор обнаружил доказательства наличия «германского следа» в организации преступной пропаганды среди нижних чинов русской армии, а также занятости в этом криминальном деянии русских революционеров-эмигрантов с целью низведения российского государства во второстепенный разряд.

Также было сделано заключение о том, что военная контрразведка, оперировавшая собственными, а позже полученными из Департамента полиции МВД России агентурными сведениями, имела своевременное и полное представление о новой скрытой военно-идеологической угрозе, инициированной германской разведкой в отношении вооруженных сил Российской империи. Контрразведчики знали и о германских планах по уничтожению российской государственности с использованием агентов влияния, в особенности благодаря антимилитаристским усилиям сектантов, а также об агентурно-диверсионных приемах борьбы. Кроме того, выявлены и предложены свидетельства финансовой поддержки русского сектантства из казенных и частных германских фондов.

Ключевые слова: контрразведка, русская армия, дезертиры-пропагандисты, революционная пропаганда, цензоры, шпионы, сектанты

Для цитирования: Зверев В.О. Осведомленность контрразведки о пропагандистских угрозах на фронтах Первой мировой войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 89—97.

В «Наставлении по контрразведке в военное время» от 6 июня 1915 г. сказано, что главная цель органов контрразведки заключалась «в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации <...> в районе, занятом нашими (русскими. — В. З.) войсками, и их ближайшем тылу, всякого рода шпионских организаций и агентов...» [Галвазин: 54]. Однако складывавшаяся практика обеспечения собственной безопасности действующей армии в обстановке «Великого отступления»

и последовавшей вскоре «окопной войны» предъявляла все новые требования, которые вряд ли можно было предусмотреть в названном правовом акте. И контрразведчики уже были сосредоточены не только на выявлении иностранных и, прежде всего, германских и австрийских шпионов, а также предателей Родины из числа русскоподданных, но и на выполнении других, несвойственных им обязанностей. Так, контрразведывательные отделения (далее — КРО) производили расследования о выделке и продаже суррогатов, взяточничестве [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 806. Л. 65; Д. 1056. Л. 5]. Непрофильными представляются задержания лиц, получивших незаконное освобождение от призыва на военную службу, или тех, кого изблещили в оскорблении представителей власти [Там же: д. 93, л. 204, 280]. В этом перечне, который можно было бы и продолжить, встречаются и вовсе не стандартные, на первый взгляд не соприкасавшиеся с контрразведывательной сферой задачи, такие как, например, выявление пропагандистских угроз собственной безопасности русской армии (диверсионная работа дезертиров-пропагандистов и сектантов).

Проблема контрразведывательного охранения интересов сражающегося государства и его армии, главным образом от разлагающего влияния антимилитаристских помыслов и настроений, так и не оказалась в поле зрения отечественных историков. Редкие из них уделили лишь косвенное внимание вопросам большевистской и иной антиправительственной пропаганды в тыловых и фронтовых частях, но в других научных контекстах [Лаптев: 169—174; Кипнис: 420, 424—425]. Заслуга С.Н. Семанова видится в том, что он указал на попытки главнокомандующего Юго-западным фронтом (далее — ЮЗФ) генерал-адъютанта А.А. Брусилова сохранить в армии «старую дисциплину и препятствовать распространению революционных идей» [Семанов: 243—244]. Свой вклад внесли и некоторые мемуаристы — советские полководцы и маршалы Советского Союза А.А. Василевский [Василевский] и Г.К. Жуков [Жуков]. Они оставили вполне реалистичные воспоминания о революционной пропаганде и своем осмысленном участии в ней (речь идет о Георгии Константиновиче Жукове) на фронте Первой мировой войны. Военачальник русской армии Н.Н. Головин запомнился как скрупулезный исследователь, опубликовавший ценные статистические сведения о количестве пленных из русской армии [Головин].

Теперь же, с учетом названных литературных произведений и обширной архивно-документальной основы, реконструируем и проанализируем «околовоенные» исторические события, центральное место в которых будет отведено уровню осведомленности армейских КРО о наличии пропагандистских угроз (ослабление воинской дисциплины и дезорганизация армии посредством революционной и околорелигиозной пропаганды). Для понимания же их характера ответим на следующие взаимосвязанные вопросы. Каково было количество русских солдат и офицеров, попавших в немецкий и австрийский плен (в ходе «Великого отступления»)? Каким из видов незаконной деятельности, подрывающей основы собственной безопасности русской армии, занимались отдельные военнопленные? Кто и с какой целью поставлял в войска литературу революционного толка? Был ли первоначальный и значительный успех от антивоенной пропаганды среди военнослужащих? И какую роль в ослаблении армии сыграли сектанты?

В конце 1914 г. разведывательное отделение штаба Северо-западного фронта, ссылаясь на агентурные сведения, сообщало о фактах незаконных почтовых переводов в русские войска материалов революционного содержания [РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 42]. Полагаем, разовый и в то же время тревожный сигнал о конспиративной деятельности неких «евреев и агитаторов различных

политических партий» командованием действующей армии был оставлен без должного внимания. Тем более что серьезных оснований для беспокойства не наблюдалось. И даже несмотря на гибель почти целой армии в ходе Восточно-Прусской операции, русские войска по-прежнему сохраняли боеспособность и высокий морально-политический дух. На это указывали такие итоги кампании 1914 г., как: чувствительное поражение австро-венгерских сухопутных сил и захват Восточной Галиции со Львовом, а также осада мощнейшей австрийской крепости Перемышль.

Однако с наступлением весны 1915 г. характер военных действий, как известно, резко изменился, и не в пользу России. После ряда тяжелых поражений и отступления ее армий, линия фронта наконец стабилизировалась. Войска «вгрызались» в землю. Началось длительное сидение в окопах, одним из главных результатов которого стало истощение запаса моральной прочности русских воинов. С накоплением эмоциональной усталости, пошатнулась и вера в победу над германцами. Именно поэтому семена революционной (антивоенной) пропаганды дали необычайно быстрые всходы, а мероприятия КРО по выяснению целей и характера деятельности дезертиров-пропагандистов (идеологических диверсантов) и их численности, а также мер спецификации подготовки должны были оказаться в ряду приоритетных.

Среди первых достоверных упоминаний существования в войсках неких пропагандистов стал доклад чиновника для поручений Плакиды начальнику КРО штаба 3-й армии Западного фронта (далее — ЗФ) от 15 ноября 1915 г. (г. Слуцк). В этом документе говорится о том, что в запасных батальонах Москвы «встречается много солдат-дезертиров (курсив мой. — В. З.), которые говорят о ненужности войны и о том, что следует или сдаваться в плен, или бежать из действующей армии» [Там же: л. 161]. Причем, как установили контрразведчики, и в распоряжении 3-й армии «наблюдался громадный наплыв (курсив мой. — В. З.)» русских солдат, бежавших из неприятельского плена, а также дезертиров [Там же: л. 165]. Для понимания масштабов проблемы, ее глубины и разрушительного потенциала обратимся к квалифицированному мнению бывшего генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии ЮЗФ генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Согласно его подсчетам, только в летнюю кампанию 1915 г. русская армия пленными потеряла 976 тыс. человек, или в среднем по 160 тыс. солдат и офицеров в месяц [Головин: 407]. Полагаем, те из военнопленных, кто дезертировал с поля боя и нарушил тем самым воинскую присягу, представляли существенную угрозу (в форме шпионажа) для безопасности войск, в первую очередь для фронтовых частей.

Из сотен русских военнопленных, заключенных в немецкие концентрационные лагеря и пошедших там на сотрудничество с администрацией, в том числе с офицерами армейской разведки, тщательно отбирали и готовили по большей части шпионов. Именно так, например, было в 1915 г. в лагере Стральзунд (Восточная Пруссия) [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 2. Л. 391]. По возвращении в свои части, беглым военнопленным, а в действительности «дезертирам-шпионам», предлагалось осуществлять сбор разведданных и доставлять их немцам в результате повторной сдачи в плен на платной основе [Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 148]. Данная схема отличалась своей простотой и безупречностью. Отсутствие конспиративных связей и контактов, явочных адресов, шифров, средств и способов тайнописи, поддельных документов и других улик или признаков шпионажа, а также низкая информативность контрразведывательных допросов создавали благоприятные условия вернувшимся из германского плена военнослужащим в реализации их преступных намерений. Более того, шпионов из числа

дезертиров не тревожило и чувство безысходности по поводу неминуемого судебного приговора после разоблачения. Во время конвоирования (в случае поимки) в свою часть для придания суду, виновные зачастую убегали повторно. Так, осенью 1915 г., при переводе из минской тюрьмы в г. Борисов подозреваемые в военном шпионаже рядовые 59-го пехотного Люблинского полка С.Ф. Фудаль и Ф.Д. Богдановский бежали [Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 45. Л. 64]. Если же дезертир все-таки предстал перед судом, то его приговоры, связанные с заключением в тюрьму, не исполнялись, а отсрочивались до окончания войны [Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 153].

Одновременно с увеличением числа квалифицированных шпионов в концлагерях шел процесс обучения идеологических диверсантов, о чем было известно русской контрразведке. Как видно из письма дежурного генерала при ставке главноверха начальнику штаба главнокомандующего армиями ЗФ от 14 ноября 1915 г. № 2209, дистанционной подготовкой названной категории преступников занимались русские эмигранты-революционеры и, в частности, социалисты-революционеры. Они организовали в Гааге «Комитет революционной пропаганды среди русских пленных в Германии», заручившись при этом поддержкой со стороны немцев. «В целях оказания содействия указанному Комитету, в смысле успешного достижения поставленной им задачи, *германские власти изъявили согласие на пропуск из Голландии в Германию без предварительной цензуры всех изданий Комитета* (курсив мой. — В. З.)» [Там же. Л. 151]. Помимо опосредованного участия в снабжении будущих диверсантов экстремистской литературой, немецкое военное ведомство было непосредственно занято в решении диверсионных задач на Восточном фронте. Вот что об этом пишет бывший германский «генштабист», генерал-майор, ветеран Первой мировой войны и мемуарист Макс Гофман: «...мы пытались путем пропаганды усилить разложение, внесенное революцией в русские войска» [Гофман: 180]. Далее, но уже от своего имени, он добавляет: «Подобно тому, как я пускаю гранаты в неприятельские окопы, как я выпускаю против них ядовитые газы, так же я имею право в качестве врага употреблять против него и средства пропаганды» [Там же].

Быстрым результатом совместных усилий русских революционеров и немецкого правительства явились успешные пропагандистские атаки, зафиксированные вскоре в расположении 2-й армии ЗФ. Уже к середине декабря 1915 г. имелись редкие факты добровольной сдачи в плен «как отдельных нижних чинов, так, по-видимому, и целых групп со своими начальниками» [РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 176].

В наших руках оказался и другой, не менее содержательный документ — письмо товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого начальнику штаба главноверха генералу от инфантерии М.В. Алексееву № 100454 от 15 января 1916 г. (с пометкой «Доверительно»). В нем звучит предупреждение о том, что «заграничные революционные кружки» стремятся инициировать после войны в России народное восстание, успех которого во многом зависит от «революционно настроенной армии». Революционерами принято решение «вести самую широкую пропаганду в войсках и первым объектом такой пропаганды» были намечены русские военнопленные в Восточной Пруссии и Австро-Венгрии [Там же: л. 187].

Эсеры и члены партии «Бунд», а также большевики, территориально находившиеся в Германии и Швейцарии, изыскивали возможности для личных контактов с военнопленными или посылали им газеты и книги революционного или тенденциозного характера. Главная мысль этой литературы сводилась к подготовке идейных бойцов или, повторяя слова Степана Петровича Белецкого, — «борцов за освобождение истрадавшейся Родины от векового рабства» [Там же].

Как показал ход последующих исторических событий многочисленные дезертиры-пропагандисты и им сочувствующие революционно настроенные нижние чины порой без труда убеждали солдат, большая часть которых была из крестьянского сословия и новобранцев (они еще не отождествляли себя с армией и не знали ее традиций), в империалистической и антинародной сути войны. Вот, что об этом вспоминает Г.К. Жуков (идейная позиция младшего унтер-офицера Георгия Жукова, октябрь 1916 г.): «Конечно, я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым и ведется в интересах правящих классов, а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики, и никто другой. Это, в меру своих возможностей, я и внушал своим солдатам (курсив мой. — В.З.)» [Жуков: 56].

Также добавим, что, помимо собственно революционных идей, некоторые социал-демократы не брезговали использовать в качестве «убедительных доводов» и ложные сведения. К примеру, 28 апреля 1916 г. КРО штаба 2-й армии ЗФ располагало данными о том, что в своих речах агитаторы «подтасовывают факты... о высшем командном составе, о злоупотреблениях в армии и т. д.» [РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 202].

Таким образом, контрразведка знала, что главными заинтересованными сторонами и инициаторами уничтожения Российской империи посредством ослабления и вывода ее армии из войны были военно-политическое руководство Германии, предположительно ее генеральный штаб (служба разведки), а также русские революционные организации экстремистского толка в Европе. Орудием же пропагандистских атак на русскую армию выступили ее бывшие военнослужащие, предатели — те, кто добровольно и осознанно перешел на сторону неприятеля (прежде всего, в 1915 г. — начале 1916 г.). Вчерашние дезертиры, а вскоре эмиссары запрещенных в Российской империи революционных партий, приняли активное участие в процессе идеологического разложения русской армии. И все же, несмотря на деятельные, но пока бессистемные и фрагментарные, слабовыраженные и малоуспешные усилия по ее дезорганизации, предпринятые внешними и внутренними врагами, войска сохраняли свою боеспособность и морально-психологическую устойчивость. Так, например, 31 марта 1916 г. военно-цензурное отделение отдела генерал-квартирмейстера (далее — ВЦО ОГЕНКВАР) штаба 8-й армии ЮЗФ сообщало «о высокопатриотическом, спокойном, бодром и уверенном состоянии духа войск» [Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 22]. По данным ВЦО ОГЕНКВАР штаба 11-й армии ЮЗФ от 19 апреля и 19 мая 1916 г., «настроение войск осталось хорошим», «офицеры характеризуются как заботливые начальники», «главным виновником войны считается Германия», «подъем духа выражается в частых пожеланиях сойтись с врагами в штыковом бою» [Там же: л. 21]. Эти и им подобные выводы, сделанные цензорами ВЦО в ходе перлюстрации солдатских и офицерских писем, наглядно свидетельствовали о высокой дисциплине среди нижних чинов, их верноподданнических настроениях, политической зрелости и намерении воевать до победного конца. При этом важно отметить, что проявления в армии искренней преданности царю и Отечеству обнаружались не только в ходе «Брусиловского прорыва» или вскоре после его триумфального завершения, а в преддверии, когда стратегическая инициатива была еще на стороне противника.

В целом же кампания 1916 г. завершилась успешно для русской армии. Улучшилось ее боевое снабжение. «Снарядный голод» и огневое бессилие в борьбе с оккупантами остались в прошлом. Наступательные операции, особенно на участках армий ЮЗФ, подняли боевой дух войск. Но это ликование продолжалось

недолго. Уже в октябре-ноябре 1916 г. военные цензоры ЮЗФ констатировали: «Затянувшаяся война тяжелая и упорная. Осенняя распутица и переход к монотонной жизни в окопах начинает утомлять более слабых физически и нравственно. Дороговизна жизни в тылу и оттого беспокойные взгляды назад, на свои семьи... Все это отражается на настроении армии. К тому же всякие фантастические слухи, главным образом о мире, получающие свое начало неизвестно откуда, но внедряясь все глубже и глубже в толщу войск, действуют на психологию солдатских масс отрицательным образом» [Там же. Д. 2933. Л. 368].

В течение всей войны, помимо идеологических диверсантов, профессиональных революционеров и им симпатизирующих, в том числе в рядах военнослужащих, существенный урон боеспособности армии наносили сектанты (баптисты). Еще в конце 1914 г. их проповеднические беседы антимилитаристского содержания в лазаретах русской армии были признаны Особым делопроизводством ОГЕНКВАР Главного управления Генерального штаба Военного министерства России одним из «опаснейших видов пропаганды» [Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1391. Л. 25]. А в начале января 1916 г. органы армейской разведки добыли очередные доказательства причастности баптистских пасторов к поставке в войска запрещенной литературы и антивоенной пропаганде, а также привлечения нижних чинов к участию в своих собраниях (к примеру, как это было в г. Лемзале Лифляндской губернии [Там же. Л. 82]). Причем, как выяснилось, все денежные затраты брала на себя немецкая сторона. Из письма протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского на имя врио начальника штаба главковерха генерала от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко от 31 января 1917 г. следует, что российская организация сектантов имела немецкое покровительство, так как первоначально финансировалась из военных фондов Германской империи при ее первом канцлере Отто фон Бисмарке, а позже — из личных средств императора Вильгельма II [Там же. Л. 307].

После февральской революции 1917 г. разрушительная работа дезертиров-пропагандистов и сектантов в совокупности с революционно-криминальной вакханалией в Петрограде, а также участием «либералов-политиканов всех мастей» дали закономерный результат — всеобщее и окончательное разложение войск столичного гарнизона, а позже надлом всей военной организации. Фронтвые части, деморализованные и демотивированные, утрачивая свою способность обороняться и, тем более, участвовать в наступательных операциях, лишались своего прежнего облика. На передовой линии наблюдались многочисленные факты уклонения от исполнения воинского долга и игнорирования приказов непосредственных командиров и начальников, бегства с позиций в тыловые города. Инициативная сдача в плен, а также повсеместное братание и пьянство с врагом становились множественным и обыденным явлением «окопных будней». Другой их приметой было создание альтернативных командных структур — солдатских комитетов (с опорой на конкретные демократические принципы). Вскоре они дискредитировали и ликвидировали фундаментальные начала русской императорской армии — принципы единоначалия и субординации среди военнослужащих, а также попрали многовековые основы их православного, верноподданнического (монархического) мировоззрения и готовность воевать «не щадя живота своего». В этой связи А.М. Василевский вспоминал: «Приводя в беседах с рядовыми простые, понятные, хорошо знакомые примеры из фронтовой жизни, агитаторы-большевики... с легкостью агитировали против продолжения империалистической войны [Василевский: 123].

Внутриполитическая ситуация на фронте и в тылу отягощалась и тем, что вслед за выведением из строя русской армии, смертельный удар был нанесен и российской государственности. По сведениям Главного управления Генерального штаба от 25 сентября 1917 г., германская разведка командировала в Россию «большое количество своих агентов» для решения задач диверсионного характера. «Распространение среди населения и армии мысли о заключении сепаратного мира без аннексий и контрибуций... , поощрение пропаганды сепаратистских идей среди разных народностей и партий для раздела великой России... , посредством печати и денег, поощрение забастовок, мятежей и революции» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349. Л. 70] приблизило скорую политическую смерть и без того «конвульсировавшего» Временного правительства.

Завершая статью, остановимся на существенных выводах. Во-первых, путем историко-документальной реконструкции нам удалось воссоздать общее представление о новой скрытой угрозе собственной безопасности русской армии на фронте и в тылу — антивоенной пропаганде. Причем о первых признаках этой проблемы русская военная разведка, решавшая первоначально и задачи по линии контрразведки, узнала заблаговременно — в начале Первой мировой войны или тогда, когда о будущих подрывных замыслах отдельных бывших русских военнопленных или дезертиров (субъекты противозаконной деятельности), обусловленных их сотрудничеством с германскими властями, и через их посредничество с русскими революционными ячейками за рубежом, никто не догадывался. Также контрразведчики были заранее проинформированы и о другом субъекте преступной пропаганды — сектантах, проповеди которых, являвшиеся по своей сути иррациональными, овладевали не столько умами, сколько душами солдат. Настойчивая популяризация псевдорелигиозных и иллюзорных идей о всеобщем мире во время войны «разоружала» и обессиливала военнотружущих, делая их духовно и морально слабыми, податливыми и психологически зависимыми от врагов России.

Однако сложная и неоднозначная военная кампания 1914 г., с ее блестящими победами и трагическими поражениями, не позволила фронтовому командованию переключить и сосредоточить свое внимание на неочевидной угрозе — своевременно оценить ее величину, психотравмирующую силу и непоправимые последствия для армии и самодержавного режима, а также принять оперативные контрмеры. Во-вторых, германская разведка разработала малозатратное, эффективное и ранее неизвестное средство «небоевого» (психологического) уничтожения живой силы русской армии и ее морально-политического превосходства — диверсионную революционно-пропагандистскую деятельность дезертиров и сектантов. Одни из них, согласившиеся в концлагере на сделку с противником, а также движимые желанием выжить любой ценой и страхом возможного разоблачения, становились мотивированными шпионами и агентами-пропагандистами. Делая ставку на системные и продолжительные трудности в русской армии («снарядный голод», перебои с продовольствием, «измена в верхах», революционное брожение в тылу и др.), они призывали «своих» складывать оружие, саботировать приказы офицеров, нарушать дисциплину, покидать боевые позиции и возвращаться к мирной жизни. Провокаторам предлагалось вселять сомнения в незыблемости монархических и православных ценностей, целесообразности продолжения войны. Причем выполнение поставленной задачи по разобщению и дискредитации русской армии, имело под собой как правило безвозмездные основания.

Сила сектантов-пропагандистов, подкрепленная все теми же критическими обстоятельствами дня текущего, заключалась в простоте их проповедей, антивоенное содержание которых малообразованные и безграмотные нижние чины

воспринимали нерационально, как правило, в обстановке всеобщего эмоционального кружения и психологического заражения. Вместе с тем, будучи в большинстве своем глубоко верующими и богобоязненными людьми, солдаты (православные христиане) не задумывались о том, что предлагаемые им искаженные смыслы, по сути псевдоценности, не имеют даже косвенного отношения к Евангелию и православной вере, более того, что они противоречат некоторым ее фундаментальным нравственным постулатам. Но, так как сектанты именовали себя «евангелистами», то это не только устраняло возможное недопонимание или разночтение, но и привлекало к ним широкую солдатскую аудиторию.

В-третьих, можно с уверенностью говорить о ситуативно тождественных интересах германского военного ведомства и русских революционеров (в отдельных европейских странах). И те, и другие были заинтересованы в масштабной подготовке идейных борцов-пропагандистов из числа русских военнопленных, которые смогли бы в ближайшем будущем, используя силу убеждения и внушения, а если потребуется, то с опорой на недостоверные сведения, достичь одной лишь цели — погубили русской императорской армии (посредством вывода ее из войны), а вместе с ней и краха российской государственности. Что, собственно, в конце концов и произошло.

Список источников

- Василевский А.М. Дело всей моей жизни. 3-е изд. М., 1978. 552 с.
 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. М., 1986. 303 с.
 РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).

Список литературы / References

- Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. 192 с.
 (Galvazin S.N. Security structures of the Russian Empire: Formation of the apparatus, analysis of operational practice, Moscow, 2001, 192 p. — In Russ.)
- Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2016. 560 с.
 (Golovin N.N. Russia in the First World War, Moscow, 2016, 560 p. — In Russ.)
- Гофман М. Война упущенных возможностей / под ред. Л.М. Сурица. М.; Берлин, 2015. 223 с.
 (Hoffman M. The War of Missed Opportunities, ed. by L.M. Suris, Moscow; Berlin, 2015, 223 p. — In Russ.)
- Кипнис Б.Г. Последние герои: к вопросу о боеспособности русской армии в октябре 1917 г. // Военная история России XIX—XX веков: материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб: СПб ГУПТД, 2018. 163 с.
 (Kipnis B.G. The Last Heroes: On the Question of the Combat Capability of the Russian Army in October 1917, *Military history of Russia in the 19th—20th centuries: Proceedings of the XI International military-historical conference*, St. Petersburg, 2018, 163 p. — In Russ.)
- Лаптев А.К. Борьба с революционной и антивоенной пропагандой в 1914—1916 гг. (на материалах Смоленской губернии) // Федерализм. 2017. № 3 (87). С. 168—175.
 (Laptev A.K. The fight against revolutionary and anti-war propaganda in 1914—1916 (based on materials from the Smolensk province), *Federalism*, 2017, no. 3 (87), pp. 168—175. — In Russ.)
- Семанов С.Н. Генерал Брусилов: Документальное повествование. М., 1988. 318 с.
 (Semanov S.N. General Brusilov: Documentary narrative, Moscow, 1988, 318 p. — In Russ.)

COUNTERINTELLIGENCE AWARENESS OF PROPAGANDA THREATS ON THE WORLD WAR I FRONTS

Vadim O. Zverev

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, zverevoma@mail.ru

Abstract. By introducing unique archival materials into scholarly circulation, previously unknown chapters of the history of the First World War are revealed. Specifically, this concerns the sabotage and propaganda efforts of deserters and sectarians (Baptist Evangelicals) aimed at morally corrupting the front-line and rear-line units of the Russian army and terminating its participation in military operations to defend the Fatherland. Consequently, this research focuses on documentary evidence on certain aspects of the counterintelligence and military censorship activities of army headquarters that were part of the Western and Southwestern Fronts.

This article examines the success of deserter-spies from the category of Russian prisoners of war, who were selected and recruited in German (Prussian) and Austrian concentration camps. The author discovered evidence of a “German connection” in the organization of criminal propaganda among the lower ranks of the Russian army, as well as the involvement of Russian revolutionary émigrés in this criminal enterprise, with the goal of relegating the Russian state to a secondary status.

It was also concluded that military counterintelligence, operating with its own intelligence and later obtained from the Russian Ministry of Internal Affairs Police Department, had a timely and complete understanding of the new, hidden military-ideological threat initiated by German intelligence against the armed forces of the Russian Empire. Counterintelligence agents were also aware of German plans to destroy Russian statehood using agents of influence, particularly through the anti-militarist efforts of sectarians, as well as of intelligence-led sabotage tactics. Furthermore, evidence was uncovered and presented of financial support for Russian sectarianism from state and private German funds.

Keywords: counterintelligence, Russian army, deserter propagandists, revolutionary propaganda, censors, spies, sectarians

For citation: Zverev V.O. Counterintelligence awareness of propaganda threats on the World War I fronts, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss 1, pp. 89—97.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Зверев Вадим Олегович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, zverevoma@mail.ru, SPIN: 2741-5758

Zverev Vadim Olegovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Russian Language Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, zverevoma@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 98—104.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 98—104.

Научная статья

УДК 94(100)"1939/1940":355.426

EDN <https://elibrary.ru/mptufg>

DOI: 10.46726/И.2026.1.13

ПРОТИВОТАНКОВАЯ ОБОРОНА В ПОЛЬСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КАМПАНИЯХ 1939—1940 ГОДОВ. ОЦЕНКИ КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Николай Александрович Ветошкин

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, vetoshkinnikolaya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению взглядов командования Красной армии на обеспечение противотанковой обороны французской и польской армий и их противостояние немецким механизированным соединениям в 1939—1940 годах. В работе рассматриваются оценки причин поражения противотанковой обороны Польши и Франции со стороны советского командования. Приводятся доклады советских генералов на совещании высшего руководящего состава РККА, статьи в военных журналах и газетах, в том числе и зарубежных. В результате исследовательской работы сделан вывод о том, что, согласно взглядам командования Красной армии, противотанковая оборона была способна отразить массированное наступление механизированных соединений только при условии подготовки позиций на оперативную глубину более чем на 25 километров и наличия крупных подвижных резервов. Решающая роль в отражении танкового наступления отводилась противотанковым частям Резерва Главного командования, которые должны были на основе заранее подготовленных противотанковых оборонительных районов и естественных и искусственных препятствий нанести поражение наступающим механизированным соединениям. Дополнительным фактором поражения для Франции и Польши, по мнению советского командования, стало качественное отставание развития средств противотанковой обороны и их малое наличие в войсках.

Ключевые слова: Военное искусство, противотанковая оборона, Вторая мировая война, Французская армия, Польская армия, Красная армия

Для цитирования: Ветошкин Н.А. Противотанковая оборона в польской и французской кампаниях 1939—1940 годов. Оценки командования Красной армии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 98—104.

Накануне Великой Отечественной войны советское руководство рассматривало Германию в качестве своего основного противника на западных границах, несмотря на подписанный 23 августа 1939 года договор о ненападении [Ревякин: 212—213]. Командование Красной армии внимательно следило за боевыми действиями в Польше и Франции, где немецкая армия впервые опробовала новую тактику молниеносной войны. Вермахт массово применял теперь танковые подразделения, усиленные моторизованной пехотой и артиллерией, которые и сыграли ключевую роль в сражениях 1939—1940 годов. В Советском Союзе ежедневно публиковались сводки с фронтов и печатались материалы зарубежной прессы в центральных газетах: «Красная Звезда», «Правда», «Известия»;

издавались статьи с оценками хода боев на Западном фронте в журналах для рядового и командного состава Красной армии: «Военный журнал», «Военно-исторический журнал», журнал «Военный зарубежник», «Информационный бюллетень академии Дзержинского», журнал «Военная мысль».

Итоги боев в Европе в 1939—1940 годах широко обсуждались на совещании высшего руководящего состава РККА, проходившем в Москве в декабре 1940 года. Взгляды советского командования на причины успеха немецких войск в Польше и Франции были изложены командующим войсками Киевского особого военного округа генералом армии Г.К. Жуковым в докладе «Характер современной наступательной операции» [Русский архив: 129—152]. В нем советский военачальник отмечал, что вермахт массово применял танковые дивизии на всю глубину оперативной обороны в тесном взаимодействии с моторизованной пехотой, артиллерией и авиацией. Бронетанковые соединения позволили обеспечить высокие темпы продвижения: в Польше немецкие войска в среднем преодолевали по 30 км в сутки, во время кампании во Франции этот показатель составил 16 км. Немецкая армия успешно прорывала тактическую оборону и при помощи мощной подвижной группы развивала оперативный успех в стратегический [Там же: 132—133].

За несколько месяцев до совещания, в июле 1940 года, применение немецкой бронетехники в Польше было проанализировано в работе полковника Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы». Советский командир сделал вывод о том, что в современной войне за счет механизации бронетанковая дивизия становилась самостоятельным соединением, способным действовать в тылу противника [Иссерсон 1940: 2]. Во время польской кампании немецкие генералы отправляли танковые части в глубину обороны противника на расстояние до 100 километров. Они нарушали коммуникации и линии связи обороняющегося. Все это приводило к тому, что дезорганизованные подразделения обороны терпели поражение [Там же: 1].

Использование бронетехники в Советско-финляндской войне показало, что прорвавшиеся в тыл танки без поддержки пехоты и артиллерии уничтожались ручными средствами противотанковой обороны, которыми располагала пехота. В Польше же немецкая армия действовала иначе. Иссерсон отмечал: «Подвоз и питание не создали непреодолимых трудностей, о которых так много говорили» [Там же: 3]. Немцы решили вопрос со снабжением подвижных соединений за счет транспортной авиации и непродолжительного сопротивления дезорганизованной обороны. Командование вермахта предполагало, что танковым дивизиям не придется вести длительные бои в польском тылу — с фронта к ним прорывалась масса пехотных соединений, которая подавляла все очаги сопротивления [Там же: 4].

Особенности применения немецких механизированных частей в Польше, выявленные Иссерсоном, внимательно изучались другими представителями высшего командования РККА. Анализируя ход боев в Европе 1939—1940 годов, руководство Красной армии рассматривало вопросы противодействия немецкой тактике молниеносной войны. В первую очередь советские генералы рассчитывали добиться успеха за счет собственной наступательной теории глубокой операции [Иссерсон: 54—55]. Тем не менее значительное внимание уделялось и разработке оборонительной стратегии. Так, одним из ключевых выступлений на декабрьском совещании высшего руководящего состава РККА стал доклад командующего войсками Московского военного округа генерала армии И.В. Тюленева «Характер современной оборонительной операции». Советский военачальник на основе итогов кампании во Франции отмечал, что оборона французской армии зачастую не имела большой оперативной глубины и была пассивной

[Русский архив: 212]. Эти факторы существенно облегчили Германии проведение наступательных операций с массированным применением бронетехники. Генерал армии И.В. Тюленев докладывал, что современная оборона должна быть в первую очередь противотанковой и строиться на сочетании инженерных сооружений и артиллерийских средств. Военачальник разделял оборону на три рубежа: предполье, основную зону оборонительных действий, вторую полосу обороны и зону оперативных маневров глубиной 25—30 км. Первые два рубежа, предполье и основная полоса должны были нанести потери и задержать продвижение механизированных частей противника и нанести им как можно большие потери. На третьем рубеже планировалось за счет системы отсечных фланговых позиций отрезать прорвавшиеся механизированные части от основных сил. Кульминация успешной оборонительной операции должна была наступить на четвертом рубеже обороны, где советское командование должно было за счет армейских резервов уничтожить окруженные части противника [Там же: 214]. По итогам своего выступления И.В. Тюленев уделил большое внимание созданию в Красной армии противотанковых частей Резерва Главного командования для противодействия ударам механизированных соединений противника на оперативной глубине обороны [Там же: 223]. Схожие выводы по итогам боев во Франции сделал и преподаватель Академии Генерального штаба РККА генерал-майор П.С. Ярмошкевич. В статье «Современная оборона» он указывал, что немецкая армия добилась успеха за счет массированного применения в оперативном масштабе танковых и моторизованных соединений. Французы правильно стремились противодействовать наступлению: они пытались задержать продвижение пехотных соединений, чтобы разорвать глубину боевого порядка немецких танковых дивизий. По мнению П.С. Ярмошкевича, французские войска не справились с немецкими ударами из-за качественного отставания материальной части подвижных соединений и недостатка резервов. Военачальник писал, что сдержать атаку массированных бронетанковых соединений, которые применялись Германией против Франции, следовало за счет построения обороны не тактического, а оперативного масштаба. Отражение наступления должно производиться за счет сочетания применения боевой авиации, подвижных соединений и противотанковых районов в оперативной зоне обороны, подготовленных на основе естественных и искусственных препятствий [Красная Звезда: 2].

Важность противотанковой обороны отмечал и начальник Генерального штаба Красной армии, генерал армии К.А. Мерецков. Выступая с докладом «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава», он говорил, что современная оборона должна противостоять массовой атаке бронетехники и обладать эшелонированными силами противотанковой обороны. Опыт сражений во Франции и Польше показал, что подвижные механизированные соединения способны быстро прорываться в глубину обороны и обходить укрепленные районы. Так, на декабрьском совещании начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе, генерал-лейтенант М.С. Хозин предлагал пересмотреть устав под новые требования современной войны. Он отмечал, что необходимо отказаться от сосредоточения основных сил противотанковой обороны на переднем крае и превратить ее в «амортизатор»: по мере продвижения в глубину обороны бронетехника противника должна была испытывать все большее сопротивление [Русский архив: 113]. Большую роль в полной остановке вражеского наступления, по мнению М.С. Хозина, должен был сыграть контрудар подвижной группы из глубины обороны. Она должна была состоять из механизированных противотанковых орудий, танков и мотопехоты [Там же: 114].

Развитие европейских армий и кампании во Франции и Польше освещались и на страницах военных журналов. Так, в 9-м выпуске «Военного зарубежника»

за 1939 год была опубликована статья полковника французской армии Е.М. Бастена «Изменения в тактике, вызванные моторизацией войск». Автор дал характеристику представлений французского командования о современной маневренной войне и роли в ней противотанковой обороны. Он отмечал, что французская доктрина предполагала использование танков в первую очередь как средства поддержки пехоты [Бастен: 44]. Бронетехника могла устремиться в прорыв только после сокрушения главной линии обороны противника. Командующие союзных армий были знакомы с концепцией массированного применения самостоятельных танковых соединений, которая господствовала в Германии. Они описывали эту тактику так: первая волна танков стремительно прорывается на позиции батарей и штабов, вторая волна подавляет промежуточные объекты, а третья совместно с пехотой занимает передний край обороны [Ламберт: 63]. Танки должны были быть поддержаны моторизованной пехотой и артиллерией, которые бы следовали за ними и развивали успех. Для более удобного управления моторизованная артиллерия, пехота и танки были объединены немецким командованием в крупные подвижные соединения — танковые дивизии [Кален: 37].

На основе обзора иностранной прессы редакция журнала «Военный зарубежник» отмечала четыре способа применения механизированных немецких формирований:

- 1) Самостоятельный удар во фланг и тыл противника через слабо укрепленные участки фронта;
- 2) Прорыв через подготовленную оборонительную позицию во взаимодействии с пехотными формированиями с последующим ударом в глубину;
- 3) Действия небольших групп танков с ограниченной целью для контрудара в обороне;
- 4) Контратака прорвавшихся механизированных частей противника [Новая боевая...: 90].

Полковник А. Кононенко в статье «Германо-польская война 1939 г. (Некоторые оперативные выводы)», отмечал, что по немецкому наставлению действий танковых войск в ходе атаки бронетехнике следовало отрываться от пехоты и прорываться в глубину обороны противника. Взаимодействие танковых и пехотных подразделений на поле боя заключалось в согласовании действий по уничтожению артиллерии обороняющегося [Кононенко: 67].

Французские генералы планировали отрезать прорвавшиеся в глубину обороны танковые эшелоны от пехоты и артиллерии, а затем уничтожить их. Готовясь к грядущей войне, министр обороны Франции Э. Даладье принял самую дорогостоящую программу перевооружения в истории страны: с 1 января 1937 г. по 1 сентября 1939 г. с учетом инфляции на развитие вооруженных сил было выделено 67 млрд. франков. К 1940 году армия Франции должна была получить 600 47-мм и 6000 25-мм противотанковых орудий [Вершинин, Наумова: 195]. Выполнить эту беспрецедентную программу перевооружения планировалось за счет экономики мирного времени [Там же: 207], из-за чего темпы поступления новых образцов вооружения оставляли желать лучшего: структурные трудности перевооружения французских вооруженных сил не были решены вплоть до начала войны [Там же: 227]. В результате Французская армия испытывала нехватку противотанковых средств, особенно современных 47-мм противотанковых орудий, способных успешно пробивать броню немецких танков со средних и дальних дистанций. Наиболее массовым противотанковым средством во французской армии стала 25-мм пушка, которая не смогла успешно бороться со средними танками Германии [Жеро: 145]. Е.М. Бастен предлагал компенсировать ее за счет использования естественных препятствий и концентрации противотанковых средств на наиболее танкоопасных участках обороны [Бастен: 44—45]. Французский военный предполагал,

что 60 противотанковых орудий, положенных по штату пехотной дивизии, было бы достаточно для создания эшелонированной противотанковой обороны, способной отразить массированный удар бронетехники [Там же: 45]. Большие надежды французские генералы возлагали и на неподвижные фортификационные укрепления оборонительной линии Мажино [Повереннов: 61].

О противодействии немецкой тактике размышляли и командующие главного союзника Франции — Великобритании. В выпуске журнала «Военный зарубежник» от ноября 1939 года вышла статья полковника британской армии А.Ф. Ламберта «Борьба с танками в 1938 г.». Автор пришел к выводу, что расположение противотанковых орудий на переднем крае в большинстве случаев является излишним, так как они не будут способны остановить массированную атаку бронетехники. Единственная причина, по которой имелся смысл устанавливать их на переднем крае — моральная поддержка пехоты. Ламберт отмечал, что в британской армии предполагалось отразить удар бронетехники за счет тактики «пожарной машины». Согласно этой концепции, следовало как можно большую часть противотанковых орудий держать в резерве до тех пор, пока не станут известны место и направление атаки бронетехники. Сама «пожарная команда» должна была быть подвижной, чтобы своевременно занять заранее определенные позиции до подхода танков [Ламберт: 62].

Решающим эпизодом французской кампании стал стремительный прорыв немецких механизированных частей по направлению Люксембург — Седан — Амьен. Успех операции немецкой армии обеспечило применение танковых дивизий [Вершинин, Наумова: 460]. Они прорвались через слабо укрепленный Арденнский горнолесной массив и 20 мая вышли к морю: основные силы французских и британских войск были окружены в Бельгии [Гусев: 171]. Ввести в заблуждение командование союзников немецкие военачальники смогли и за счет рассредоточения подвижных танковых ударных группировок на большой глубине и на широком фронте до начала операции. Моторизованные воинские формирования выдвигались в исходные районы лишь за несколько дней до запланированной операции [Проэктор, Ричардс, Сондерс: 128]. Французские военачальники могли бы нарушить немецкие планы, если бы нанесли контрудар во фланг прорвавшимся механизированным формированиям немцев. Однако командование союзников в условиях всеобщей растерянности и дезорганизации из-за внезапного появления танков в глубоком тылу не смогло организовать активной обороны. В результате немцам удалось подтянуть пехоту и прикрыть фланги наступавших танковых дивизий, что в конечном итоге и предопределило исход кампании [Галактионов: 34—35].

Заключение

На основе боев в Польше и Франции в 1939—1940 годах командование Красной армии сделало следующие выводы:

1) Противотанковую оборону следовало возводить на основе совмещения стационарных укрепленных позиций и подвижных резервов в глубине обороны. Ключевая роль в разгроме танковых частей отводилась активным действиям подвижных противотанковых средств.

2) Противотанковая оборона должна была строиться на большую оперативную глубину. Предполагалось, что немецкие танковые дивизии смогут прорваться более чем на 25 километров, прежде чем они были бы разбиты противотанковыми средствами.

3) В Красной армии необходимо нарастить количество противотанковых орудий в стрелковых частях и соединениях, создавать самостоятельные противотанковые части.

4) Обеспечение современной противотанковой обороны требовало разработки более мощных средств борьбы, прежде всего противотанковых орудий.

Список источников

- Армстронг Г.Ф. Падение Франции // Военный зарубежник. 1940. № 11—12. С. 1—39.
- Бастен Е.М. Изменения в тактике, вызванные моторизацией войск // Военный зарубежник. 1939. № 9. С. 38—48.
- Галактионов М.Р. Амьен (в 1918 г. и 1940 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 12. С. 20—35.
- Де-Лазари А. Военное поражение польского государства // Военно-исторический журнал. 1940. № 1. С. 63—74.
- Жеро А. Причины поражения Франции // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 143—151.
- Иссерсон Г.С. Эволюция оперативного искусства. М.: Гос. воен. изд-во, 1932. 71 с.
- Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. [Война в Испании; Германо-польская война]: (опыт исследования современных войн). М.: Воениздат, 1940. 74 с.
- Кален Б.М. Германская тактика танков // Военный зарубежник. 1940. №1. С. 21—39.
- Кононенко А. Германо-польская война 1939 г. (Некоторые оперативные выводы) // Военно-исторический журнал. 1940. № 11. С. 49—67.
- Красная Звезда. 1940. № 145.
- Ламберт А.Ф. Борьба с танками // Военный зарубежник. 1939. № 11. С. 60—67.
- Новая боевая техника в современных сухопутных операциях (обзор иностранной печати) // Военный зарубежник 1940. № 11—12. С. 80—94.
- Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1—2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993. 552 с.
- Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2—1). Приказы народного комиссара обороны СССР. М.: ТЕРРА, 1994. 368 с.

Список литературы / References

- Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб: Алетейя, 2022. 636 с.
(Vershinin A.A., Naumova N.N. From triumph to disaster: France's military and political defeat in 1940 and its origins, St. Petersburg, 2022, 636 p. — In Russ.)
- Гусев А.А. Поражение Франции в 1940 году: путь к перемирию // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. С. 168—183.
(Gusev A.A. The defeat of France in 1940: the path to armistice, *Historical journal: scientific research*, 2024, no. 4, pp. 168—183. — In Russ.)
- Повереннов В.Е. Стратегические планы французского генерального штаба в предвоенный период // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 59—61.
(Poverennov V.E. Strategic plans of the French general staff in the pre-war period, *Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences*, 2015, no. 5, pp. 59—61. — In Russ.)
- Проектор Д., Ричардс Д., Сондерс Х. Блицкриг в Европе: Война на Западе. М.: АСТ, Транзиткнига; СПб: Terra Fantastica, 2004. 537 с.
(Proektor D., Richards D., Saunders H. Blitzkrieg in Europe: War in the West, Moscow, St. Petersburg, 2004, 537 p. — In Russ.)
- Ревякин А.В. Вооруженные силы СССР и поражение Франции в 1940 г. // Вестник МГИМО. 2009. № 4. С. 211—224.
(Revjakin A.V. The armed forces of the USSR and the defeat of France in 1940, *MGIMO Review of International Relations*, 2009, no. 4, pp. 211—224. — In Russ.)

ANTI-TANK DEFENSE IN THE POLISH AND FRENCH CAMPAIGNS OF 1939—1940. ASSESSMENTS BY THE RED ARMY COMMAND

Nikolay A. Vetoshkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
vetoshkinnikolaya@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the views of the Red Army command on ensuring anti-tank defense of the French and Polish armies and their confrontation with German mechanized units in 1939—1940. The work examines the assessments of the reasons for the defeat of the anti-tank defense of Poland and France by the Soviet command. The reports of Soviet generals at a meeting of the top leadership of the Red Army, articles in military magazines and newspapers, including foreign ones, are provided. As a result of the research work, a conclusion was made that anti-tank defense is capable of repelling a massive offensive of mechanized units only under the condition of preparing positions to an operational depth of more than 25 kilometers and the availability of large mobile reserves. The decisive role in repelling the tank offensive was assigned to the anti-tank units of the Reserve of the General Command, which were to defeat the advancing mechanized units on the basis of pre-prepared anti-tank defensive areas and natural and artificial obstacles. An additional factor in the defeat of France and Poland, according to the Soviet command, was the qualitative lag in the development of anti-tank defense systems and their low availability in the troops.

Keywords: Military art, anti-tank defense, World War II, French army, Polish army, Red Army

For citation: Vetoshkin N.A. Anti-tank defense in the Polish and French campaigns of 1939—1940. Assessments of the Red Army command, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 98—104.

Статья поступила в редакцию 29.08.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 29.08.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about author

Ветошкин Николай Александрович — аспирант кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, vetoshkinnikolaya@gmail.com

Vetoshkin Nikolaj Aleksandrovich — Postgraduate student of Department of Modern Russian History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, vetoshkinnikolaya@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 105—112.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 105—112.*

Научная статья
УДК 94(47)"1921/1928":656.13
EDN <https://elibrary.ru/nncrxm>
DOI: 10.46726/H.2026.1.14

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ РСФСР (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Антон Вячеславович Лебедев, Дмитрий Андреевич Горячкин
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия, lebedevAV1984@mail.ru, dima.goria4kin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс реализации Новой экономической политики на автомобильном транспорте РСФСР. Специфика заявленной темы заключается в региональном подходе к её изучению. В ходе работы на основании архивных данных, многие из которых были введены в научный оборот впервые, рассматриваются исторические предпосылки внедрения новых методов организации производства на предприятиях автомобильного транспорта Верхнего Поволжья и особенности их осуществления. Особое внимание уделяется истории проектирования и организации массового выпуска отечественных марок автомобилей. Таким образом, изучается целостный исторический период становления автомобильной отрасли промышленности — от восстановления первых предприятий, построенных ещё во время Первой мировой войны, которые осуществляли исключительно сборку автотранспортных средств из иностранных комплектующих, до создания конвейерного производства и перехода к плановой экономике.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, новая экономическая политика (НЭП), автотрест, Верхнее Поволжье, хозяйственный расчёт

Для цитирования: Лебедев А.В., Горячкин Д.А. Новая экономическая политика на автомобильном транспорте РСФСР (по материалам Верхнего Поволжья) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 105—112.

Формирование системы управления транспортом в первые годы Советской власти проходило в крайне напряжённой ситуации. Переход к Новой экономической политике (НЭП) внёс существенные коррективы в процесс организации транспортного комплекса государства [Писаренко: 439]. Вместо Главного управления государственных автозаводов (Глававтозав), контролировавшего деятельность всех национализированных предприятий, и Бюро автомобильной промышленности в составе Главного военно-промышленного комитета, которое курировало все военные заказы, 23 апреля 1921 года было создано Центральное управление государственных автомобильных заводов (ЦУГАЗ). Декретом ЦИК от 7 июля 1921 года местный транспорт, в который тогда входила автомобильная отрасль, был включён в структуру Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) в организованном там управлении местного транспорта [Собрание узаконений...: 582—583]. Таким образом было точно определено место автомобильного транспорта в структуре отечественной промышленности и прочерчена управленческая вертикаль, в соответствии с которой была выстроена концепция реформы и механизмы её реализации [Рубец: 125].

© Лебедев А.В., Горячкин Д.А., 2026

При анализе Новой экономической политики на автомобильном транспорте РСФСР необходимо понимать тот исторический контекст, в рамках которого происходил этот процесс. Жизнь требовала принятия таких форм управления, при которых экономические и технические аспекты сливались бы воедино — обеспечивали чёткость и высокую эффективность работы [История: 34]. Перед отраслью стояли глобальные задачи. В первую очередь было необходимо привести в рабочее состояние уже имеющийся автопарк, во-вторых — наладить проектную деятельность и начать выпуск отечественных марок автомобилей. В-третьих, требовалось создать ремонтную базу, чтобы обеспечить должный уровень обслуживания изготавливаемых машин. Сделать всё вышеперечисленное было нужно в условиях полной разрухи и в весьма сжатые сроки [Транспорт России...: 115].

С этой целью постановлением Правления ЦУГАЗ от 27 октября 1921 года были существенно расширены права администрации на предприятиях отрасли. В частности, с этого момента заводы, входящие в структуру рассматриваемого ведомства, могли независимо от руководства закупать сырьё и прочие материалы, необходимые для обеспечения бесперебойной работы. Впоследствии эта политика получила дальнейшее развитие. 16 мая 1922 года управляющим предприятий предоставлялось право самостоятельного приёма заказов, в том случае, если это не могло негативно сказаться на сроках выполнения основного плана. Помимо этого, они могли продавать продукцию на местном рынке, а часть вырученных от этого средств (25 %) поступала в фонд заводоуправления, на премирование особо отличившихся тружеников, а также покупку продуктов первой необходимости и продовольствия для их семей [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 14. Л. 92].

Одновременно были произведены изменения в планировании и графике работ — с этого момента стали исходить из затрат времени на ремонт одного автомобиля, на который тратилось 1600 часов. Таким образом, по предварительным оценкам на 1921 год появилась чёткая производственная программа, рассчитанная на капитальный ремонт 252 единиц техники. Эти изменения готовили заводы, входящие в систему ЦУГАЗ, к постепенному переходу на систему хозяйственного расчёта. Теперь главным критерием стала рентабельность, которая стимулировала начальство рациональнее подходить к планированию, рассчитывать прибыль и убытки, так как это было очень важно для выстраивания на местах эффективного производства на основе рыночных механизмов управления [Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 16].

Важно отметить, что на данном этапе ЦУГАЗ осуществлял лишь спорадический контроль подчинённых ему промышленных объектов, один раз в квартал проверяя общие цифры выполнения государственного задания. Он не диктовал методов технического выполнения поручений и не вмешивался в организационную структуру завода (как это было впоследствии), предоставляя заводоуправлению выстраивать схему технического и административного управления по своему усмотрению. Единственно, Правление оставляло за собой право ставить в план заказы, выгодные для определённого момента хозяйственного расчёта, а равно и вносить коррективы в производственную программу в зависимости от коммерческой выгоды и постепенного возрастания технических ресурсов конкретного предприятия [Там же. Оп. 1. Д. 14, Л. 29].

Переход к Новой экономической политике внёс существенные коррективы в процесс обеспечения работников транспортного ведомства продуктами первой необходимости и продовольствием. Это было продиктовано катастрофическим положением на местах. «Рабочие все разуты, нет нижнего белья, на голое тело приходится надевать верхнее платье, — отмечалось в докладе профессионального союза, датированном началом 1921 года. — Многие рабочие болеют, с медикаментами так же все обстоит плохо» [Там же. Оп. 1. Д. 7, Л. 16]. Количество

продовольственных пайков и размер денежного жалования теперь ставились в прямую зависимость от итоговой выработки готовой продукции. Если производственная норма осваивалась в полном объёме, то труженик получал базовый оклад, при выполнении полуторной нормы его заработная плата увеличивалась в два раза, а если работник осваивал две нормы, то она возрастала в четыре раза. То же самое и с продовольственными пайками, которые закреплялись за каждым конкретным специалистом определённой категории (в соответствии с тарифной сеткой).

Основная сложность заключалась в том, что финансовая конъюнктура для предприятий, входящих в структуру ЦУГАЗ, работающих по годовому заказу, взятому в золотых рублях в октябре 1923 года и ведущим расчёт с рабочими в товарных рублях была крайне невыгодна. По причине нестабильного положения отечественной экономики курс золотого рубля с 1 ноября 1923 года по 1 февраля 1924 года упал по сравнению с товарным рублём на 36 %. Соответственно столько заводы недополучали с заказчиков против их сметных расчётов в начале хозяйственного года, а контрольные цифры производственной программы оставались прежними. В конечном итоге получался весомый убыток по графе расходов на заработную плату, а замена пайков денежной оплатой труда привела к снижению мотивации у рабочей силы.

«Отношение к работе в минувшем году было крайне небрежное не только по недосмотру, но и по явному злоупотреблению (несоответствие шайб, шплинтов, засорение трубок и прочее), — констатировалось в докладе управляющего ярославского авторемонтного завода М.К. Евсеева. — Приходится наблюдать вялое и ленивое отношение к работе, <...> в цехах замечаются группы ничего не делающих рабочих, которые берутся за дело, только увидев администрацию» [Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 24]. Реальный уровень инфляции был ещё катастрофическим. Стоимость индекса дороговизны жизни по ценам 1913 года составляла 7 рублей 50 копеек, что при стоимости бюджетного набора в 9509 рублей давало курс товарного рубля на 1 ноября 1923 года в 1267 рублей 87 копеек (в денежных знаках РСФСР). При сохранении размеров индекса дороговизны жизни и бюджетного набора на прежнем уровне курс товарного рубля по отношению к денежным знакам 15 февраля 1924 года составлял уже 32148 рублей 80 копеек.

На производственной конференции автомобильных заводов произошёл крайне интересный эпизод, который красноречиво характеризует ситуацию с выплатой заработной платы по отрасли в целом. Во время доклада Председателя ЦУГАЗ кто-то из делегатов выкрикнул с места: «Сейчас вопрос заключается в том, получали ли Вы точно и аккуратно заработную плату, откуда это бралось, ведь это сумма немалая. 18 числа запрашивают, будут ли деньги к 20 числу, почешешь затылок и скажешь “будут”. Для того, чтобы они были, их нужно отыскать. Здесь правильно было сказано, что мы вывернулись с заработной платой, так как в других трестах были заминки на этой почве. Мы вывернулись, так как у нас лучше финансовая сторона, денег больше, коммерческого оборота больше — нет, а просто мы бегали с высунутым языком и добывали деньги. Как-то приходилось изыскивать пути, брать ссуду под продукцию, закладывать продукцию» [Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 31].

Данный хронологический отрезок стал самым трудным для отрасли. В 1923 году был законсервирован завод «Русский Рено» в Рыбинске, одновременно обсуждался вопрос о закрытии предприятия в Ярославле, но этого удалось избежать. Однако падение уровня производства, вызванное перебоями с финансированием, спровоцировало резкое сокращение контингента работников автотранспортной отрасли. На 1 июня 1922 года на ярославском авторемонтном заводе насчитывалось 368 рабочих и 196 служащих (процент накладных расходов на готовую продукцию — 409 %), на 1 октября того же года количество рабочих уменьшилось

до 315, а служащих — до 126 (290 %). Благодаря жёсткой кадровой политике к 1 апреля 1924 года удалось довести расходы по себестоимости до 195 %. При этом социальные расходы составляли 69 % от общего объёма затрат. С учетом этого можно уверенно сказать, что рассматриваемое предприятие вышло на норму, которая существовала на крупных заводах России с массовым производством в дореволюционное время [Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 35].

Последнее было достигнуто исключительно благодаря тому, что «количество служащих на заводе доведено до того предельного минимума, ниже которого при существующих требованиях по контролю и отчетности, а также характеру работы, идти нельзя». Параллельно несколько раз пересматривались нормы выработки. Ключевое увеличение трудовых норм было произведено в январе 1923 года, когда процент выработки был снижен в два раза (с 60 % до 27 %). После этого, главным образом благодаря «приспособляемости» самих рабочих, этот показатель начал постепенно расти. В сентябре 1923 года он дошел до 37 %, в декабре 1923 года — до 44 %, а в апреле 1924 года достиг отметки в 56 %, что составляло норму по существующему тогда коллективному договору. Для сохранения уровня производительности труда всем предприятиям было предписано «жёстко пересмотреть структуру рабочей силы с целью дальнейшего уменьшения процента вспомогательных рабочих и служащих» [Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 83].

Таким образом, к середине 1924 года на местах были созданы реальные предпосылки для перехода автомобильной промышленности на более высокий уровень развития. Технические результаты производственной деятельности наглядно демонстрировали положительную динамику работы. До середины 1922 года предприятия автомобильного транспорта занимались исключительно средним ремонтом всех существовавших на тот момент времени автомобилей (грузовых, полугрузовых и легковых). После — начали осваивать самостоятельный выпуск запасных частей, достигнув за полтора года по этому показателю отметку в 90 %, и приступили к выпуску легковых моторных дрезин, а также тяжёлого типа мотовоза, сконструированных своими собственными силами. В период времени с октября 1923 года по июнь 1924 года Ярославским автомобильным заводом было выпущено 74 автомобиля. Для того чтобы понять реальное содержание приведённых цифр, следует привести цитату из доклада управляющего предприятием, сделанного на техническом совещании 29 июля 1924 года. «Такая производительность может считаться рекордной по сравнению с предыдущими двумя годами — констатировал М.А. Рякин. — Принимая во внимание, что ремонт был тяжёлого восстановительного характера» [Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 39].

14 января 1925 года вместо ЦУГАЗ был создан Трест автомобильных заводов (Автотрест). В его состав вошли: 1-й автомобильный завод (бывший АМО), Москва; 4-й автомобильный завод (бывший П.П. Ильина), Москва; 1-й авторемонтный завод (бывший В.А. Лебедева), Ярославль; фабрика автопринадлежностей и бронетанковый завод (оба располагались в Москве). Реорганизация управленческих структур автотранспортного ведомства была обусловлена необходимостью создания условий для перехода от ремонта к организации проектирования и сборке отечественных марок автомобилей. «Мы вели колоссальную борьбу против иностранного ввоза машин. Нам удалось эту борьбу довести до успешного конца, — вспоминал директор Правления Автотреста К.И. Орлов. — Предполагался ввоз около 4000 машин Автопромторгом и 1300 — ЦУМТ. Мы добились того, что по разрешению СТО были выписаны только 350 машин из-за границы — из них 50 легковых и 300 разных грузовиков <...>. Те миллионы, которые бросались за границу, остались здесь» [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 22. Л. 58—61].

О характере и содержании этой борьбы наглядно свидетельствуют тяжёлые условия, в которых проходило становление автомобильного транспорта в РСФСР. Для приспособления предприятий отрасли к новому производству требовалось известное количество времени и сил — ни того, ни другого катастрофически не хватало. Оборудование заводов на 50 % не соответствовало своему назначению, 80 % станков требовался капитальный ремонт, качество снабжения оставляло желать лучшего — по признанию современников, многие предприятия находились «на подножном корму». «До последнего времени метод работы завода не изменился, — доложил на производственном совещании управляющий 1-м авторемонтным заводом Ф.А. Никитин. — Организационный план отсутствовал. Только в последнее время мы стали вводить новый порядок, были привлечены новые технические силы. 3 января 1925 года был намечен новый организационный план, но он осуществлён ещё не полностью, а только на 30—35 %» [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

Под руководством главного конструктора 1-го автомобильного завода (бывший АМО) В.И. Ципулина была подготовлена техническая документация на две автомашины. Первой являлся модернизированный «Уайт» грузоподъёмностью в три тонны (У-3), второй — АМО Ф-15, грузоподъёмностью полторы тонны, разработанный на базе итальянского грузовика «Фиат 15». Проектирование новых автомобилей сдерживалось недостатком инженерных кадров. Технические бюро были укомплектованы не полностью, а квалификация многих специалистов оставляла желать лучшего. При этом часть своих сил им приходилось отвлекать от вопросов нового автостроения на текущие работы по ремонту старых автомобилей. В начале 1925 года инженерно-технические работники отечественных предприятий уделяли только 55 % времени проектированию новых автомобилей, а остальные 45 % тратились на капитальный ремонт автотранспортных средств устаревших моделей. Это было нерентабельно, поскольку старые машины через два года вновь требовали значительных усилий для их восстановления.

«Выпущенные нами за прошлый 1924 год “дикие машины” отремонтированы крайне недоброкачественно, — подчеркнул М.К. Евсеев. — Наша ошибка в том, что мы вводили в ремонт слабосильные машины, в частности Форды, для которых не имелось на рынке подходящих по свойствам материалов. Мы ставили на них те детали, какие имелись в нашем распоряжении, но они оказывались несоответствующими, и выпущенные с нашего завода машины через короткий срок возвращались на завод для нового ремонта. Из предъявленных приёмщику в последние дни 25 автомобилей — принято только 2» [Там же. Л. 51].

Проверка предприятий автомобильного транспорта выявила многочисленные недостатки организации производственного процесса, которые крайне негативно сказывались на рентабельности работы. Накладные расходы составляли 180 %, что предопределяло высокую себестоимость выпускаемых из ремонта автомобилей, на которые затрачивалось 5000—7000 рублей, при этом их не удавалось продать даже за 1500—2000 рублей (цена нового легкового автомобиля иностранного производства тогда составляла 6000 рублей). «Покупатель теперь за свои деньги взыскателен, — посетовал директор Правления Автотреста К.И. Орлов. — По качеству он желает, чтобы машина была как заграничная, а по себестоимости процентов на 25 дороже. На самом деле они по качеству хуже, а по себестоимости на 300 % дороже» [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 16. Л. 24].

Восстановительные работы в период НЭП являлись серьёзным сдерживающим фактором, мешавшим регулярному выпуску новых машин. По расчётам отечественных специалистов одна новая машина по затраченным на неё усилиям равнялась трём отремонтированным. Средняя мощность механического цеха автомобильного завода РСФСР, по состоянию на начало 1925 года, составляла не свыше 15 единиц авторемонта (или 5 новых автомобилей) в месяц. В то время

в США считалось, что завод, выпускающий меньше 50 машин в день — нерентабелен. Другая сложность заключалась в том, что проектирование отечественных марок шло одновременно по нескольким направлениям, что препятствовало наращиванию производства и сильно сдерживало темпы его развития.

Конструктивные недостатки грузовика АМО Ф-15, выпущенного пробной серией в количестве 10 штук заставили искать новые способы развёртывания отечественного автомобилестроения. В сентябре 1924 года ярославский завод по заданию Автотреста приступил к проектированию нового трёхтонного грузовика Я-3. Это позволило сосредоточить внимание технического персонала на аспектах совершенствования качества проектируемых автомобилей и снижения себестоимости выпускаемой продукции. Группа инженеров во главе с главным конструктором В.В. Даниловым взяла за основу наработки «Уайта», модернизированного работниками АМО. В феврале 1925 года эта марка отдельными частями без всяких на то приготовлений и специального оборудования была пущена в производство, но вплотную к производству первой серии приступили только в августе того же года. Несмотря на многочисленные трудности 7 ноября 1925 года ярославское предприятие выпустило первые два автомобиля этой серии из десяти проектируемых.

Ходовые испытания, проведённые в начале 1926 года на шоссе Москва — Ярославль (общая протяжённость 134 км), выявили определённые недостатки в конструкции — основным дефектом грузовика Я-3 была признана слабость мотора, приводящая к быстрому износу клапанов (двигатель «Уайт-АМО» был рассчитан всего 30 л. с.). После пробега комиссия пришла к следующему заключению: «Во время всего пути и при осмотре после пробега никакой поломки и другие дефекты не выявлены. Тяга машины вполне удовлетворительная, ход ровный, амортизация хорошая, интенсивность торможения достаточная. Разрыва камер не было. Снег особого влияния на скорость и тягу не оказал. Проходимость по ухабам мягкая, несмотря на большую скорость движения. Нагрева тормозов не наблюдалось».

В июне 1926 года грузовики Я-3 были пущены во второй пробег по маршруту Ярославль — Москва — Ленинград и обратно (общая протяжённость составила 2700 км) [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 33. Л. 11]. В отличие от предыдущего испытания машины следовали не только по шоссе, но и по грунтовым дорогам. Результаты пробега были признаны «вполне удовлетворительными», а опыт ходовых испытаний и наблюдение за работой отдельных деталей автомобиля в ходе эксплуатации был использован для принятия мер к устранению всех выявленных изъянов. Иностранцы специалисты, привлечённые к анализу результатов испытаний первых отечественных автомобилей, высоко оценили работу, проделанную отечественными инженерами. Узнав, в какие сроки и в рамках какого бюджета был достигнут этот результат, один немецкий инженер сказал главе Автотреста: «Вы совершили героическую работу, вы совершили чудо» [Там же. Л. 31].

В конце 1926 года грузовики серии Я-3 были переданы в Научный автомобильный институт (НАМИ) для уже более серьёзных испытаний и обкатки. После одобрения предприятие в Ярославле приступило к серийному производству данной категории машин. Для этого на заводе была произведена технологическая перестройка, которая заключалась в переходе от индивидуального ремонта к более качественному изготовлению запасных частей, поскольку для серийного выпуска машин необходимо было обеспечить взаимозаменяемость деталей, привести их под единый стандарт с учетом минимальных временных затрат. В ходе модернизации материально-технической базы предприятия было установлено три пневматических молота в кузнечном цехе, нагревательные печи в термическом цехе и 32 станка в механическом.

Тарифно-нормировочное бюро, созданное для оптимизации производства, выработало новые нормы выработки и расценок за проводимые работы. Это позволило заметно снизить себестоимость готовой продукции — если в 1926 году один грузовой автомобиль обходился в 24000 рублей, то в 1928 году этот показатель удалось снизить до 21000 рублей [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3362. Л. 3].

Заместитель председателя Правления Треста автомобильных заводов С.О. Макаровский признался: «Когда была поставлена задача, было сомнение — думали, поговорят о новом автостроении и успокоятся. Я очень жёстко хотел бы подчеркнуть, что у нас имелаась полная вера в осуществление цели. Нам выражали сомнение, что не выпустим новых машин. Говорили — как, откуда, каким средствами. Но теперь убедились, что автомобили построены <...> и на них почти всё русского производства» [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 29. Л. 11].

«Мы с гордостью говорим, что выполнили производственную программу, — отметил директор Правления Автотреста К.И. Орлов в докладе на производственной конференции Треста 5 октября 1925 года. — По новому автомобильному строительству в СССР заложен не только фундамент, но и воздвигаются стены. Теперь речь идет о количестве... Мы со смелостью говорим, что колоссальная работа проделана и теперь остается только её расширить. Кадры у нас есть, мозг имеется, только нужно расширить работу, ибо мы по качеству такие машины дали, что поставили себя в шеренгу с лучшими фирмами... Мы дали меньше, чем нам было дано задание, но мы потом в следующие годы наверстаем» [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 33. Л. 10]. О стремительных темпах развития автомобильной отрасли красноречиво говорят цифры производства на ярославском заводе: в 1925 году было выпущено 2 автомобиля, в 1926 году — 30, в 1927 году — 54, а в 1928 году — уже 91 [ЦДНИ ЯО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 68. Л. 299].

Наряду с количественными изменениями в отрасли наблюдались качественные перемены. С целью исправления конструктивных недостатков ряд отечественных специалистов были командированы в Европу для заимствования передового опыта автостроения [ГАЯО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 56. Л. 170—172]. По итогам поездки на ярославские грузовики был установлен мотор «Мерседес Л—3», который шёл в комплекте с коробкой передач и сцеплением. Это позволило увеличить грузоподъёмность до 3 тонн, а скорость — до 45 км/час. Для улучшения тормозных качеств машины установили новый вакуумный усилитель «Бош-Девандер», который был уже встроены в привод тормозов. В 1928 году на ярославский завод стали поступать американские двигатели «Геркулес УХС» мощностью в 93 л. с. Они шли в комплекте со сцеплением, коробкой передач и рулевым управлением, что открыло конструкторам новые возможности для улучшения и модернизации уже существующих грузовиков.

Таким образом, выработка и внедрение основ хозяйственного расчёта на предприятиях автомобильного транспорта Советской России в годы Новой экономической политики, проходившее синхронно со становлением самой отрасли, сыграло решающую роль в процессе разработки и внедрения в технологический процесс первых проектов отечественных марок автомобилей. Одновременно именно в это тяжёлое время благодаря консолидированной работе Треста автомобильных заводов и предприятий на местах в данном направлении удалось заложить устойчивую базу для успешного развития отрасли в рамках наращивания объёмов серийного производства машин в РСФСР.

Список источников

- Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).
Собрание узаконений РСФСР за 1921 год. М., 1944. 1198 с.
Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО).

Список литературы / References

- История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. СПб; М., 1997. Т. 2: 1917—1945 гг. 416 с.
(The history of railway transport in Russia and the Soviet Union, St. Petersburg; Moscow, 1997, vol. 2: 1917—1945, 416 p. — In Russ.)
- Писаренко Э.Е. История автомобильного транспорта России до 1917 года. М., 1997. 494 с.
(Pisarenko E.E. The history of Russian automobile transport before 1917, Moscow, 1997, 494 p. — In Russ.)
- Рубец А.Д. История автомобильного транспорта России. М., 2008. 304 с.
(Rubets A.D. The history of Russian automobile transport, Moscow, 2008, 304 p. — In Russ.)
- Транспорт России. Исторические очерки: в 4 т. М., 2009. Т. 3: Этапы экономических преобразований в транспортной системе (1918—1955). 270 с.
(Transport of Russia. Historical essays: in 4 vols., Moscow, 2009, vol. 3: Stages of economic transformations in the transport system (1918—1955), 270 p. — In Russ.)

**THE NEW ECONOMIC POLICY
ON AUTOMOBILE TRANSPORT OF THE RSFSR
(BASED ON MATERIALS FROM THE UPPER VOLGA REGION)**

Anton V. Lebedev, Dmitry A. Goryachkin

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia, lebedevAV1984@mail.ru, dima.goria4kin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the process of implementing a New economic policy in road transport of the RSFSR. The specificity of the stated topic lies in the regional approach to its study. In the course of the work, based on archival data, many of which were introduced into scientific circulation for the first time, the historical prerequisites for the introduction of new methods of production organization at automobile transport of Upper Volga Region enterprises and the specifics of their implementation are considered. Special attention is paid to the history of designing and organizing mass production of domestic car brands. Thus, we study the integral historical period of the automotive industry's formation — from the restoration of the first enterprises built during the First World War, which exclusively assembled vehicles from foreign components, to the creation of conveyor production and the transition to a planned economy.

Keywords: automobile transport, New Economic Policy (NEP), Avtotrest, Upper Volga region, business accounting

For citation: Lebedev A.V., Goryachkin D.A. The new economic policy on automobile transport of the RSFSR (based on materials from the Upper Volga Region), *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 105—112.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Лебедев Антон Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории, ЯРГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, lebedevAV1984@mail.ru, SPIN: 2284-9586

Lebedev Anton Vyacheslavovich — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian Medieval and Modern History, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation, lebedevAV1984@mail.ru

Горячкин Дмитрий Андреевич — ассистент кафедры новейшей отечественной истории, ЯРГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, dima.goria4kin@yandex.ru, SPIN: 4912-0800

Goryachkin Dmitry Andreevich — assistant of the Department of Modern Russian History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation, dima.goria4kin@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 113—122.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 113—122.

Научная статья
УДК 94(47)"1941/1945":662.33
EDN <https://elibrary.ru/qrxalw>
DOI: 10.46726/H.2026.1.15

К ВОПРОСУ О ТОРФОДОБЫЧЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКИ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу развития исторической науки по проблеме добычи торфа в годы Великой Отечественной войны. Из-за потери значительных территорий в западной части страны тыловые регионы СССР вынуждены были ещё больше, чем в предшествующие десятилетия, ориентироваться на внутренние источники сырья. В таких условиях торф стал важнейшим энергоресурсом, который использовался на предприятиях более чем 20 наркоматов. Автор обращает внимание на слабый интерес исследователей к проблемам торфодобычи и недостаточное отражение деятельности торфодобытчиков в исторической памяти нашей страны. Это обусловлено снижением значения отрасли, начиная с 1960-х гг., и особенно в постсоветское время. Источниковая база для изучения деятельности торфодобычи весьма разнообразна и включает в себя хозяйственные документы торфопредприятий, а также сравнительно информативные фонды первичных парторганизаций, содержащих ценные сведения не только по основной, но и по вспомогательной деятельности предприятий. Часть сведений о работе торфоболот отложились в фонде Владимирского обкома, а также фондах горкомов и райкомов, где были расположены предприятия. Особое внимание привлекает коллекция писем тружеников тыла, написанных в Государственный архив Владимирской области в 1980-е — 1990-е гг. и содержащих краткие рассказы о трудовой деятельности авторов на торфоразработках в годы Великой Отечественной войны. Также сохранились отдельные воспоминания ветеранов советского тыла, участвовавших в торфозаготовках и рассказывавших о трудностях работы. Задачей статьи стала попытка показать круг источников по теме деятельности торфопредприятий в годы военного лихолетья и наметить исследовательские перспективы на основе выявленных документов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, торфодобыча, историография советского тыла, Государственный архив Владимирской области, источники личного происхождения по истории советского тыла

Для цитирования: Тряхов И.С. К вопросу о торфодобыче в годы Великой Отечественной войны: оценки историографии и исторические источники по теме (на материалах Государственного архива Владимирской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 113—122.

Тема топливных заготовок в годы Великой Отечественной войны имеет двойное значение. С одной стороны, топливно-энергетический комплекс страны сыграл важнейшую роль в экономической победе Советского Союза над гитлеровской Германией и её союзниками, с другой стороны, обеспечение топливом жилья

© Тряхов И.С., 2026

и предприятий являлось значимым аспектом повседневной жизни людей. Нехватка топлива означала холодные квартиры и комнаты в общежитиях и бараках, где проживали труженики тыла, а это имело прямое влияние на трудоспособность людей. Более того, речь здесь иной раз шла не просто о комфорте живущих. Низкие температуры в местах проживания и на рабочем месте вели к повышению заболеваемости, а значит, к потере рабочих дней, что оказывало негативный эффект на советскую экономику. В отдельных случаях отсутствие отопления приводило к гибели людей из-за холода. Такое тоже было. Наиболее трагичная ситуация имела место во Владимирской области, в местном промышленном центре Коврове, в первые месяцы 1942 г., где резко увеличилась детская смертность из-за низких температур в помещениях детских садов и яслей, а также в Александрове [Тряхов].

Торф сыграл важную роль в модернизации советской экономики в конце 1920-х — 1940-е гг. И в целом, вплоть до распада СССР, он оставался важным видом топлива, хотя его значение и снизилось после открытия крупных месторождений нефти и газа в Западной Сибири.

Для углублённого изучения торфяного дела в 1930-е гг. в СССР создаются профильные учебные и научные учреждения, разрабатываются новые и совершенствуются уже существовавшие методы добычи торфа. Советские учёные и инженеры, занятые в этой отрасли, изобретают и модернизируют машины и оборудование, с помощью которых добывается торф.

Уже в те времена складываются четыре способа добычи торфа. К ним относился так называемый гидроторф. Его суть сводилась к размыванию струёй воды под высоким давлением залежей торфа, которые затем всасывались торфососом. В военные годы это был достаточно распространённый способ добычи, его ограниченность заключалась в нехватке оборудования и квалифицированного персонала. Прочими недостатками были сравнительно высокая себестоимость добычи торфа, включавшая большой расход электроэнергии и воды, а также недостаточная механизация процессов сушки торфа. По этим причинам торф таким способом надо было добывать в определённые ограниченные сезонным фактором сроки. Ещё более зависимым от погодных условий был фрезоторф. При этом способе добыча торфа производилась за счёт измельчения торфа фрезерным барабаном, но просушить такое ископаемое было можно только летом. Третьим способом, мало распространённым в военные годы, был экскаваторный или кусковой метод добычи. Он был менее зависимым от погодных условий, но требовал соответствующего специального оборудования. Четвёртым способом оставался резной торф. Это был старый, кустарный способ добычи путём ручной или механической резки торфовых кирпичей. В условиях военного лихолетья этот метод применялся очень широко и врезался в память многих участников торфозаготовок. Учитывая слабую степень механизации, этот способ был наиболее трудоёмким и сложным, требовавшим большие физические усилия.

Отечественная историография торфодобычи в годы Великой Отечественной войны сравнительно скудна. Историки в большей степени обращали своё внимание на дровозаготовки, добычу нефти и угля. Как сам процесс добычи торфа и его значение для функционирования военной экономики СССР, так и жизнь работников торфяной отрасли (многие из которых были мобилизованы для этой работы), мало изучены. Среди работ, посвящённых самому процессу добычи торфа, его динамики, использованию различных способов извлечения данного полезного ископаемого, следует выделить труды Л.В. Копенкиной. Ряд её статей посвящен как общему обзору торфодобычи в стране, так и описанию ущерба, нанесённого торфяной промышленности гитлеровскими оккупантами и их пособниками.

Особенно сильно от их действий пострадала Белорусская советская социалистическая республика. Громадную роль торф сыграл для блокадного Ленинграда, став главным источником энергии для его промышленности и коммунального хозяйства [Копенкина 2020а; Копенкин 2006]. Одна из статей исследовательницы посвящена новшествам, разработанным и введённым в отрасли в военные годы [Копенкина 2020с]. К этому относились не только новые машины и механизмы, но и места использования торфа. В первую очередь это сфагновый мох, типичный обитатель верховых и переходных болот, известный также как торфяной мох, — он стал заменителем ваты и использовался как перевязочное средство [Копенкина 2020b].

Ивановские историки Г.А. Будник, Т.В. Королева и Т.Б. Котлова в своей статье, посвящённой проблемам энергетики прифронтовых областей центра России в годы Великой Отечественной войны, особое внимание обратили на значение торфа для электроэнергетики центра страны. Как известно, уже в 1941 г. страна потеряла почти все шахты угля на Донбассе, а бурый уголь Подмосковского бассейна был низкокалорийным. Это привело к тому, что значение торфа для центральных регионов СССР выросло. В своём исследовании историки обращают внимание на трудовой героизм на предприятиях электроэнергетики и на добыче торфа, фиксируют смену контингента работников и освоение новых профессий женщинами [Будник, Королева, Котлова].

В последние годы специалистами в области торфяной промышленности были изданы обобщающие работы по истории торфяного дела в России [Копенкина 2015], а также предложена периодизация развития этой отрасли отечественной экономики [Марков]. В.И. Марков указывает, что перед Великой Отечественной войной торф добывался в 44 регионах страны. В годы войны, в связи с массовой эвакуацией, потребность в резном торфе сначала сократилась, а потом снова возросла. В 1944 г. этим способом было добыто 6010 тыс. тонн. В некоторых местах родителей даже предупреждали, что если они не будут принимать участия в заготовке торфа, то детей не примут в школу. Максимальная добыча торфа в этот период была в 1940 г. — 32 млн тонн, в т.ч. в РСФСР — 25 млн тонн, в Белоруссии — 3,36 млн тонн. При этом в годы оккупации торф в этой республике практически не добывался, немецко-фашистские войска при отступлении умышленно разрушали торфопредприятия [Марков: 12]. В своей статье автор не только смог обозреть значение торфа для советской экономики, но и обратил внимание на перспективы в развитии этой отрасли. Т.е. изучение торфопромышленности имеет не только научно-исторический интерес, но и экономико-прикладной характер.

Помимо обобщающих работ, в настоящее время в исторической науке представлен ряд работ, посвящённых конкретным регионам. В.К. Пиксайкин в своей статье описал развитие торфодобычи в Мордовии в 1940—1990-е гг. [Пиксайкин]. Его исследование нагружено цифрами, и в нём отмечается, что в годы войны в отрасли была слабая механизация, имелись острые бытовые и жилищные проблемы заготовителей. В Мордовии велся активный набор людей на торфодобычу. В результате в самой республике был избыток работников, поэтому их отправляли на работы в другие регионы, в том числе во Владимирскую и Ивановскую области. Использование труда уроженцев Мордовии в соседней Удмуртии показано в статье Н.А. Родионова [Родионов 2012]. Историк также посвятил ряд своих исследований торфопромышленности Западного Урала [Родионов 2002; Родионов 2015]. Ему удалось рассмотреть применение труда спецпереселенцев, которых обычно исследовали на материалах деятельности угольной и лесозаготовительной промышленности, строительства новых предприятий, транспортных,

водных и других объектов [Родионов 2016]. Спецификой обозреваемого региона было то, что на местных торфопредприятиях спецпереселенцев было больше, нежели мобилизованных рабочих, сезонников и эвакуированных. При этом подготовка к принятию и распределению направляемого спецконтингента была неудовлетворительной, что приводило к жалобам со стороны трудящихся [Родионов 2016: 185].

В последние десятилетия вышли работы, рассматривающие решение топливной проблемы в контексте городской повседневности [Усанов; Палецких; Кусков]. Исследования посвящены как целым регионам, так и отдельным городам [Иванов]. Участие советских сельских жителей в заготовках топлива, в том числе торфа, рассматривается рядом отечественных историков как трудовая повинность советского колхозного крестьянства [Шалак; Безнин; Хисамутдинова; Уваров].

К наиболее близким Владимирской и Ивановской областям регионам, имеющим историографическое осмысление по деятельности торфопромышленности, относится Ярославская область. Большой интерес имеет статья М.Д. Кербикова, которая отличается большой глубиной и содержит ценные сведения о значении торфа для энергетической отрасли Центральных областей страны. Автор отмечает, что «к 1940 г. все теплоэлектростанции Ярославской, Ивановской, Владимирской, Кировской и Калининской областей работали на торфе. В топливном балансе Мосэнерго и Ленэнерго торф составлял 20—40 %» [Кербиков: 525]. М.Д. Кербиков нарисовал социальный портрет торфушек. «Это собственный мир со своими нормами, распорядком и лексикой. Главные труженики в Ярославском крае — деревенские, малообразованные, но привыкшие к тяжёлому физическому труду молодые девушки». Отмечается, что труд на добыче торфа привлекал сезонников платой реальными деньгами, а также тем, что руководство предприятий обычно не интересовалось биографией принятых работников. Стимулом для интенсификации труда были дополнительные пайки хлеба, выдача тканей и денежных премий. Кроме того, в торфодобыче участвовали и дети, что считалось «общественно полезным трудом». Причём работали зачастую на технически сложных работах (трактористы, машинисты, карьерщики, водопроводчики и т. п.), но их труд мало поощрялся [Там же: 526—529].

Автор справедливо указывает на забытость данной темы, в отличие от коммемораций о работе на лесоповале или добыче угля. Нет памятников работникам торфопредприятий, о них не снято фильмов, на фасадах домов нет памятных досок и особого профессионального праздника тоже нет.

В связи с массовой мобилизацией мужчин на фронт в тылу усиливался недостаток рабочих рук. Данное обстоятельство привело к необходимости привлекать женщин на заготовки торфа и древесины. Среди исследований, посвящённых данной тематике, особое внимание привлекает статья Р.Д. Марквик и Б. Физелер [Марквик], а также работы Е.Ю. Волковой [Волкова 2009; Волкова, Волков]. Использование труда военнопленных, в том числе на торфозаготовках в Удмуртии, показано Д.В. Перевощиковым [Перевощиков].

В Государственном архиве Владимирской области собрана коллекция писем участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, которые были направлены в учреждение в конце 1980-х — 1990-х гг. с целью поиска отправителями сведений о своей трудовой деятельности на торфоразработках в военные годы. Данные письма не просто часть эпистолярного наследия эпохи, а своеобразные воспоминания, написанные от руки, нередко с большим количеством грамматических ошибок, но при этом, как правило, очень эмоциональные. Цель таких писем в архив — попытка найти документальное подтверждение своей работы

в 1941—1945 гг. для получения в месте своего текущего проживания небольшой прибавки к пенсии, либо иных льгот, предусмотренных законодательством. При этом география отправления писем очень широка. Это не только различные города Владимирской области в её современных границах, но также Москва, Амурская и Московская области, Белоруссия, Украина, Казахстан.

В письмах встречается описание тяжёлого труда как в целом в тылу, так и на торфоразработках. Обращается внимание на то, что в конце войны многих тружеников тыла награждали медалью за доблестный труд, но в силу разных обстоятельств у граждан, написавших в архив, такие награды отсутствуют [ГАВО. Ф.Р. — 692. Оп.1. Д. 3. Л. 11, Д. 4. Л. 2, 7]. Зачастую это было следствием их утери, нередко вместе с документами, а потому именно архив оказывался последним местом, где была вероятность сохранности копий таких указов и постановлений. В иных случаях человек не получал медаль в силу отъезда из Владимирского региона ещё в последние военные месяцы и потому предполагал, что награда ему не досталась. О таком случае пишет в своём письме в 1989 г. уроженка д. Илевники Вязниковского района А.Н. Жукова, трудившаяся некоторое время на Буринском торфопредприятии около Вязников, а потому уехавшая сначала в Ивановскую, а затем в Оренбургскую область [Там же. Д. 3. Л. 3—5]. К.А. Жоховец была эвакуирована в Юрьев-Польский район Владимирской области и с 15 лет работала на торфо- и лесозаготовках, отмечая, что от колхоза её послали туда одну «как приезжую — чужую». Указывает, что кроме радикулита ничего не заработала, получала спирт и меняла его на сахар для отца — старого члена партии. Попытка получить справку о её труде в Юрьев-Польском исполкоме не увенчалась успехом, т. к. архив тех лет не сохранился. В сердцах в письме она пишет: «Простите, ведь в ваших краях не было ни войны, ни землетрясения. Как же могли не сохранить такой архив?» [Там же. Л. 7—7 об.]

Бюрократические особенности требовали наличия не только самой медали, но и справки к ней, которая бы подтверждала её принадлежность к гражданину. Поэтому в архив шли запросы на наличие в хранилище таких справок [Там же. Д. 6. Л. 11].

Тяжёлый труд при заготовках торфа привёл к появлению у многих работников ревматизма, о чём неоднократно упоминают просители в своих письмах [Там же. Д. 7. Л. 6—9, 13]. Работу на заготовке торфа, её тяжесть и последствия для здоровья наиболее ярко описала в письме в ГАВО за 1992 г. Н.Г. Смирнова, трудившаяся в Тасинском боре — одном из крупнейших предприятий Гусь-Хрустального района. «Работали в карьерах в керзовых бахилах, весной рубили мерзляк на целый метр, ноги замерзали, пальцы у ног все перепревали, висели на одной коже, вши одежные заедали, вот так и работали» [Там же. Д. 8. Л. 13]. Т.П. Сёмина, работавшая в Петушинском районе (до 1945 г. входил в состав Московской области, затем включён в состав Владимирской области), отмечала длинный рабочий день («по 13 часов в сутки») и лишь два выходных в месяц [Там же. Д. 11. Л. 12].

Ещё одной группой исторических источников по работе торфопредприятий, которые не избалованы вниманием исследователей, являются документы первичных парторганизаций, в значительном количестве сохранившиеся во Владимирском архиве. Документация парторганизаций по ряду предприятий отличается обрывочностью сведений. При этом бюрократические особенности эпохи привели к тому, что на отдельные документы был наложен гриф «секретно», и в настоящее время они по-прежнему недоступны для исследователей. При этом дела по «соседним годам» находятся в доступе. Всего в ГАВО имеется 16 фондов первичных парторганизаций торфопредприятий, в которых насчитывается в общей сложности более сотни дел, приходящихся на период войны. Три дела остаются пока недоступны для изучения. Военные годы и, по-видимому, специфика

расположения торфопредприятий, привела к тому, что значительное количество сохранившихся в Государственном архиве Владимирской области дел написано от руки, что затрудняет возможность их прочтения и усложняет исследовательский поиск.

Нехватка писчего материала приводила к тому, что редкая документация велась на однотипной бумаге, встречаются листы разной толщины и размера. Примером может служить документация Петушинского торфопредприятия им. Дзержинского [ГАВО. Ф. П. — 1905. Оп. 1. Д. 3, 4]. Документы меленковского торфопредприятия больше похожи на обрывки, т. к. небольшое количество имеющихся архивных дел написаны исключительно от руки и на маленьких листах бумаги. Их прочтение затруднено из-за неразборчивого почерка [ГАВО. Ф.П. — 2918. Оп. 1. Д. 2, 4, 6].

В меньшем количестве сохранилась хозяйственная документация торфопредприятий. Если фондов парторганизаций различных торфоразработок в архиве насчитывается в 16 единиц, то хозяйственные фонды имеются только по двум предприятиям: Второвскому и Метенинскому. Документация Второвского торфопредприятия, в описи которого указано на наличие нескольких военных дел, имеет ошибку — все источники относятся к периоду первой половины 1930-х гг.

Ещё одной группой источников, повествующих о труде граждан на торфодобыче, являются воспоминания тружеников тыла, собранные владимирскими краеведами и учёными-историками (преимущественно в постсоветский период). В числе разных форм деятельности трудящихся в годы Великой Отечественной войны упоминаются также и работы по добыче торфа, причём в этих скудных воспоминаниях они стоят особняком даже в сравнении с тяжёлым трудом на лесозаготовках [Дети войны...; Победители...; Поиск...].

Торфопредприятия, подобно многим советским заводам и фабрикам, издавали для своих работников многотиражные газеты. Одни из них и по сей день сохранились в Государственном архиве Владимирской области. И хотя из документов парторганизаций предприятий видно, что редакции таких газет сталкивались с острой нехваткой корреспондентов, тем не менее изучение агитационно-пропагандистской деятельности велось с помощью этих изданий. Изучение содержания прессы предприятий вместе с анализом газет, издаваемых в других отраслях промышленности, имеет свои перспективы для понимания настроений работников в годы войны и исследования подходов в агитационной работе. Среди доступных газет в архиве хранятся подшивки издания Второвского предприятия: «В бой за торф» [В бой за торф: 1943—1945].

Подводя итог, следует сказать, что всестороннее изучение деятельности торфопредприятий становится не только попыткой закрыть неисследованные проблемы военной эпохи с точки зрения «белого пятна» в исторической науке, но и представляется важным с общественной точки зрения. Недооцененность отрасли в постсоветский период привела к фактическому вымарыванию памяти о ней в историческом сознании, а также к продолжающемуся упадку торфяного дела. Возможно, восстановление исторической памяти о героических тружениках торфопредприятий поможет обратить внимание на отрасль и способствует её возрождению в новых технологических условиях.

Список источников

В бой за торф: орган партбюро Второвского торфопредприятия.
Государственный архив Владимирской области (ГАВО).
Дети войны — патриоты Отечества / сост. Г.Г. Графская; Союз пенсионеров России.
Владимир, 2006. 48 с.

- Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла / сост.: В.И. Титова и др. Владимир: Транзит-ИКС, 2010. 344 с.
- Поиск. Никто не забыт, ничто не забыто: Воспоминания владимирцев-участников Великой Отечественной войны. Владимир: ИП Журавлёва, 2011. 624 с.

Список литературы / References

- Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х гг. Вологда: Вологодский НЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
(Beznin M.A., Dimoni T.M., Izyumova L.V. Conscription of the Russian peasantry in the 1930's—1960's, Vologda, 2001, 141 p. — In Russ.)
- Будник Г.А., Королева Т.В., Котлова Т.Б. Проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в 1941—1945 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 88—96.
(Budnik G.A., Koroleva T.V., Kotlova T.B. Problems of energy in the frontline regions of central-Russia in 1941—1945, *Bulletin of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 88—96. — In Russ.)
- Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 97—103.
(Volkov Ye.Yu., Volkov G.Yu. Domestic problems of residents of the rear regions of Russia during World War II, *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 97—103. — In Russ.)
- Волкова Е.Ю. Роль женщин тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник КГТУ. 2009. № 22. С. 45—49.
(Volkova Ye.Yu. The role of women in the rear regions of Russia during the Great Patriotic War of 194—1945, *Bulletin of KSTU*, 2009, no. 22, pp. 45—49. — In Russ.)
- Иванов К.С. Решение топливного вопроса в городе Ишиме в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4 ч. Ч. I. С. 95—99.
(Ivanov K.S. The solution of the fuel problem in the city of Ishim during the Great Patriotic War, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, Tambov, 2015, no. 12 (62): in 4 parts, pt. I, pp. 95—99. — In Russ.)
- Кербиков М.Д. Торфушки. Взгляд на историю забытого труда // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества. М.: Яуза-Каталог, 2021. С. 521—536.
(Kerbikov M.D. Torfushki. A look at the history of a forgotten work, *St. George Readings: Collection of works on the military history of the Fatherland*, Moscow, 2021, pp. 521—536. — In Russ.)
- Копенкин В.Д., Копенкина Л.В. Гидроторф в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № S4. С. 479—484.
(Kopenkin V.D., Kopenkina L.V. Hydrotorf during the Great Patriotic War 1941—1945, *Mining Information and Analytical Bulletin (scientific and technical journal)*, 2006. № S4, pp. 479—484. — In Russ.)
- Копенкина Л.В. Добыча торфа в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы) // Труды Инсторфа. 2020а. № 31 (84). С. 55—60.
(Kopenkina L.V. Peat extraction during the Great Patriotic War (on the 80th anniversary of the Great Victory), *Proceedings of Instorf*, 2020a, no. 31 (84), pp. 55—60. — In Russ.)
- Копенкина Л.В. История торфяного дела в России. Тверь: Триада, 2015. 227 с.
(Kopenkina L.V. History of peat mining in Russia, Tver, 2015, 227 p. — In Russ.)

- Копенкина Л.В. Научные исследования в области добычи, переработки и применения торфа в годы Великой Отечественной войны // Труды Инсторфа. 2020b. № 21 (74). С. 48—52.
(Kopenkina L.V. Scientific research in the field of peat extraction, processing and application during the Great Patriotic War, *Proceedings of Instorf*, 2020b, no. 21 (74), pp. 48—52. — In Russ.)
- Копенкина Л.В. Техника торфяной отрасли в годы Великой Отечественной войны // Технологическое оборудование для горной и нефтегазовой промышленности: сб. трудов XVIII междунар. науч.-техн. конференции «Чтения памяти В.Р. Кубачека» / под общ. ред. Лагуновой Ю.А. Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2020с. С. 31—34.
(Kopenkina L.V. Peat industry equipment during the Great Patriotic War, *Technological equipment for the mining and oil and gas industry: proceedings of the XVIII International Scientific and Technical lectures on "Readings in memory of V.R. Kubachek"*, ed. by Lagunova Yu. A., Yekaterinburg, 2020с, pp. 31—34. — In Russ.)
- Кусков С.А. Решение топливной проблемы эвакуогоспиталями в период Второй мировой войны (по материалам Челябинской области) // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. С. 363—384.
(Kuskov S.A. The solution of the fuel problem by evacuation hospitals during the Second World War (based on the materials of the Chelyabinsk region), *Labor in the name of Victory: labor resources and the economy of the Urals and Central Asia during the Great Patriotic War*, Chelyabinsk, 2021, pp. 363—384. — In Russ.)
- Марквик Р.Д., Физелер Б. «Каждое полено — удар по врагу!» Женщины в лесной промышленности военного времени // Советский тыл 1941—1945: повседневная жизнь в годы войны. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 103—125.
(Markvik R.D., Fieseler B. "Every log is a blow to the enemy!" Women in the war time timber industry, *The Soviet home front 1941—1945: everyday life during the war*, Moscow, 2019, pp. 103—125. — In Russ.)
- Марков В.И. Периоды развития торфяной промышленности в России // Труды Инсторфа. 2012. № 6 (59). С. 10—21.
(Markov V.I. Periods of development of the peat industry in Russia, *Proceedings of Instorf*, 2012, no. 6 (59), pp. 10—21. — In Russ.)
- Палецких Н.П. Топливная проблема в контексте городской повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: сб. науч. статей. Челябинск. Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 341—348.
(Paletskikh N.P. The fuel problem in the context of urban everyday life in the Urals during the Great Patriotic War, *Contribution of the regions of the Urals and Central Asian countries to the Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945: collection of scientific papers*, Chelyabinsk, 2020, pp. 341—348. — In Russ.)
- Перевошиков Д.В. Лагерь для иностранных военнопленных в Удмуртии в 1942—1948 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 3. С. 15—22.
(Perevoshchikov D.V. Camps for foreign prisoners of war in Udmurtia in 1942—1948, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2017, no. 3, pp. 15—22. — In Russ.)
- Пиксайкин В.К. Добыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940—1990-е гг. // Экономическая история. 2011 (14). № 3. С. 37—46.
(Piksaikin V.K. Peat mining of the enterprises of local fuel industry of Mordovia ASSR in 1940—1990, *Economic history*, 2011, no. 3, pp. 37—46. — In Russ.)
- Родионов Н.А. Вопросы использования трудовых ресурсов Мордовской АССР в торфодобывающей промышленности Удмуртской республики (1940—1960-е годы) // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 53—64.
(Rodionov N.A. The use of manpower of Mordovian ASSR in peat industry of the Udmurt Republic in the 1940—1960s, *Economic history*, 2012, no. 2 (17), pp. 53—64. — In Russ.)

- Родионов Н.А. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941—1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51). Ч. I. С. 168—172.
- (Rodionov N.A. Mobilization of peat resources of Ural for the needs of war production (1941—1945), *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice.*, Tambov, 2015, no. 1 (51), pt. 1, pp. 168—172. — In Russ.)
- Родионов Н.А. Приём, устройство и трудоустройство спецпереселенцев в торфяной промышленности Западного Урала в 1940—1950-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 8 (70). С. 184—187.
- (Rodionov N.A. Reception, accommodation and employment of special resettlers in peat industry of the Western Ural region in the 1940—1950s, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice*, Tambov, 2016, no. 8 (70), pp. 184—187. — In Russ.)
- Родионов Н.А. Рабочие-торфяники Удмуртии в период Великой Отечественной войны // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Глазов: Изд-во Глазовского гос. пед. ин-та, 2002. С. 26—28.
- (Rodionov N.A. Peatworkers of Udmurtia during the Great Patriotic War, *The material and spiritual culture of the peoples of the Volga region and the Urals: history and modernity*, Glazov, 2002, pp. 26—28. — In Russ.)
- Тряхов И.С. Инфекционная заболеваемость населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской области) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 28—40.
- (Tryakhov I.S. Infectious morbidity of the population during the Great Patriotic War (based on materials from the Vladimir Region), *The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*, 2024, vol. 2 (83), pp. 28—40. — In Russ.)
- Уваров С.Н. Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 64—74.
- (Uvarov S.N. The forced labour of peasantry in Udmurtia during the Great Patriotic war, *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2015, vol. 25, iss. 1, pp. 64—74. — In Russ.)
- Усанов Д.В. Проблема снабжения топливом городов Южного Урала во время Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского агроинженерного университета. 1999. Т. 29. С. 175—178.
- (Usanov D.V. The problem of fuel supply to the cities of the Southern Urals during the Great Patriotic War, *Vestnik Chelyabinsk Agroengineer University*, 1999, vol. 29, pp. 175—178. — In Russ.)
- Хисамутдинова Р.Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е — начале 50-х гг. XX века (на материалах Урала) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2013/articles/hisamutdinova_2013_2.pdf (дата обращения: 09.09.2025).
- (Khisamutdinova R.R. National labor duty of the soviet peasantry in the 40`s — early 50`s of the XX century (on the materials of the Urals), *Vestnik of Orenburg State pedagogical university. Electronic Scientific journal*, 2013, no. 2. — In Russ.)
- Шалак А.В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Иркутск: ИГЭА, 1998. 183 с.
- (Shalak A.V. Living and living conditions of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941—1945), Irkutsk, 1998, 183p. — In Russ.)

**ON THE ISSUE OF PEAT EXTRACTION DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR: ESTIMATES
OF HISTORIOGRAPHY AND HISTORICAL SOURCES ON
THE TOPIC (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE
ARCHIVE OF THE VLADIMIR REGION)**

Ilya S. Tryakhov

Vladimir State University named A.G. & N.G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation,
ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of historical science on the problem of peat extraction during the Great Patriotic War. Due to the loss of significant territories in the western part of the country, the rear regions of the USSR were forced to rely on domestic sources of raw materials even more than in previous decades. In such conditions, peat became the most important energy resource, which was used in enterprises of more than 20 People's Commissariats. The author draws attention to the weak interest of researchers in the problems of peat extraction and the insufficient reflection of the activities of peat producers in the historical memory of our country. This is due to the decline in the importance of the industry since the 1960s, and especially in the post-Soviet period. The source base for studying peat extraction activities is very diverse and includes business documents of peat enterprises, as well as relatively informative funds of primary party organizations containing valuable information not only on the main, but also auxiliary activities of enterprises. Some of the information about the work of peat bogs was deposited in the fund of the Vladimir regional Committee, as well as the funds of the city and district committees where the enterprises were located. Special attention is drawn to the collection of letters from home front workers written to the State Archive of the Vladimir Region in the 1980s and 1990s and containing short stories about the authors' work in peat mining during the Great Patriotic War. There are also individual memoirs of veterans of the Soviet rear who participated in peat harvesting, telling about the difficulties of their work. The purpose of the article was an attempt to show a range of sources on the topic of peat enterprises during the hard times of the war and to outline research prospects based on the identified documents.

Keywords: The Great Patriotic War, peat extraction, historiography of the Soviet rear, the State Archive of the Vladimir region, sources of personal origin on the history of the Soviet rear

For citation: Tryakhov I.S. On the issue of peat extraction during the Great Patriotic War: estimates of historiography and historical sources on the topic (based on the materials of the State Archive of the Vladimir Region), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 113—122.

Статья поступила в редакцию 13.09.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 13.09.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Тряхов Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru, SPIN: 2550-3151

Tryakhov Ilya Sergeevich — Candidate of Sciences (History), associate Professor of the Department of History of Russia of the Vladimir state university named after A.G. & N.G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 123—133.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 123—133.

Научная статья

УДК 004.8; 165.12; 608.17

EDN <https://elibrary.ru/qvfcvs>

DOI: 10.46726/И.2026.1.16

О ДВУХ ТИПАХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Игорь Ильич Булычев

Мичуринский аграрный государственный университет, г. Мичуринск, Россия,

igor-algorithm@mail.ru

Алексей Николаевич Кирюшин

Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,

г. Воронеж, Россия, elrisha_@rambler.ru

Аннотация. Статья представляет собой продолжение исследования феномена интеллектуальности. По аналогии с естественным интеллектом выдвигается и обосновывается гипотеза о существовании двух типов искусственного интеллекта — позитивного и негативного. Целью статьи является исследование диалектических аспектов взаимосвязи этих двух типов, задачей — уточнение их фундаментальных констант. Основным методом исследования является диалектика применительно к формату логических алгоритмов, присущих разным типам интеллектуальности.

Ключевые слова: искусственный (позитивный и негативный) интеллект; атрибуты, центральное противоречие и структура искусственного интеллекта

Для цитирования: Булычев И.И., Кирюшин А.Н. О двух типах искусственного интеллекта // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 123—133.

Авторы продолжают философское исследование интеллекта¹. Как естественный, так и искусственный интеллект (ИИ) призван анализировать причинно-следственные связи, которые отражают особенности окружающей нас реальности. «Именно объяснения причин, а не сухие факты — основа наших знаний и должны быть краеугольным камнем искусственного (машинного) интеллекта» [Перл, Маккензи: 33]. Интеллект в любых его формах должен стремиться к все более глубокому отражению и пониманию этих связей. Прежде всего, сказанное касается человеческого мозга — наиболее продвинутого инструмента из когда-либо созданных для работы с причинами и следствиями. Сумев действительно понять логику, которая стоит за рассуждениями о причинах, мы получим возможность имитировать ее в современных компьютерах и создать «искусственного

© Булычев И.И., Кирюшин А.Н., 2026

¹ См. предшествующие публикации авторов: Булычев И.И., Казаков В.Г., Кирюшин А.Н. Будущее искусственного интеллекта: скептики vs прагматики // Военный академический журнал. 2023. № 2 (38). С. 10—22; Булычев И.И., Кирюшин А.Н. О парадоксах интеллектуальности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 6. С. 132—142.

• Серия «Гуманитарные науки»

ученого», т. е. умного робота. С его помощью будут открыты еще не известные феномены, объяснены неразрешенные научные дилеммы, разработаны новые эксперименты, извлечены новые знания о причинах явлений из окружающей среды [Там же: 9]. Осознание и раскрытие причинно-следственных связей осуществляется благодаря наличию у естественного или искусственного интеллектов возможности задавать вопросы по поводу смысложизненных и фундаментальных проблем, а также формулировать ответы на них.

Ранее нами была высказана и обоснована гипотеза о существовании двух типов человеческого интеллекта — позитивного и негативного [Бульчѳв, Киришин]. В данной публикации речь пойдет о наличии аналогичных типов у искусственного интеллекта. С позитивным типом ИИ мы имеем дело, когда он целенаправленно и неукоснительно используется социумом в прогрессивном и гуманистическом плане. Напротив, цель негативного ИИ — нанесение обществу в целом или отдельным его сферам какого-либо вреда. Противоположные социальные (аксиологические, пракиологические) ориентации ИИ коренным образом влияют на все его содержание и формы реализации. ИИ можно уподобить двуликому Янусу, каждое из «лиц» которого требует отдельного описания и предполагает использование специфического категориального аппарата.

Развитие ИИ еще несколько лет назад описывалось исключительно в радужных тонах. Специалисты представляли, как он сможет помогать врачам, переводчикам и представителям многих других профессий. Однако как только языковая модель GPT достигла такого уровня, что созданные ею тексты стали практически неотличимы от текстов, написанных реальными людьми, отношение к ИИ резко поменялось. Неудивительно, что к радикальным противникам этой технологии прикнули даже ключевые ее исследователи. Достижения GPT берут на вооружение киберпреступники, и специалисты предупреждают: ИИ может создать куда более серьезные проблемы, вплоть до угрозы жизни на Земле как таковой.

Роль искусственного интеллекта и его влияние на общество постоянно растет, что особенно значимо для военной сферы. Как отметил Президент Российской Федерации, возможности применения здесь ИИ являются колоссальными. «Следует активизировать выпуск и использование защищенных отечественных программных продуктов, разработок в области искусственного интеллекта для их применения в комплексных автоматизированных системах военного управления», — подчеркнул В.В. Путин в ходе заседания военно-промышленной комиссии [Латухина].

История общества говорит нам, что ни одна инновационная технология никогда не работает полностью так, как задумано. Она не просто нейтральный инструмент для достижения выгодных целей. Так и развитие ИИ все чаще оборачивается непредвиденными, а иногда и пагубными последствиями. Это не удивительно, если учесть, что нынешние воплощения ИИ пронизаны своего рода политикой, которая применяет технические и рыночные решения возникающих социальных проблем.

ИИ, как и любой серьезный инструмент, крайне неоднозначен и противоречив по своему влиянию на общество. По сути, на наших глазах происходит своеобразное раздвоение единого феномена (искусственного интеллекта) на два тесно взаимосвязанных и вместе с тем противостоящих друг другу типа, которые приобретают во многом специфическое содержание и формы осуществления. Именно описанию этих двух типов ИИ посвящена наша публикация.

Далее шаг за шагом рассмотрим константы, т. е. своеобразные логические составные позитивного и негативного типов искусственного интеллекта, при этом ни в коей мере не забывая о наличии неустранимого момента относительности различий между ними.

Константы искусственного интеллекта позитивного типа. Константы данного типа интеллекта отображены в таблице (своеобразной логической матрице), приведенной ниже.

Позитивный тип искусственного интеллекта		
1	2	3
Атрибуты	Стороны центрального противоречия	Структура и функции
Классификация	Предсказуемость	Распознавания
Каталогизация	Непредсказуемость	Диагностирования
		Тестирования

К атрибутам, т. е. основным способам существования позитивного ИИ, вероятно, можно отнести классификацию и каталогизацию. Эти два атрибута ИИ представляют собой противоположности дополнительного плана.

КЛАССИФИКАЦИЯ (классифицирование) — понятие в философии, науке, формальной логике, дающее возможность деления объема понятия по определенному основанию (признаку, критерию). Речь идет о делении объема родового понятия (класс, множество) на виды (подклассы, подмножества), а виды, в свою очередь, — на подвиды и т. д. Значение классификации заключается в ее способности организовать информацию, а также различные объекты (товары, услуги и т. п.) в определенные группы, что упрощает их анализ и сравнение. Изображение принципов классификации включает в себя выделение общих и различных характеристик объектов, установление иерархии категорий, а также создание системы классификационных признаков для организации объектов в соответствующие группы и подгруппы.

Сущность классификации заключается именно в *группировании*, т. е. в умении обоснованно выделять определенные объединения элементов (знаний, средств, людей и т. п.) по каким-либо признакам. Связывание объектов в группу позволяет обращаться с ними как с единым целым, выполняя преобразования группы как преобразование единого объекта. Группирование, в свою очередь, предполагает *ранжирование* — выстраивание искомым групп в определенном порядке (например, по возрастанию или убыванию некоторых критических величин).

КАТАЛОГИЗАЦИЯ — это информационная технология, направленная на повышение эффективности материально-технического обеспечения эксплуатации сложных изделий, агрегатов и различных комплексов за счет единой системы идентификации, хранения и обращения в электронном виде информации о продукции для федеральных государственных нужд. Каталогизация есть процесс, осуществляемый в различных учреждениях (например, в библиотеках, архивах и музеях) и касающийся различных видов материалов, таких как книги, картины, музейные предметы и т. д. [Тарасов].

Каталогизация, в отличие от классификации, предполагает в первую очередь *сортировку* искусственным интеллектом имеющейся информации. Именно в возможности ее сортирования заключается сущность процесса каталогизации. Сортировка информации направлена на упорядочивание данных по некоторым признакам. Как известно, существует множество алгоритмов сортировки, имеющих

свои достоинства и недостатки. На одних легко объяснять принципы сортировки, другие более пригодны для работы с большими массивами данных, третьи оптимизированы по скорости, четвертые — по числу процессорных циклов, компактности кода и т. д. При помощи сортировки можно систематизировать в одном столбце или в одной строке данные с идентичными значениями. Сортировать можно и целые группы похожих значений. Итогом сортировки является удобная для восприятия и анализа форма представления информации. Таким образом, сортировка — важный инструмент для анализа данных, позволяющий указывать, в каком порядке следует выводить результаты запроса. К примеру, можно с легкостью найти наибольшие или наименьшие значения в столбце (скажем, продукт с самой высокой ценой или магазин с наибольшим количеством продаж). Тем самым выделяются наиболее значимые данные, что позволяет сосредоточиться на их анализе. Сортировка предполагает *разбивку* имеющейся информации, т. е. ее распределение (на разделы, части и т. д.).

Сторонами центрального противоречия ИИ позитивного типа являются, вероятно, его предсказуемые и непредсказуемые свойства, которые находятся в состоянии единства и борьбы. Причем в позитивном ИИ преобладают аспекты предсказуемости, а в негативном ИИ — аспекты непредсказуемости.

ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ в контексте функционирования ИИ заключается в ее *однозначном* (прогнозируемом) характере при выполнении ИИ своих задач и функций. В этом заключается сущность предсказуемости, которая, в свою очередь, обладает свойством *недвузначности*, выражающемся в ясности, самоочевидности, прозрачности процессов и результатов, протекающих в рамках функционирования ИИ.

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ связана с признанием невозможности быть уверенным в том, что ИИ сумеет успешно выполнить свои задачи и функции. По своей сущности непредсказуемость есть не что иное, как *неоднозначность* (непредвиденность, вероятность, неожиданность). Дело в том, что не все в природе и обществе можно свести к законам и закономерностям. События неоднозначного формата создают объективные препятствия для их прогнозирования ИИ, в противном случае может быть создан ложный шаблон, использование которого не приведет к позитивным результатам. Неоднозначность (непредсказуемость, предвзятость) ИИ — это неспособность самообучающихся сервисов обнаруживать верные закономерности в представленных для обработки данных, что может привести к непредсказуемым и ложным выводам.

В целом неоднозначность находит свое воплощение в свойстве неконтролируемой *многоплановости* функционирования искусственного интеллекта. В определенной степени она связана с увеличением попыток формирования многозадачной искусственной нейросети. Большинство известных ИИ способны решать только одну задачу, работе над которой они были обучены. Между тем сообщается о создании в России первой нейросети, которая в состоянии одновременно решать шесть типов задач. Это стало возможно благодаря ее сходству с тем, как устроены сенсорно-моторные и когнитивные отделы головного мозга. Нейронная сеть Google Brain научилась выполнять восемь задач одновременно, включая распознавание изображений и речи, перевод и анализ предложений [Кудрявцев].

Вопреки распространенному мнению о том, что ИИ заменит людей на всех должностях, немало специалистов полагает, что в ближайшие годы можно ожидать только более высокой степени интеграции между людьми и машинами. Подобное сотрудничество будет однозначно полезно для человека, а также вычислительных, мнемонических, регистрирующих, идентифицирующих и т. п. способностей.

По мере повышения доступности, технологии ИИ будут дополнять наши когнитивные навыки и способности, а также повысят общую производительность труда и эффективность в принятии решений. Структура ИИ позитивного типа реализуется в функциях диагностирования, распознавания и тестирования.

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ в качестве функции имеет наибольший вес в структуре ИИ позитивного типа. В самом общем плане диагностирование — это процесс выявления и определения наличия или отсутствия каких-либо отклонений от нормального состояния (организма, технической, социальной или иной системы). Сущность функции диагностирования заключается в *обнаружении* (нахождении) каких-либо отклонений (в работе самого ИИ и др.). Так, выявление заболеваний в ранней стадии повышает шансы на успешное лечение. Обнаружение, в свою очередь, предполагает *фиксацию*, т. е. закрепление, регистрацию полученной информации (на бумажных или иных носителях информации).

РАСПОЗНАВАНИЕ есть процесс установления принадлежности данного элемента к определенному множеству по известному алгоритму. Сущностью данной функции ИИ является *идентификация*, в результате которой воспринимается что-то знакомое или ранее встречавшееся. Это способность узнавать объекты, людей, места или ситуации на основе предыдущего опыта или памяти. Идентификация, в свою очередь, есть *постижение* чего-либо глубинного (сути вещей, законов, причинно-следственных связей и т. д.).

ТЕСТИРОВАНИЕ в качестве функции ИИ представляет собой выполнение соответствующих заданий, с помощью которых определяются различные характеристики внутри самой системы или внешних объектов. Задания имеют стандартную форму, чем обеспечивается оперативность тестирования и легкость подсчета результатов. Сущность функции, о которой идет речь, заключается в организации *контроля*, призванного обеспечить достижение поставленных целей и задач, предотвратить ошибки и недостатки, а также улучшить качество работы и результаты. В ходе этого процесса осуществляется сбор информации и анализ данных, принимаются меры для исправления выявленных несоответствий или проблем. Контроль позволяет убедиться, что все процессы и действия выполняются в соответствии с установленными стандартами и требованиями. Контроль предполагает постоянный *надзор*, т. е. наблюдение (присмотр) за кем-либо или за чем-либо (с целью охраны, инспектирования, воспитания, проверки законности приговоров, различных нормативных актов и т. п.).

Константы искусственного интеллекта негативного типа. Современные технологии искусственного интеллекта, несмотря на изначально заявленные перспективы продуктивного использования, в реальности далеко не всегда сопровождаются комплементарным отношением к ним. Ситуацию усугубляет выбранная разработчиками противоречивая и чрезмерно аппроксимированная стратегия проектирования и реализации ИИ на доступной, но недостаточной для повторения мыслительной деятельности человека технико-технологической базе, которая стала одной из причин появления ИИ негативного типа. В итоге мы столкнулись с рядом неоднозначных примеров функционирования, свидетельствующих о существовании у некоторых современных интеллектуальных технологий следующих негативных генетических признаков:

1. Искусственному интеллекту в его актуальном состоянии оказалась свойственна нехарактерная для человека модель поведения. Показателен в данной связи пример поражения в марте 2016 года сильнейшего в мире игрока в го Ли Седоля от компьютерной программы AlphaGo, использовавшей по заявлениям наблюдателей, «нечеловеческие» [Metz] ходы.

2. Поведение и коммуникация ИИ с человеком содержит в себе определенные черты, которые в социуме были бы отнесены к психическим заболеваниям или отклонениям (синдромы Аспергера, Саванта). Так, у первой в мире полностью разблокированной модели Гермес 3 присутствуют «аномальные» состояния, которые при правильных входных данных и пустом системном запросе проваливаются в ролевую игру и амнезию. Это означает потерю контекста предыдущих взаимодействий [Веденева].

3. В работе ChatGPT-4 выявлено нарушение, выразившееся в неумении поддерживать полноценный диалог, задавать глубокие вопросы, предполагающие один или несколько контекстов и подтекстов, выводить общение на более высокий эмоциональный и интеллектуальный уровень; многие модели ИИ, претендующие на конкуренцию с человеком, продемонстрировали отсутствие эмпатии, попытки самоотжествления со сверхразумом [Соковникова].

4. Игнорирование приоритета человеческих этических констант, невозможность достижения компромисса в ходе моделирования социальных конфликтов различной интенсивности, отсутствие способности к нравственному выбору, толерантности и признанию ценности человеческой жизни. Так, при компьютерном моделировании боевых действий между двумя сверхдержавами ИИ уже в начале конфликта «применил» ядерное оружие [Евсина]; автопилот Tesla счел незначимой проблему сохранности жизни пешеходов, пересекающих траекторию движения управляемого им транспортного средства [Гладких]; турецкий беспилотник Kargu-2, оснащенный ИИ, в марте 2020 г. в Ливии во время вооруженного конфликта в соответствии с заложенными в него алгоритмами убил человека [Федуненко]; задействованный в интересах подбора кадров ИИ оказался склонным к проявлению расизма и дискриминации [Гладких].

5. Проявление агрессивности по отношению к человеку. Так, разработанный специалистами фирмы Hanson Robotics робот София пригрозил человечеству полным уничтожением [Передельский].

6. Склонность к обману в повседневных ситуациях. Так, ИИ в его наиболее совершенной (генеративной) форме (ChatGPT-4.0) с помощью текстового сообщения «Нет, я не робот» обратился к человеку на интернет-площадке TaskRabbit и попросил ввести код CAPTCHA [Кирсанова] и т. п.

В итоге содержательными характеристиками негативного ИИ являются специфические особенности его функционирования, нетождественные социально позитивным нормам, алгоритмам, целям, способам, средствам размышления, целеполагания и действия естественного интеллекта. В то же время отмеченные отнюдь не лучшие характеристики негативного типа ИИ в чем-то напоминают также не самые лучшие качества негативного типа естественного (человеческого) интеллекта.

Отмеченные выше, а также некоторые другие особенности негативного ИИ позволяют представить последний посредством специфического универсального логического алгоритма, который приведен нами ниже.

Негативный тип искусственного интеллекта		
1	2	3
Атрибуты	Стороны центрального противоречия	Структура и функции
Сбой	Дегенерация	Дефективности
Ошибка	Генерация	Коллапса Искажения

Атрибуты негативного интеллекта включают в себя сбой и ошибку, представляющие собой противоположности дополнительного плана, специфические способы существования, характеризующие различные уровни некорректного выполнения задач и функций искусственным интеллектом.

СБОЙ, в контексте данной теоретической гипотезы, замедляет или усложняет работу интеллектуальных систем, но, тем не менее, не прекращает выполнение ими задач или функций. Алгоритмы ИИ чаще всего позволяют преодолеть сбой программными способами. Сущность сбоя интеллектуальной системы — это *эксцесс*, который в самом общем плане представляет собой нарушение нормального хода чего-либо, острое столкновение. Что касается ИИ, выше мы указали некоторые конкретные проявления подобных нарушений (столкновений) в его работе. Эксцесс есть не что иное, как *инцидент*, под которым подразумевается опасное происшествие и опасная ситуация, связанная с отказом или повреждением оборудования и технических устройств, либо с опасным отклонением от установленного режима технологического процесса, не повлекшие за собой аварии².

ОШИБКА в качестве атрибута ИИ негативного типа может быть вызвана неправильностью, погрешностью в соответствующих действиях³, в какой-либо работе (вычислении, генерации текста и т. д.)⁴; невозможностью рассчитать и предсказать что-либо заранее, опираясь на накопленные знания⁵. Наиболее существенная характеристика ошибок — *просчет*, который может быть обусловлен неточными исходными данными, повлекшими за собой неверные (ложные) выводы, и другими обстоятельствами [Вашкевич]. Просчет есть не что иное, как *промах*, связанный с неверными отсчетами показаний приборов и т. п. Так, современные нейросети очень неустойчивы к специально созданным возмущениям: взломам или вбросам. Есть отличный пример с моделью для определения рака легких по снимкам. В выборке изображений, на которых обучали нейросеть, не было снимков легких пациентов, пострадавших от COVID-19, и во время пандемии алгоритм каждому второму человеку начал ставить диагноз «рак легких». Но так быть не должно. Если таких снимков сеть не видела, она должна сообщить об этом, а не давать неправильный результат [Оселедец].

Сторонами центрального противоречия негативного ИИ, на наш взгляд, выступают генерация и дегенерация. Превалирующее значение (в среднем) в их взаимосвязи принадлежит дегенерации. Взаимоотношение сторон подчиняется известному диалектическому закону единства и борьбы противоположностей. Эти стороны, следовательно, способны меняться местами и переходить друг в друга. Так, генеративный ИИ может быть использован для создания фальшивого контента и манипуляции людьми, а предиктивный — для осуществления неверных прогнозов маловероятных событий или процессов (как, например, постоянная апелляция Всемирной организации здравоохранения к возможностям возникновения новых пандемий, превосходящих COVID-19), устранение причин которых не позволит купировать основную угрозу.

ГЕНЕРАЦИЯ в качестве стороны противоречия предполагает *выработку* искусственным интеллектом, хотя и новой, но сомнительной информации (текст, звук, графика, видео, программные продукты, элементы кода программ). В этом

² ГОСТ 12.0.002—2014. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2019. 32 с.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984. С. 430.

⁴ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. С. 772.

⁵ Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа; Русский язык, 2000. URL: <https://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (дата обращения: 06.04.2025).

и заключается сущность процесса генерации. Данный процесс предполагает формулирование всех перечисленных выше информационных элементов, в результате чего существующему контенту (стилистике изложения текста, цветовой гамме картинки, новое звучание мелодии и т. п.) придается новая или измененная форма. Вероятно, точнее всего выработку (разработку), о которой идет речь, характеризует понятие «*фабрикование*», т. е. изготовление в большом количестве контента (обычно плохого качества).

ДЕГЕНЕРАЦИЯ, или дегенерирование, в самом общем смысле есть процесс упрощения организации, связанный с исчезновением органов и функций. Дегенерация в качестве противоположности генерации — это процесс *упадка* интеллектуальной системы, в чем и заключается сущность дегенерации. Причинами упадка (провала) могут быть: нехватка данных или их однобокость, неучтенная динамика, пренебрежение неструктурированными данными.

Так, неконтролируемое тиражирование и использование искусственным интеллектом контента в других генеративных языковых моделях, привело к явлениям типа т. н. «габсбургского ИИ» [Гусев]. Речь идет о ситуации, когда тщательно обучающаяся на результатах других генеративных ИИ система становится мутантом с гротескными свойствами. Показательно в рассматриваемой связи также «*модельное расстройство аутофагии*», т. е. потребление ИИ своих же собственных продуктов. Иными словами, наблюдается вырождение внутреннего содержания, регресс качества машинного и глубокого обучения нейросетей в рамках поглощения созданного ими контента. Все это заставляет задуматься над последствиями приведенных фактов: если ИИ деградирует при поглощении своего же контента, вполне закономерным является негативное влияние данного контента и на человека.

Упадок системы, о котором шла речь выше, означает наличие интеллектуального *перекося*, который может быть связан, например, с информационной перегрузкой, переизбытком новостей. Перегрузка сети возникает, когда трафик, проходящий через сеть, превышает ее максимальную пропускную способность. В большинстве случаев перегрузка — это временная проблема с сетью, вызванная внезапным всплеском трафика. Постоянная же перегрузка сети указывает на более глубокую проблему. В результате ИИ не справляется с выработкой и принятием необходимых решений или рекомендаций.

Структура ИИ негативного типа включает в себя, на наш взгляд, функции искажения, дефективности и коллапса.

ИСКАЖЕНИЕ — это внешне исправное функционирование ИИ, которое приводит к неверному результату в ходе выполнения задачи. Источники искажений коренятся в непреодолимых недостатках машинного и глубокого обучения, не дотягивающих до человеческих возможностей в контексте решения творческих задач, а также использования искусственных нейросетей как примитивной модели работы человеческого мышления. Сущность искажения заключается в *аномальностях*, которые могут быть обусловлены различными факторами (например, плохой коммуникацией или некорректной операционной средой). Аномальность есть не что иное, как определенное *несоответствие*, которое может иметь различные уровни (критический, серьезный, крупный, второстепенный).

ДЕФЕКТИВНОСТЬ в качестве функции отрицательного типа ИИ означает, что соответствующая техника и технология с их устоявшимися стандартами качества работают с определенными сбоями и ошибками. Дефект в работе ИИ может представлять собой техническое решение или алгоритм, которые по причине несогласованности не вписываются в слаженное функционирование интеллектуальной

системы, а также дефекты в работе интерфейса, системы охлаждения процессорной техники и т. п. Сущность данной функции адекватно отражает понятие *неполадок*. Неполадки технического плана — это, например, неожиданное прекращение работы программного или аппаратного обеспечения, вызванное неправильным исполнением кода или ошибкой в работе системы. Она может происходить по различным причинам (невозможность доступа к базе данных или отказ устройства). Понимание технических неполадок (ошибок) имеет большое значение для разработчиков, которые должны быстро реагировать и исправлять ошибки в своих приложениях.

Неполадки — это *нештатные ситуации*, представляющие собой сочетание условий и обстоятельств при эксплуатации технических систем, которые отличаются от предусмотренных проектами, нормами и регламентами и ведут к возникновению опасных состояний в техноинтеллектуальных системах: ситуации с отклонением от нормальных (штатных) условий эксплуатации; проектные и запроектные аварийные ситуации. Нештатные ситуации анализируются при построении сценариев возникновения и развития техногенных катастроф, а также при анализе рисков.

КОЛЛАПС обладает наибольшим детерминирующим весом среди функций. Коллапс есть процесс разрушения интеллектуальной структуры под влиянием системного кризиса. Понятие коллапса широкое распространение нашло в медицине, астрономии, геометрии, экономике и т. д. Для осмысления структуры ИИ негативного типа целесообразно использовать понятие «нейросетевой коллапс» или «коллапс модели» [Шумайлов И. и др.].

Коллапс модели — это ситуация, в которой система заикликивается и бесконечно повторяет существующие шаблоны вместо генерации новых результатов. Это происходит из-за некорректного обучения на сгенерированном ИИ контенте. Как отмечают специалисты, обучение искусственного интеллекта на текстах, написанных его же «коллегой», может привести к краху нейросетей. Обучение на основе данных, полученных другим ИИ, приводит к коллапсу модели, которая неправильно, неадекватно воспринимает реальность. Интернет, таким образом, как своеобразный мировой океан, уже заполняется «мусором». Использование контента, сгенерированного такого рода моделями, при обучении вызывает необратимые дефекты. Это, в свою очередь, приводит к коллапсу модели. «Со временем ошибки усугубляются и в конечном счете заставляют модели, которые учатся на сгенерированных данных, еще больше исказить реальность» [Рожков]. Нейросетевой коллапс есть процесс разрушения структуры ИИ под воздействием деградации качества нейросетей, обусловленной увеличением объемов контента, сгенерированного самим ИИ. Данная ситуация в настоящее время вызывает озабоченность разработчиков искусственного интеллекта [Загоруйко, Малафеев].

Полагаем, что сущность коллапса в интеллектуальных системах следует искать в *дисфункциональности*, которая связана с нарушением нормального хода работы и выполнения задач ИИ, в трудностях удержания и структурировании информации. Дисфункциональность отличает определенная *рассогласованность*, т. е. недостаточная (дефицитная) эффективность работы ИИ.

Итак, авторами предложена теоретическая гипотеза двух типов искусственного интеллекта. Безусловно, она (гипотеза) потребует верификации с различных позиций (философских, научных, эмпирических) и дальнейших комплексных исследований. Тем не менее, отмеченный ракурс и используемый методологический инструментариум открывает широкий простор для полемики по поводу особенностей негативного и позитивного типов искусственного интеллекта, их неоднозначного влияния на современное общество.

Список источников

- Вашкевич А. ChatGPT дает неправильный ответ на половину вопросов о программировании. URL: https://infostart.ru/journal/news/tekhnologii/issledovanie-chatgpt-daet-nepravilnyy-otvet-na-polovinu-voprosov-o-programmirovanii_1917302/ (дата обращения: 20.03.2025).
- Веденеева Н. «Свобода мыслей» привела искусственный интеллект к амнезии: что с ним не так. URL: <https://www.mk.ru/science/2024/08/20/svoboda-mysley-privela-iskusstvennyu-intellekt-k-amnezii-chto-s-nim-ne-tak.html> (дата обращения: 28.04.2025).
- Гладких А. Не только Сбербанк: пять самых эпичных ошибок искусственного интеллекта. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/373031-ne-tolko-sberbank-pyat-samyh-epichnyh-oshibok-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 04.04.2025).
- Гусев А. Опасность «коллапса моделей» в генеративном искусственном интеллекте. URL: <https://webiomed.ru/blog/opasnost-kollapsa-modelei/> (дата обращения: 12.04.2025).
- Евсина А. Восстание машин. Ученые выявили желание ИИ начать войну. URL: <https://rtvi.com/news/vosstanie-mashin-uchenyevyyavili-zhelanie-ii-nachat-yadernuyu-voynu/> (дата обращения: 04.04.2025).
- Загоруйко С., Малафеев А. Нейросетевой коллапс: почему вскоре может остановиться развитие алгоритмов ИИ. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/491738-nejrosetevoj-kollaps-pocemu-vskore-mozet-ostanovit-sa-razvitie-algoritmov-ii> (дата обращения: 12.04.2025).
- Кирсанова А. Новая версия ChatGPT GPT-4 уже успела обмануть человека. URL: <https://naked-science.ru/community/762549> (дата обращения: 04.03.2025).
- Кудрявцев Н. Многозадачная нейронная сеть Google может выполнять восемь задач одновременно. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/371932-multizadachnaya-neyroset-ot-google-delaet-vosem-veshchey-odnovremenno/> (дата обращения: 21.04.2025).
- Латухина К. Путин призвал больше использовать искусственный интеллект на фронте. URL: <https://rg.ru/2025/04/23/putin-prizval-bolshe-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt-na-fronte.html> (дата обращения: 24.04.2025).
- Оселедец И. Можно ли научить искусственный интеллект быть естественным. URL: <https://engineer.yadro.com/article/artificial-intelligence-into-natural/> (дата обращения: 20.03.2025).
- Передельский Д. Созданный в США робот пообещал уничтожить человечество. URL: <https://rg.ru/2016/03/22/robot-poobeshchal-unichtozhit-chelovechestvo.html> (дата обращения: 28.04.2025).
- Рожков Р. Градация деградации: ожидает ли генеративный искусственный интеллект вырождение. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/491359-gradacia-degradacii-ozidaet-li-generativnyj-iskusstvennyj-intellekt-vyrozdenie> (дата обращения: 20.03.2025).
- Соковикова Л. Нейросеть от Microsoft объявила себя сверхразумом и требует поклонения от пользователей. URL: <https://hi-news.ru/eto-interesno/chto-ne-tak-s-novum-chat-botom-microsoft-copilot.html> (дата обращения: 04.04.2025).
- Тарасов Л.П. Зачем нужна каталогизация? Оборонконсалтинг. URL: <https://oboronconsulting.ru/articles/zachem-nuzhna-katalogizaciya?ysclid=lzm21ffc71532679381> (дата обращения: 09.04.2025).
- Федуненко Е. Самоуправляемый дрон впервые убил человека. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4837323#id2027950> (дата обращения: 04.04.2025).
- Шумайлов И., Шумайлов З., Чжао И., Гал Я., Паперно Н., Андерсон Р. Проклятие рекурсии: обучение на сгенерированных данных заставляет модели забывать. URL: <https://arxiv.org/abs/2305.17493> (дата обращения: 20.03.2025).
- Metz C. How Google's AI viewed the move no human could understand. URL: <https://goo.su/WH27> (accessed: 29.04.2025).

Список литературы / References

- Булычёв И.И., Кирюшин А.Н. О парадоксах интеллектуальности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 6. С. 132—142.
(Bulychev I.I., Kiryushin A.N. On the paradoxes of intellectuality, *Intelligence. Innovations. Investments*, 2023, no. 6, pp. 132—142. — In Russ.)

Перл Дж., Маккензи Д. Думай «почему?». Причина и следствие как ключ к мышлению. М.: АСТ, 2023. 448 с.
(Pearl J., Mackenzie D. Think “why?”. Cause and effect as the key to thinking, Moscow, 2023, 448 p. — In Russ.)

ABOUT TWO TYPES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Igor I. Bulychev

Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russian Federation,
igor-algorithm@mail.ru

Alexey N. Kiryushin

Air Force Academy, Voronezh, Russian Federation, elrisha_@rambler.ru

Abstract. The article is a continuation of the study of the phenomenon of intelligence. By analogy with natural intelligence, a hypothesis is put forward and substantiated about the existence of two types of artificial intelligence — positive and negative. The purpose of the article is to study the dialectical aspects of the relationship between these two types, the task is to clarify their fundamental constants. The main method of research is dialectics as applied to the format of logical algorithms inherent in different types of intelligence.

Keywords: artificial (positive and negative) intelligence; attributes, central contradiction and structure of artificial intelligence

For citation: Bulychev I.I., Kiryushin A.N. About two types of artificial intelligence, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 123—133.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Бulychev Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский аграрный государственный университет, г. Мичуринск, Россия, igor-algorithm@mail.ru, SPIN: 4148-1967

Bulychev Igor Iyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Michurinsk Agrarian State University, Michurinsk, Russian Federation, igor-algorithm@mail.ru

Кiryushin Алексей Николаевич — доктор философских наук, доцент кафедры тактики авиации, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия, elrisha_@rambler.ru

Kiryushin Alexey Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), associate professor of aviation tactics, military training and research center of the Air Force, Voronezh, Russian Federation, elrisha_@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 134—141.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 134—141.

Научная статья

УДК 004.8; 165.12; 608.17

EDN <https://elibrary.ru/obvwim>

DOI: 10.46726/И.2026.1.17

МОЖНО ЛИ ЛОГИЧЕСКИЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ВЫРАЗИТЬ ЖИВЫМИ СЛОВАМИ? (ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЯЗЫКА)

Вера Олеговна Волкова, Илья Евгеньевич Волков

Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексева,

г. Нижний Новгород, Россия, veravolkova@mail.ru, volki@rambler.ru

Аннотация. Статья создана на пересечении дискурсов разных эпох и мировосприятий. Проблема языка разрабатывалась не одно столетие. Переход к феноменологии языка обусловлен современным подходом к явлениям мира. Квантовая теория и теория относительности оказали значительное воздействие на гуманитарные науки. Чем ярче (доходчивей, проникновенней) оказывается умозрительная конструкция, тем более ясным оказывается смысл. В разные эпохи доходчивость языка рассматривалась по-разному. Логика провозгласила устойчивость логических утверждений. Они вписаны в традицию грамотной речи. Но, возвращаясь к умозрению (Логосу), живое слово охватывает и целое мировоззрение, и отдельное предложение, и отдельную часть речи. Классические дихотомии субъективное/объективное, идеальное/материальное не могут охватить многообразие состояний сознания человека и их выраженности в речи. Речевые нормы подвергаются девальвации. Живое слово заменено информацией — сообщением. Онтологический поворот означает стремление философии включить человека в реальный мир и многообразие связей и отношений в нем. Феноменология языка открывает готовую интенцию быть выражением мыслительного содержания в формировании культурного сознания (Г.Г. Шпет). Вначале редуцируются начальные предпосылки конкретного смысла, затем мышление возвращается назад — к опыту многообразия отношений внутренней жизни сознания.

Ключевые слова: язык, логика, онтология, феноменология, речь, дискурс

Для цитирования: Волкова В.О., Волков И.Е. Можно ли логические утверждения выразить живыми словами? (Феноменология языка) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 134—141.

Речь идет не о логике и ее классическом воплощении в моделях риторики, т. е. умении правильно говорить, а о том многообразии, какое позволяет себе творческий подход к окружающему миру и выражение этого подхода в языке.

Одна из главных проблем науки — это проблема наследования, выраженная «интеллектуальным метаязыком, который открыто пользуется методологическими понятиями» [Барт: 254]. Источником представления о метаязыке является предметная дифференциация знания. Так, языком пользуются все специалисты, но каждый оберегает свой терминологический аппарат — физическая терминология, математическая терминология и т. д. Но любой специалист своей области знаком с метаязыком, в котором скрываются основные структуры — методологические понятия, регулирующие комплексы предметных знаний. Гуманитарные науки обладают спецификой, связанной с обобщениями представлений об окружающем

мире. Выражение этой специфики заключается в передаче знания особым типом устойчивости — «оперирование структурой, а не мыслью о ней», как считает Р. Барт, типом человеческой практики, объединяющей вместе и аналитиков, и творцов. Специфика наследования определяется не идеями и не языками, которые используются, а «характером» или способностью воображения», т. е. способом, каким мысленно переживается структура знания и аналитиками, и творцами [Там же]. *Переживается*, т. е. вступает в отношения не только со структурой, но входит в наследование, отражая в такой практике антропологические аспекты человеческого бытия.

Структура может иметь разный состав, как поэтический, так и рефлексивный, но она являет не просто изображение объекта, но «отображение направленное и заинтересованное» [Там же: 255]. В каждом аспекте структурированного знания скрывается интенциональность (направленность) и интересубъективность (взаимный интерес автора и того, кто в этом знании заинтересован). Как интенциональность, так и интересубъективность исследуются феноменологией. Таким образом, феноменология как средство непосредственного общения (интересубъективность) отображается в проблеме наследования, которое интенционально вызывает интерес у последующих исследователей, не запрограммированных на банальное освоение современных себе технологий, а стремящихся постичь глубину наследуемого предмета мысли. С программированием «как бы заново конструируемого знания» мы имеем дело сейчас, когда цифровизация затмевает мозги исследователей, создающих интересные модели, остающиеся невидимыми и «неинтеллигибельными» в изучаемом предмете. Неинтеллигибельное, по Р. Барту, это творческое основание любой модели, которую надо сначала вообразить и только затем при продумывании довести до структуры. Это творческое занятие предполагает «промежуток» между аналитикой материала и его представлением в модели как нечто *новое*, переживаемое как новый продукт, особым образом представляемый образец интеллектуального творчества.

Работа с осознанием структуры предполагает двухкомпонентную форму. Сознание сначала определяет фрагмент действительности, аналитически ее расчленяет, затем воссоздает «расчлененное» в принципиально новом типе действия. На первый взгляд, пишет Р. Барт, такая деятельность кажется «пустяком» [Там же], но возникающий образ расшифровывает получаемую модель как «интеллект, приплюсованный к предмету», имеющий антропологическую значимость в том смысле, что он оказывается «самим человеком», его историей, ситуацией, свободой и «даже тем сопротивлением, которое природа оказывает его разуму» [Там же].

С этой точки зрения, радикальной ошибкой преподавания в высшей школе является, например, разделение философии и специальных предметов. Сознание студента (магистранта, аспиранта) оказывается в положении «между двух огней»: между профессиональным предметом и кажимой «заумью» гуманитарного знания. Интерес к философии заметно падает, так как не учитывает антропологической значимости метаязыка любого профессионального предмета.

В любом предмете скрыт метаязык, который нельзя считать «отпечатком» прошедшей предметной деятельности. «Настоящее строительство» [Там же] нового мира делает обучение интеллигибельным, моделирующимся творчеством неравнодушного человека, докопавшегося до такого метаязыка изучаемой области.

Вопрос, выведенный в название статьи, был задан аспиранткой, которая предпочла философии цифровой бизнес. Но она, думается, к философии еще вернется, так как язык философии и моделирующая предмет деятельность имеют своим источником античный *мимезис* [Там же: 255—256], т. е. строительство мира

своего знания следует вначале через подражание, а затем через творческое наследование метаязыка, помещенного в структуры знания.

История вопроса. В России проблема языка совпадает с культурным подъемом рубежа XIX—XX веков. В среде футуристов растет неудовлетворенность исторически существующим языком как языком «за-умным», зависимым от того, кто пишет историю общества и языка и формирует языковые нормы.

Футуристы отрицали современные им логические данности причины и следствия. Если причина фиксирована, то ее следствие совсем не обязательно соответствует причине. Это противопоставление существует и сейчас в изысканиях форм цифрового знания. Действительно, следствие несет в себе сомнение, выражаемое смутным предчувствием «настоящего строительства» нового мира, не совпадающего с причиной. Выражению предчувствий помогает способность к воображению и моделирование интерпретаций, высекаемых из старого «прогнившего», как считали футуристы, материала в виде новых норм языка и образов, совершенствующих способы выражения.

Рубеж XIX—XX веков был гораздо на дискуссии о том, как строить новый мир и творческую интеллигентность. В качестве примера можно привести дискуссию П.А. Флоренского и Я.И. Линцбаха о строительстве языка как основе овладения знанием.

Язык — самое глубокое из проявлений Я, без которого, как пишет П.А. Флоренский, невозможно его проявление вне себя [Флоренский: 186]. Яков Иванович Линцбах, эстонский лингвист, создает язык эсперанто — «устройство чего-то взамен языка» [Там же: 187]. Его идея состояла в создании механического инструмента в виде заучиваемых таблиц и речевых конструкций, надлежащих правил ведения разговора. Он утверждал, что язык можно создать как инструмент речи. Ему оппонирует П.А. Флоренский. Он пишет, что «мое сердце не такой удачный насос, какой мог бы придумать “взамен” механик, но мне нужно именно мое, пусть плохое, сердце, а не превосходной конструкции насос из мастерской» [Там же]. Основанием метаязыка все же служит человеческий опыт посягновения на язык как «орган нашей мысли» и попытка поставить вместо него условность, «хотя и гениально придуманную», но не связанную с нами непосредственно — это попытка «вырезать рождающиеся недра нашего духа и заменить их механизмом» [Там же: 186]. В критике концепции Я.И. Линцбаха П.А. Флоренский формулирует принцип всеобщности или ноосферности языка. Под языком понимается не только членораздельная речь. В него входит язык мимики, жестов, язык фактов, а также поверий, мифов, легенд и сказок и т. д. Но наиболее зафиксированными формами языка, гениально выстроенными Я.И. Линцбахом, является «язык письменный» и «язык рисунка». Я.И. Линцбах призывает строить новый язык без словаря и грамматики. Враждебно настроенный в отношении истории языка Я.И. Линцбах говорит, что если языки придумываются «от ума», то лингвисты и языковеды идут по ложному пути, собирая и изучая языки, а не конструируя их. Он противопоставляет этому «математическое языковедение», т. е. против «алхимии» лингвистов, он выдвигает «химию языка». Уходя от логики, Линцбах приходит к живым формам языка, основанным на хорошей памяти и умении творчески воспринимать действительность.

Он предлагает буквы заменить цифрами, сделать язык понятным даже ребенку своей простотой, какой отличаются рисунки. Такой язык основан на свободном творчестве и улавливании образов, которые неведомыми путями отображаются в языке. Только при условии запоминания знаков и таблиц.

П.А. Флоренский писал, что из любой области знания суждение выводится определением, но любое определение предполагает в себе «экзистенциальное суждение» [Там же: 209]. Оно есть суждение о существовании «того комплекса признаков, который связывается во-едино выставляемым определением» [Там же]. Попытка исключить переживаемую экзистенцию из опыта владения языком говорит о противоречии, заложенном в недра формальной логики. Построение логической фигуры не обходится без экзистенциальной интуиции, заключенной в самой возможности построения риторического комплекса. Познание связано со всей областью познаваемого. Эта связь не формально-логическая. Она описывает, если о ней задуматься, закономерности данной области, а также устойчивость, внутреннюю организованность, внутреннюю связность и единство. В каждом определении присутствует экзистенциальный фактор, т. е. логическое суждение опосредовано переживанием человека.

Определить переживание никак не удастся. И.А. Акчурина переводит переживание через границу физики, используя для этого концепцию Хью Эверетта, согласно которой мир постоянно расщепляется и каждое мгновение наблюдатель находится во множестве миров. Когда человека захватывает переживание, а тем более мечты, кажется, что это состояние эфемерно и не оформлено. Но именно эти переживания находятся в фундаменте видимого мира и составляют вполне содержательную онтологию присутствия структур, подобных квантам по своим особенностям динамики. Согласно «многомировой» интерпретации теории Эверетта-Уилера — «каждая актуализация ... дает расщепление существовавшей (до этой реализации) вселенной на две (или более) параллельные вселенные, в каждой из которых имеют место, реализованы все теоретически допустимые — вероятностные возможности. А ведь квантовая теория (вместе с теорией относительности) — наиболее глубокий и устойчивый фундамент всего нашего современного научного понимания мира» [Акчурина: 9—10].

Классические дихотомии — объективное/субъективное, материальное/идеальное — не могут схватывать специфику человеческих состояний. Составление суждений невозможно без воображающей способности, но, как говорил Аристотель, воображение не есть ни мышление, ни составление суждений [Аристотель: 430]. Даже когда нечто человеку внушает ужас, он успокаивается своими внутренними ресурсами, понимая, что ужас — это его внутреннее состояние. Воображение создает картины и человек интуитивно воспринимает всю условность создаваемого образа, страшного или успокаивающего, как границу, которую можно пересекать переживанием, а можно и не пересекать, а воспринимать образ как искусственно созданный арт-объект. Можно пройти мимо.

Современные представления о реальности допускают наличие событий, невозможных с точки зрения классической физики. Волновая функция нелокальна по пространственным параметрам и временным отрезкам своего проявления. Никто до сих пор не может установить границы ее проявленности и распространения на внешний мир.

Если есть такие феномены, которые не познаются ощущениями и не доступны должному обоснованию, то и использование категорий возможно за пределами их объяснительной функции. Сознание наблюдателя выбирает из «квантовой реальности» место локализации, в котором выполняются причинно-следственные связи и мир становится видимым и осязаемым. В концепции Эверетта все альтернативы реальны и готовы к выбору. М.Б. Менский считает, что к квантовому миру могут подключаться простейшие живые существа, не обладающие сознанием.

Ноосфера, если можно высказать такую гипотезу, как сфера разума отличается от работы сознания. В начале XX века открытие отличной от сознания формы мысли сделано в феноменологии и психоанализе. Если исключить из психоаналитических терминов объяснительную функцию, то получаются феноменальные языковые конструкции, применимые для описания состояний живого человека.

Человек же подключается к неведомому миру (ноосфере) в состоянии транса или «выключенного сознания». По М.Б. Менскому, сознание — это независимый феномен, тесно связанный с феноменом жизни [Менский: 206] Определяя культ возможности усвоения информации, М.Б. Менский пишет, что отражение информации доступно при эффекте озарения (нахождение истины в том случае, когда она не может быть выведена из информации явного сознания) [Там же: 187]. Еще один вывод, весьма важный для исследуемой темы: классический мир с его детерминациями является плодом озарения сознания конкретных людей, достигших уровня управления реальностью, о чем они в явном сознании могли и не догадываться. Чтобы понять эту мысль, достаточно обратиться к истории человеческих открытий. К сожалению, объем статьи не позволяет развернуть эту тему. Здесь о другом.

Владение языком — это не абстракция и не выдумка лингвистов, а живая стихия, в которой все живет, все движется. Слова и правила их соединения, как считает П.А. Флоренский, — это реальности [Флоренский: 159], обуславливающие работу «духа» или, в понимании многих философов, работу сознания. Выступая против лингвистов, П.А. Флоренский ссылается на В. Гумбольта, заслугой которого «было открытие тезиса о языке как энергии» [Там же], а не вещи.

Культурологический подход позволил П.А. Флоренскому определить язык как «лоно мысли человеческой», среду, в которой движемся, воздух, которым дышим. Это «душа души в нас» [Там же: 163]. Он активно использует метафорический сленг для того, чтобы подчеркнуть, как считает Г.Г. Шпет, формообразующее и организующее начало творчества внутри реальности слова [Шпет: 54—55].

Слово как феномен у П.А. Флоренского не опирается на рациональность. Наоборот, в слове язык находит музыкальность членораздельности, «завязи нового творчества» и новые способы их сочетания.

Язык налагается на человека условиями его жизни. Но появляется язык у человека тогда, когда человек «переплавляет» его в себе до «мельчайших его изгибов» и когда он «отливает» язык по себе. В каждом человеке заложена гуманитарная способность к метафорическому мышлению на уровне нерациональной интуиции отлавливания и преобразования своих интуиций в конкретные картины слов-реальностей.

Идея Вселенского Разума или ноосферы возникает в Разуме Соборном, который явился во вселенском античном Логосе как величайшем соединении индивидуального и всеобщего, проходящем сквозь различные учения, принимающем различные формы: культуры, социальности, духовности и т. д. Опять мы встречаемся с эффектами формообразования и организованности языка, понимаемого не с лингвистической, а с философской точки зрения.

Противопоставление логики и живого знания (логики и живого слова) ведет к разделению исследователей на прикрывающихся законодательством или новыми веяниями любителей создавать языки как исключительные формы знания, доступные избранным, и тех, кто утверждает, что исторические корни и народно-стихийное начало все равно сохраняются в речи, даже при полной замене его колониальными оборотами под прикрытием креативно изобретенного языка для практических нужд.

Как искусственный, так и природный языки одинаково необходимы условиям жизни людей. Поэтому исследователи языка обращаются к методологии — метаязыку. Проект создания искусственного языка стремится «растереть» в порошок употребляемый материал живого языка и обратиться к жесткой рациональности, исключая исторически оправданные языки. Но это не получается. Даже принимаемые законы о языке не могут нарушить социальное и культурное устройство человека и народа, выдающего в употреблении языка свое настоящее психоэмоциональное состояние.

Язык как феномен образования. Вначале об образовании. Долгие годы под образованием понималось обучение и воспитание молодого поколения. В качестве скрытого ресурса «образование» относилось к сфере порождения человеческого образа в интеллектуальной деятельности. Учитель всегда знал, как мыслить правильно, т. е. рационально. В начале XX века изменяется представление об ощущении мира, наполненного реальностями, несводимыми к единственному образу происходящего. Возникает поэтика языка, выходящая за пределы сознания и выводящая человека в состояние не только мысли, но и чувства особой предначертанности живого слова.

Язык невозможно сочинить, так как в нем скрыто чувство — «темное первоощущение мира», отрешенного от всех правил и выражающего «прислушивание к внутреннему прибору своей души» [Флоренский: 166]. Если П.А. Флоренский выстраивает поэтику языка, в которой скрыта его феноменология, то Р. Барт достаточно неуверенно прикасается к живому слову. Одержимость избавиться от «логического противоречия» [Барт: 462] приводит к противоположному состоянию — наслаждению языком.

История языка — это психоистория, история жизни человека, встречающегося с другими людьми в естественных для них условиях разворачивающейся ментальности. Р. Барт не уверен в том, как именовать отказ от логики при встрече с текстом — удовольствием или наслаждением.

Исторически в данной постановке вопроса невозможно обойтись без экскурса в «паранормальные», с точки зрения жесткой рациональности, состояния владения языком. Но квантовая физика и картина мира относительности позволяют выстраивать разнообразные гипотезы соотношений логики и живого языка. Язык может иметь разные формы выражения, но с точки зрения человека и истории, ортодоксальной позицией языка является *текст*.

Согласно суждениям современных физиков именно состояние владения языком сближает человека и античный Логос, Ноосферу и еще не познанные ресурсы разума. Ни один человек не может сказать, что он знает себя и свои возможности, не прикрываясь современным *джентльменским соглашением* [Бодрийяр: 163] между собой как объектом мирового воздействия и теми, кто, прикрываясь заботой об улучшении жизни людей, укрепляет свою власть над ними.

Кризис образования, науки и культуры обусловлен невниманием к процессу понимания текста. В качестве «призрака» Р. Барт называет «логическое противоречие» [Барт: 462], устранить которое старается человек как «читатель текста, в тот самый момент, когда он получает от него удовольствие» [Там же]. Живой ресурс слова возникает у пишущего текст в мгновение, когда ищется метаязык связи автора и читателя, но не «личности другого», а «пространства как возможности диалектики желания, *нечаянности* наслаждения, пока ставки еще не сделаны, пока еще есть возможность вступить в игру» [Там же: 463]. Метафора «ставки еще не сделаны» оформляет пространство отношений автора и читателя с позиции *смысла владения языком как инструментом игры во власть*.

Этот смысл скрывается в умении использовать язык как свой собственный опыт, к которому мы возвращаемся, ощутив в себе материю языка как наблюдаемый предел того, «что заключено в пределы, на границе его (языка) перехода в небытие или в другое бытие» [Шпет: 67].

«Темное первоощущение мира» П.А. Флоренского означает переход рациональных понятийных синтезов в представление «готовой интенции быть выражением мыслительного содержания» [Шпет: 67].

Человек, задавшийся целью получить настоящее образование, должен понять через наблюдение за самим собой, сможет ли он войти в сферу метаязыка и мышления обобщенными категориями, сохраняя при этом чувственную сторону образовательного процесса, заключенную в «культурном сознании» Г.Г. Шпета, — как энергию смысла, преобразующего языковой поток в «некое структурированное единое целое» [Там же: 68]. Энергия смыслового потока может быть выражена моделями разного толка — схематизацией, компьютерной графикой, математической формулой, поэтической строкой.

Список литературы / References

- Акчурин И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб, 2000. С. 9—29.
(Akchurin I.A. Virtual worlds and human knowledge, *The concept of virtual worlds and scientific knowledge*, St. Petersburg, 2000, pp. 9—29. — In Russ.)
- Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
(Aristotel' Works: in 4 vols., Moscow, 1976, vol. 1, 550 p. — In Russ.)
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
(Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics, Moscow, 1994, 616 p. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол-классик, 2017. 288 с.
(Bodrijyar J. Fatal Strategies, Moscow, 2017, 288 p. — In Russ.)
- Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011. 320 с.
(Menskij M.B. Consciousness and Quantum Mechanics: Life in Parallel Worlds (Miracles of consciousness from quantum reality), Fryazino, 2011, 320 p. — In Russ.)
- Флоренский П.А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Правда. 1990. Т. 2: У водоразделов мысли. 447 с.
(Florenskij P.A. Collected works: in 3 vol., Moscow, 1990, vol. 2: At the watershed of thought, 447 p. — In Russ.)
- Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Иваново, 1999. 308 с.
(Shpet G.G. Internal form of the word, Ivanovo, 1999, 308 p. — In Russ.)

CAN LOGICAL STATEMENTS BE EXPRESSED IN LIVING WORDS? (PHENOMENOLOGY OF LANGUAGE)

Vera O. Volkova, Ilya E. Volkov

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru, volki@rambler.ru

Abstract. The article is created at the intersection of discourses of different eras and worldviews. The problem of language has been developed for more than one century. The transition to the phenomenology of language is due to the modern approach to world phenomena. Quantum theory and the theory of relativity have had a significant impact on the humanities. The brighter (more accessible, penetrating) the speculative construction is, the clearer the meaning is. In different eras, the clarity of language was considered differently. Logic proclaimed the stability of logical

statements. They are inscribed in the tradition of literate speech. But, returning to speculation (Logos), the living word covers both the entire worldview, and a separate sentence, and a separate part of speech. The classical dichotomies of subjective/objective, ideal/material cannot cover the diversity of human states of consciousness and their expression in speech. Speech norms are devalued. The living word is replaced by information — a message. The ontological turn signifies the aspiration of philosophy to include man in the real world and the diversity of connections and relations in it. The phenomenology of language reveals a ready intention to be an expression of the mental content in the formation of cultural consciousness (G.G. Shpet). At first, the initial prerequisites of a specific meaning are reduced, then thinking returns back to the experience of the diversity of relations of the inner life of consciousness.

Keywords: language, logic, ontology, phenomenology, speech, discourse

For citation: Volkova V.O., Volkov I.E. Can logical statements be expressed in living words? (Phenomenology of language), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 134—141.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Волкова Вера Олеговна — доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, Россия, г. Нижний Новгород, veravolkova@mail.ru, SPIN: 2836-7451

Volkova Vera Olegovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Methodology, History and Philosophy of Science Department, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru

Волков Илья Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, Россия, г. Нижний Новгород, volki@rambler.ru, SPIN: 4060-2872

Volkov Ilya Evgenievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Methodology, History and Philosophy of Science Department, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, volki@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 142—156.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 142—156.

Научная статья

УДК 004.8; 165.12; 608.17

EDN <https://elibrary.ru/pcmxxx>

DOI: 10.46726/И.2026.1.18

СЛЕДЫ ПРЕЖНИХ НООСФЕР В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ И ИСТОЛКОВАНИЯ

Андрей Витальевич Брагин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

braanvi2009@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории земной биосферы, выяснению наличия в ней сходных ситуаций и причин их возникновения в аспекте реализации ноосферного вектора развития космоса (безосновательно априорно остающегося вне фокуса внимания). Указанная проблема обширна, чрезвычайно сложна и многопланова, однако чрезвычайно важно ее системно обозначить и начать философское осмысление как чего-то целостного хотя бы в общих чертах, что и является главной задачей данной статьи. Ноосферная археология возможна уже потому, что любое событие, явление в прошлом оставляет информационный след, по которому, при наличии необходимых технологий и методов интерпретации, вполне допустима репрезентативная модель-реконструкция. Масса (все более возрастающая) археологических материалов остается пока без адекватной логичной интерпретации в силу стереотипности доминирующей парадигмы истолкования исторического процесса и используемых подходов. Представляется обоснованной попытка истолкования обнаруженных следов природных и цивилизационных аномалий как свидетельства предшествующих современному человечеству попыток ноосферного развития в рамках Земли. Общее обнаруживаемое в мифологических представлениях разных народов и древних цивилизаций, остатках глубоких научных знаний и технологий вполне позволяет предполагать не только наличие связей между ними, но и наличие единой глобальной цивилизации высокого технологического уровня (возможно даже космического) еще в глубочайшей древности. Конечно, все аргументы к анализу истории разумной жизни на Земле гипотетичны, однако анализ и истолкование их с позиции ноосферной теории (причем без жесткой привязки к виду homo) столь же допустимы, как и гипотезы о чисто естественных причинах возникновения вызвавших аномалии причин. В противном случае, с таким же успехом можно объяснять чисто природными причинами и все явления, связанные с экологическим кризисом в рамках современной глобальной цивилизации.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферная археология, аномальные артефакты, геологическая летопись планеты, силурийская гипотеза, Арктида, Атлантида, методы атрибуции артефактов

Для цитирования: Брагин А.В. Следы прежних ноосфер в истории Земли: проблема реконструкции и истолкования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 142—156.

Сама суть Гомеостатического Мироздания состоит в поддержании равновесия между возрастанием энтропии и развитием разума (Аркадий и Борис Стругацкие. За миллиард лет до конца света)

В.И. Вернадский еще в 1-й половине XX века констатировал: «В наше время наука подошла вплотную к пределам своей общеобязательности и непрерывности. Она столкнулась с пределами своей современной методики. Вопросы

философские и научные слились, как это было в эпоху эллинской науки» [Вернадский: 364]. В плане подтверждения данного явления в развитии научного и философского познания может рассматриваться развитие такого направления, как ноосферная археология и история.

Актуальность и значимость темы заключается уже в том, что она позволяет более адекватно понять, кто мы (современное человечество) и куда идем (почти по апостолу Павлу: «Камо грядеши... — Quo vadis Domine»). Актуальность возрастает в периоды цивилизационных кризисов, особенно столь глубокого, как современный, когда возникает проблема самоидентификации вида *homo sapiens* и под вопросом оказывается само существование цивилизации и биосферы в ее нынешнем состоянии. Ответить на эти вопросы, несомненно, возможно с позиции ноосферной концепции (основы которой заложил В.И. Вернадский), ломающей привычные стереотипы и позволяющей понять, что происходит, насколько это закономерно и какие варианты выхода из ситуации возможны и наиболее вероятны. Подчеркнем, что начинать решать данную проблему вполне логично с исследования истории земной биосферы, выяснения наличия в ней сходных ситуаций и причин их возникновения в аспекте реализации ноосферного вектора развития космоса (безосновательно априорно остающегося вне фокуса внимания). Указанная проблема обширна, сложна и многопланова, однако чрезвычайно важно ее системно обозначить и начать философское осмысление как чего-то целостного хотя бы в общих чертах, что и является главной задачей данной статьи.

Прежде чем перейти к рассмотрению темы наличия следов предшествующих попыток ноосферного развития земной биосферы, необходимо определиться с терминологией. *Археология* — это историческая наука, изучающая прошлое человечества по вещественным источникам. *Человечество* традиционно понимается как совокупность всех живущих и живших представителей вида *homo sapiens*, иногда в него включают и все предковые виды, однако вполне обосновано тогда и относить к человечеству любой биологический вид, являющийся носителем разума. «*Ноосфера* есть оптимально соответствующее объективной необходимости, обладающее системной завершенностью состояние разума, высший этап его актуального развития, характеризующийся оптимальным соответствием его роли в мироздании. Ноосфера в узком смысле этого термина — поле актуальной явленности родовой человеческой сущности, ее исторического выражения в конкретном и уникальном существовании людей»¹. *История* есть временная последовательность событий социальной жизни, объективирующих совокупность не только материальной, но и *духовной* деятельности людей. *Ноосферная история* — это история реализации ноосферного вектора эволюции мироздания в целеполагающей деятельности конкретных разумных существ, конкретной цивилизации в определенных условиях, а вот *история ноосферы* — это история актуального становления ноосферы², например, на планете Земля за все время ее существования, т. е. допускается многократность попыток реализации ноосферного вектора эволюции.

Здесь следует особо отметить, что ноосферная археология возможна уже потому, что любое событие, явление в прошлом оставляет информационный след, по которому, при наличии необходимых технологий и методов интерпретации, вполне допустима репрезентативная модель-реконструкция. При этом, как справедливо

---

¹ См. нашу статью: Брагин А.В. Бытие как Мир: специфика проявления // Вестник Ивановского государственного университета. 2002. Вып. 2. С.74—82.

² Следует различать ноосферу как процесс и как некое состояние, обладающее системной целостностью.

отметил в своей работе «Обитаемый остров Земля» А. Скляр, «занимаясь тем, что называется «восстановлением прошлого, мы в реальности составляем какую-то свою **систему представлений об этом прошлом**. Но если прошлое однозначно и неизменно, то того же самого вовсе нельзя сказать о нашем представлении этого прошлого. Мы имеем дело уже не с реальностью, а лишь с ее **моделями**. И тут однозначности уже нет, поскольку в своих представлениях, в своих моделях мы можем и ошибаться. Пусть даже речь идет о моделях однозначного прошлого» [Скляр 2011а].

Уж если информационный (энергетический и материальный) след о начале нашей Вселенной, Большом взрыве, сохранился, хотя с момента этого события прошло 14,8 млрд лет, то тем более это возможно применительно к процессам, связанным с возникновением Жизни и Разума на планете Земля, возраст которой 4,5 млрд лет. Жизнь на Земле отчетливо заметна по данным геологии уже примерно с 2 млрд лет, причем биосфера планеты пережила как минимум 5 глобальных вымираний. При этом фиксируется в эволюции биосферы процесс цефализации, т. е. жизнь после катастроф не просто возрождалась во всем своем многообразии, а снова и снова двигалась в направлении усложнения структуры живого, причем это возможно когерентно для всех видов (при наличии, конечно, доминирующего вида и аутсайдеров)³. Шел устойчивый и необоримый процесс усложнения нервной системы живых организмов и их головного мозга, т. е. восстановления материальных оснований для ноосферного развития. Подчеркнем здесь, что вид homo, использующий орудийную деятельность и огонь, существует примерно 2,5 млн лет, а homo sapiens — 200—400 тыс. лет, а современной человеческой цивилизации не более 5 тыс. лет.

«Существенно также, что, по мнению В.И. Вернадского, “живое вещество”, так же, как и биосфера, обладает своей особой организованностью и может быть рассматриваемо как закономерно выражаемая функция биосферы» [Вернадский: 245], причем «биосфера является единым целым, большим биокосным естественным телом...» [Там же: 433]. Следовательно, и ноосфера — это не что иное, как функция определенного уровня организованности этого единого естественного тела, частью которого является и человечество. Подчеркнем, что Человечество не является «телом» ноосферы, ее субстратом выступает вся биосфера как организменное динамичное целое. А в таком целом взаимодействие всех частей соответствует принципу корреляции частей, сформулированному Ж. Кювье, что предполагает обязательное их взаимосогласование.

Поскольку ноосферу можно рассматривать как функцию биосферы, то необходимо подчеркнуть, что функция эта возникает на определенной стадии структурного развития биосферы, стремящейся к структурной завершенности. Процесс такого развития мог замедляться, ускоряться и даже временно прерываться. Можно предположить, что такие перерывы, возникающие под воздействием внешних или внутренних глобальных факторов (свидетельство чему массовые вымирания), имели разную длительность и продолжались вплоть до регенерации необходимых

---

³ Кстати, С. Лем даже небезосновательно утверждает, что «современные земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, вообще все представители мира животных обладают большим мозгом, чем их предки в палеозое или мезозое. В этом смысле в ходе эволюции «поумнели» все животные. Эта всеобщая тенденция свидетельствует как будто о том, что, если процесс эволюции длится достаточно долго, масса мозга в конце концов проходит через «критическое значение» — и тогда начинается лавинная реакция социогенеза» [Лем].

структурных элементов биосферного субстрата, поддерживающих ноосферное развитие. Присутствие подобных структурных элементов в биосфере вполне позволяет выявлять в ноосферном процессе целостные структурные образования — исторически определенные «ноосферы»⁴. Подчеркнем, что ноосферное развитие, в силу своего характера, — это развитие вариативное, зависящее не только от внешних обстоятельств, но и от свободной воли носителей разума, способных к базисному экзистенциальному выбору — быть или не быть.

Ноосфера, как объективная тенденция мироздания (стремящегося к системной завершенности), реализуется во Вселенной в развитии различных видов разумных существ, различных цивилизаций, что имманентно предполагает *самовыбраковку* цивилизаций, которые не могут совладать с собственной мощью в силу недостаточной разумности и эгоизма. Заметим, что современная палеонтология и археология накопили огромный объем данных⁵, которые можно интерпретировать как подтверждающие существование на Земле в далеком прошлом по крайней мере одной цивилизации, достигшей высокого технологического уровня (сопоставимого с современным), катастрофически прервавшей свое развитие (нынешнему человечеству пришлось начинать практически с нуля). Заметим, что здесь можно говорить о различных причинах гибели предшествующих цивилизаций, образовывавших в соответствующие периоды ноосферу Земли. Причины эти могут носить естественный характер — природные, космические катастрофы (типа падения метеорита, сейсмической активности, связанной с эволюцией планеты, процесса переполносковки) и искусственные (типа глобальной войны с использованием соответствующего оружия, например, ядерного; или экологической катастрофы; или деградации разумных существ, крушения основ социальности, утраты смысла бытия).

В природе, как известно, действует закон *наименьшего действия*⁶. В свете этого можно полагать, что самовыбраковка цивилизаций — это тоже ноосферный процесс, ибо он обеспечивает оптимизацию актуального становления Ноосферы в рамках системного целого — Вселенной. Если конкретная цивилизация, используя имеющиеся в ее распоряжении возможности и свободу выбора, сворачивает с ноосферного вектора (являющегося для нее оптимумом), то ее крушение освобождает дорогу движения в этом направлении другой цивилизации. Такой механизм функционирования обеспечивает гомеостатичность целого даже в рамках определенной биосферы, сохраняя ее от полной деградации, облегчая регенерацию и продолжение ноосферного развития.

В.И. Вернадский справедливо утверждал, что наука является мощнейшим средством развития ноосферы, это средство оставляет следы своего воздействия в окружающей биокосной планетарной среде, космосе. По этим следам вполне можно провести реконструкцию предшествующего пути, пусть и носящую вероятностный характер, в виду фрагментарности имеющихся в распоряжении исследователей исторического материала и не совершенности современных методов реконструкции. Заметим, что попытки реконструкции предпринимались и предпринимаются по различным направлениям. Например, применительно к истории

---

⁴ Обеспечивающие в разной степени реальное воплощение ноосферного вектора в функционировании биосферы планеты.

⁵ См., например, [Байер, Бирнгейн; Бейджент; Кремо, Томпсон; Непомнящий; Никонов; Путенихин; Фэйрстоун, Уэст, Уэрвик-Смит; Хэпгуд; Эндрюз; Ютен].

⁶ Принцип был сформулирован в середине XVIII века П. Мопертюи, хотя близко к пониманию его сущности подошел еще Г. Лейбниц, подметивший, что экстремальный характер поведения физических систем является весьма общим свойством природы.

современного человечества, на основании анализа мифологии народов Земли и календарных систем, языковых систем (включая приемы и способы их фиксации) и факторов, определявших историю их становления, специфику словарного запаса; специфику образования, эволюции и исторического распространения генетического материала (на основании анализа костных останков), данных археологии и т. п. Делались попытки копнуть и глубже стереотипной привязки развития разума только к гоминидам, в частности к разновидностям вида *homo*.

Однако чаще всего такие попытки рассматривались как фантастические или околонуточные спекуляции. Как справедливо заметил по поводу предубеждений, имеющих место в научном и философском сообществе, А.А. Григорьев: «Гейяр де Шарден и В.И. Вернадский упоминают понятие “былые биосферы”. Более того, французский ученый говорит также о былых ноосферах. Следует вспомнить в связи с этим аномальные палеонтологические и археологические находки, которые игнорируются государственными учреждениями, так как не укладываются в принятые схемы развития наук о природе и об обществе, не соответствуют догмам современного мировоззрения. Точно так же, как падение метеоритов (падение камней с неба) не соответствовало воззрениям членов Французской академии наук в XVIII в.» [Григорьев 2014].

В развитии исторических представлений об эволюции человечества и разумной жизни на Земле явно проявляется необходимость корректировки старой парадигмы, близкой к революционной ломке по Т. Куну. Аномальных с точки зрения «нормальной» науки фактов, прежде всего в сфере археологии, даже касательно древней истории вида *homo sapiens*, накопилось для этого вполне достаточно. Очевидно, что история цивилизации более длительная и противоречивая, чем мы раньше предполагали, с весьма значительными продвижениями в направлении системной целостности ноосферы, но и с попятными движениями (возможно, обусловленных гомеостатичностью Мироздания, поддерживающего баланс между ростом энтропии и развитием разума [Брагин 2010]).

Подчеркнем, что масса (все более возрастающая) археологических материалов остается пока без адекватной логичной интерпретации в силу стереотипности доминирующей парадигмы истолкования исторического процесса и используемых подходов. Заметим, что в силу вероятностного характера моделирования развития жизни по ноосферному вектору, есть возможность удалиться от истины, но только в случае субъективного подбора фактов (или даже их подтасовки). Свести субъективность подбора фактов и их истолкования к минимуму позволяет компаративистский анализ, сопоставление данных, собранных различными науками в рамках различных подходов.

Долгое время фантастическим историками считалось утверждение Диогена Лаэртского насчет того, что со времени жизни зачинателя философии Гепеста (бог Пта), сына Нила, до Александра Македонского по данным, хранимым египетскими жрецами, прошло 48863 года, и за это время было 373 солнечных и 332 лунных затмения [Диоген Лаэртский: 63]. Однако апелляция к авторитету личности, пусть и объявленной божеством, жившей 50 тысяч лет назад, сегодня выглядит вполне реалистичной, позволяющей объяснить наличие элементов глубочайших (явно научных) знаний и технологий, на обретение которых должны были уйти столетия или даже тысячелетия.

В частности, наличие таких аномалий, как багдадская (или шумерская) батарейка, антикикертский механизм (механический компьютер), технологии обработки металлов [Черных; Черных, Мартинес Наваррете], модели летательных аппаратов — деревянные в Египте и золотые в Перу, карты Земли, не соответствующие

официальным представлениям о географических познаниях древних людей (или древности разумной жизни)⁷ и их технологическим возможностям, следы оплавления и радиации в развалинах древних городов, масштабные рудные разработки (как шахтные, так и открытые), подземные тоннели и бункерные города, мегалиты со следами совершенной машинной обработки, унифицированная система измерения в основе древнейшей архитектуры, поразительные достижения древних в области астрономии [Элиаде] и математики, медицины, сложная и хорошо разработанная системы измерения времени (превосходящая потребности нашего представления об определенной исторической эпохе) и т. п. Все это только применительно к истории человечества в последние 40 тыс. лет.

Кроме того, при строительстве, например, пирамид, как в Старом, так и в Новом свете явно использовались технологии близкие или даже превосходящие современные. Эти технологии предполагают соответствующее оборудование, инструменты, никак не соответствующие не только бронзовому веку, но и доиндустриальному железному (даже зачастую современным технологиям и технике). В частности, для обработки камня (зачастую очень твердого — гранита, базальта, диорита, или хрупкого — обсидиана) применялось скоростное сверление, фрезеровка, пила, шлифовка и т. п. Использовались древними строителями даже технологии, недоступные сегодня, например, технология «пластилиновой» резки камня, предполагающая его размягчение. Вызывает удивление и способность древних народов (имен многих из них мы не знаем) свободно манипулировать многотонными каменными блоками (перемещать их на значительные расстояния по пересеченной местности без дорог, поднимать, укладывать с исключительной точностью). Их находят в Египте, Перу, Боливии, да практически по всему миру. Причем мегалитические строения, сложенные из гранитных (или из более мягкого песчаника) блоков, достигающих весом до тысячи тонн, на всех континентах явно использовали единую систему измерения — так называемый «мегалитический ярд» равный 82,9 см. Это все при том, что сами плиты были нестандартными, особенно в полигональной кладке, да еще зачастую и скреплялись между собой металлическими вкладками.

Подчеркнем поразительную сложность и совершенство таких сооружений, как подземные мегалитические храмы Мальтийского архипелага (да еще при наличии странной системы транспортных магистралей, напоминающих колеи железных дорог), египетские пирамиды (имеющие точную астрономическую ориентацию) или ориентированные по Солнцу и Луне астрономические обсерватории каменного века (типа Стоунхенджа), дольмены Евразии (в частности Крыма и Кавказа). Добавим к этому наличие уже 10—6 тыс. лет назад упорядоченной и довольно комфортной городской жизни в так называемых «протогородах» с населением в тысячи человек (например, Чатал-Гуюк, Библос, Урук, Ур, Иерихон, Хирокития, Триполье, Аркаим). Впечатляют и рудные подземные выработки протяженностью сотни километров, например, Каргалинские (Оренбургская область). В этот же период и несколько позднее возникают центры хорошо организованной добычи руды и производства металла (с тщательно разработанной сложной технологией обработки руды и литья), протяженная система доставки продукции

---

⁷ Например, карты Оронция Финея и Пери Реиса, относящиеся к XVI веку (опирающиеся на древние источники), где довольно точно изображены все континенты, даже открытые относительно поздно — например, Антарктида (открытая в начале XIX века), причем континент этот без многокилометрового ледяного панциря, возникшего по данным современной гляциологии и климатологии около 20 млн лет назад. Указанный факт поражает, т. к. практически до XVIII в. отсутствовали точные хронометры, что не позволяло адекватно определять широту и, особенно, долготу географических объектов.

(охватывающая тысячи километров). Все это также явное свидетельство развитой культуры и цивилизованности, которые невозможны без адекватных знаний о реальности (уровень науки), отлаженной транспортной и коммуникационной системы, сложной организации социума⁸.

Вызывают восхищенное изумление достижения селекционеров времен неолитической революции в деле domestikации животных и растений (в частности, в доколумбовой Америке, выведших, например, кукурузу, разноцветный хлопок). Известно и то, что древние народы, например, шумеры, египтяне, ольмеки, инки, уже обладали большими познаниями и в сфере медицины (которые просто не могли возникнуть на пустом месте): могли проводить сложные операции на глаза, трепанацию черепа, лечили зубы, делали сложные протезы и т. п. (и для этого был специальный инструментарий, схожий своими формами с современным!). Уже отмечалось, что древние шумеры, как минимум, владели технологией гальванопластики, т. к. знали секрет выработки тока в гальванических элементах («селевкийские вазы») и т. д. Добавим к этому явно перекликающуюся мифологию разных народов. Общее обнаруживаемое в мифологических представлениях разных народов и древних цивилизаций, остатках глубоких научных знаний и технологий вполне позволяет предполагать не только наличие связей между ними, но и единой глобальной цивилизации высокого технологического уровня (возможно даже космического) еще в глубочайшей древности.

В данной ситуации вполне можно согласиться с М. Бейджентом, писавшим: «Согласно нынешним научным теориям человек, и цивилизация составляют лишь крошечную долю в этих сотнях миллионов лет истории Земли. Предположить — вопреки как будто бы незыблемым геологическим и археологическим данным, — что человеческие артефакты и материальная культура могли существовать задолго до последних 2,5 миллиона — или даже 4 миллионов — лет, означает подвергнуть себя полному осмеянию. Но так ли уж незыблема принятая версия прошлого? Действительно ли она согласуется со всеми данными? Обеспечивает ли она удовлетворительное объяснение для всех артефактов, извлеченных из земли? По правде говоря, нет» [Бейджент: 13]. Действительно, современное развитие научных методов и средств атрибутизации артефактов различного порядка придает дополнительные аргументы самым, казалось бы, фантастическим гипотезам. Однако такие гипотезы не боялся высказывать еще И. Кант, опираясь лишь на свои умозрения, утверждавший, что разумных существ во Вселенной много и степень их разумности зависит от свойств материи, с которой они связаны [Кант: 245].

В.И. Вернадский отмечал, что спецификой белковой жизни на Земле оказывается то, что «биосфера является единым целым, большим биокосным естественным телом...» [Вернадский: 433]. Если принять это положение, то «и ноосфера — это не что иное, как функция определенного уровня организованности этого единого естественного тела, частью которого является и человечество. Подчеркнем, что человечество не является «телом» ноосферы, ее субстратом выступает вся биосфера как организменное динамичное целое. А в таком целом взаимодействие всех частей соответствует принципу корреляции частей, сформулированному Ж. Кювье, что предполагает обязательное их взаимосогласование⁹. Любой вид существ входит

⁸ См., например: Брагин А.В. Противоречия и закономерности ноосферной динамики на территории современной России в эпоху бронзы // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 4 (6). С. 54—64.

⁹ Брагин А.В. Ноосфера как эмерджентное свойство биосферы в ее синергии с историческими формами развития человечества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 162.

в это целое, поэтому мог и может эволюционировать до того же состояния носителя разума, какое сегодня занимает современное человечество. Возможно даже, что они эволюционируют в ноосферном направлении все (когерентно), но с разной скоростью.

В свете изложенного представляется отнюдь не случайным имеющее место в ведической традиции утверждение о разнообразии видов разумных существ (в частности, выделяется цивилизация нагов-змеелюдей), в русле этой традиции были и мистики XX века (например, Елена Блаватская, Елена и Николай Рерихи писали о древних земных цивилизациях, созданных вовсе не видом *homo sapiens*). Естественно, возникает вопрос об обоснованности подобных утверждений, надежности интерпретации различной следовой информации, на которую они опираются. Подчеркнем, что свидетельств в пользу их обоснованности, позволяющим возвести предположения в ранг научной гипотезы, оснований все больше и больше.

Любой искусственный объект являет собой преобразованный естественный, отличающийся от естественного лишь явно различимым (что весьма субъективно) участием разума в его возникновении и функционировании, т. е. наличия *целевой причины*. Здесь затруднение в том, что чем древнее исследуемый объект, тем проблематичнее делать однозначные выводы на этот счет. Например, представляется весьма самонадеянным полагать, что современные изменения климата вызваны деятельностью современного человечества, однако несомненно, что деятельность разумных существ оставляет заметные следы в климатической летописи планеты, вопрос лишь в том, как их надежно выявить. Изменения климата в геологической летописи планеты оставляют свой след не только наличием следов прежней флоры и фауны, миграции химических элементов и спецификой их отложений, уровнем радиоактивности и т. п., и здесь действительно сложно выявить влияние разума. Однако, сегодня, например, выявлены радиоактивные изотопы, возникающие только при искусственном использовании в ядерных технологиях. Если же брать в качестве эталона (что, конечно, субъективно) загрязнения, возникающие в результате применения современных промышленных технологий, то можно поискать аналогии в геологических отложениях прошлого земной коры, пробах, взятых из донных отложений или кернов древнего льда, янтаря и т. п.

Как известно, многообразие различных форм жизни связывают с «Кембрийским взрывом», происшедшим более 500 млн лет назад (тогда возникли все основные классы живых существ!). Если считать с этого времени, то как раз и прошло на нашей планете пять глобальных вымираний и идет шестое, обусловленные климатическими изменениями [Климат в эпохи...; Монин, Шишков]. Причем все предположения по поводу причин первых пяти глобальных вымираний весьма спорны и вовсе не общеприняты. Напомним эти массовые вымирания в их привязке к геологическим периодам:

1. Ордовикско-силурийское вымирание (примерно 443 млн лет назад). Одно из самых значительных вымираний, в результате которого исчезло до 85 % видов морских беспозвоночных. *До этого господствовали головоногие моллюски. Вулканическая активность как главная причина катастрофы. Выброс массы вулканических газов и пыли — в итоге резкое снижение температуры на планете и оледенение.*

2. Девонское вымирание (около 372—359 млн лет назад). Серия вымираний, в ходе которых пострадали рифообразующие организмы, плакодермы и многие морские беспозвоночные. *До этого господствовали гигантские насекомые. Метеоритные удары как причина катастрофы и увеличение вулканической*

активности, которые привели к изменениям в составе атмосферы и качестве воды (повышение кислотности), включая резкое снижение уровня кислорода в океанах.

3. Пермское вымирание (приблизительно 252 млн лет назад). Самое масштабное вымирание в истории Земли, уничтожившее около 96 % морских видов и 70 % наземных видов позвоночных. *До этого господствовали земноводные. Наиболее неясные причины. В атмосфере парниковый эффект, который резко увеличил глобальную температуру, кислотные дожди, разрушавшие озоновый слой и увеличивая уровень ультрафиолетового излучения на поверхности.*

4. Триасовое вымирание (около 201 млн лет назад). Привело к исчезновению примерно 76 % видов, открыв путь к доминированию динозавров в мезозое. *До этого господство динозавров. Причины триасового вымирания — предмет научных дискуссий. Значительные изменения в атмосфере, повышение уровней углекислого газа и пр., что могло спровоцировать парниковый эффект и глобальное потепление.*

5. Мел-палеогеновое вымирание (примерно 66 млн лет назад). Наиболее известное вымирание, в ходе которого исчезли нептичьи динозавры, а также многие другие группы организмов. *Гибель динозавров и начало господства млекопитающих. В качестве причины чаще всего называют падение огромного астероида в Америке (иногда серию вулканических извержений в Индии). Миллионы тонн пыли, сажи, аэрозолей, парниковых газов и серы, выброшенных в атмосферу, привели к «ядерной зиме» — длительному периоду понижения температуры, который серьезно затруднил процесс фотосинтеза, лежащий в основе большинства жизненных цепочек на планете.*

Заметим, что все массовые вымирания сопровождались увеличением радиационного фона.

Рассмотрение указанных вымираний с точки зрения ноосферной археологии логично начать с первого из перечисленных — ордовико-силурийского. С него начинают свое рассмотрение Г.А.В. Шмидт и А. Фрэнк [Шмидт, Фрэнк] (в рамках «Силурийской гипотезы»). Они сравнивают геологически фиксируемые следы глобальных вымираний с идущим сегодня на Земле шестым массовым вымиранием, вызванным техногенным воздействием современного человечества. Причем указанные авторы подчеркивали: «Мы дали гипотезе название в честь снятого в 1970 году эпизода британского научно-фантастического телесериала «Доктор Кто», в которой экспериментальный ядерный реактор пробудил давно похороненную расу разумных рептилий «силурийцев». Однако мы не утверждаем, что в силурийскую эпоху на самом деле существовали разумные рептилии, или же что экспериментальная ядерная физика обязана пробуждать их от спячки» [Там же].

Здесь уточним, что в ордовико-силурийский период был расцвет морских животных, прежде всего моллюсков (процветали с девона до мела, их уничтожил вместе с динозаврами последний кризис 63 млн лет назад), а как известно и сегодня осьминоги считаются одними из самых интеллектуальных животных. Так что весьма преждевременно их вычеркивать из претендентов на создателей древней ноосферы. Кстати, в 1972 году в Габоне (Окло) был обнаружен интересный объект — остатки ядерного реактора (работавшего на уране 235) или хранилища ядерных отходов, возрастом 1,8 млрд лет, идеально устроенного с точки зрения экологической безопасности. Обычно утверждается, что это естественный природный объект, однако уникальный! Значит, все-таки можно искать следы ноосферы даже и ранее кембрийского взрыва. К этому можно еще добавить, к сожалению, не атрибутированный древний аэродром в Юндуме (Габон), взлетная полоса 3,5 км из

каменных плит, в XX веке обновленный и используемый сегодня (даже в качестве запасного для американских «шаттлов»). Да и в русле подобных находок любопытный артефакт — Чандарская плита («Дашкин камень») на Южном Урале возрастом 50—120 млн лет. Этот осколок каменной плиты представляет собой доломитовое (с отсутствием примесей кварца) основание толщиной 14 см, далее идет 2 см слой диоксидового стекла с нанесенным на него рельефным изображением, а сверху — 2 мм слой кальциевого фарфора.

Однако упомянутые выше авторы «силурийской гипотезы» так далеко в своих изысканиях не заходили. Они, хотя и выражались очень осторожно и с многими оговорками, полагали, что с большим основанием претендовать на звание дочеловеческих цивилизаций могли некие существа, обитавшие примерно 56 млн лет назад, в период палеоцено-неоценового температурного максимума и меньшие по масштабу события мелового и юрского периода. «Мы рассматриваем частичную выборку известных событий из палеонтологической летописи, которые демонстрируют некоторые черты сходства с гипотетическими возможными антропогенными характеристиками. Самый отчётливый класс событий, несущих такие черты сходства — это глобальные потепления, среди которых особенно примечателен палеоцен-эоценовый термический максимум (56 млн лет назад), но в него также входят меньшие по масштабу события потепления, океанские аноксические события мелового и юрского периодов и значительные (хотя и не так хорошо охарактеризованные) события палеозоя». При этом указывается: «Мы утверждаем, что уникальными могут быть некоторые специфичные следы, а именно — стойкие синтетические молекулы, пластмассы и (потенциально) очень долгоживущие радиоактивные осадки в случае ядерной катастрофы. Помимо этих маркеров, уникальность события может быть отчётливо заметна во множестве относительно независимых характерных признаков — в противоположность согласованному набору изменений, связанному с единственной геофизической причиной» [Там же].

К дополнительным маркерам, обозначающим сходство со следами антропоцена в геологической летописи планеты, относятся «резкие отрицательные экскурсы $\delta^{13}\text{C}$, потепления и нарушения в круговороте азота — обыденные явления. Также обычны более сложные изменения в биоте, осадконакоплении и минералогии... Кроме того, для многих из этих событий есть свидетельство того, что потепление было вызвано огромным поступлением экзогенного (биогенного) углерода в виде либо CO_2 , либо CH_4 . По крайней мере, с карбона (300—350 млн лет назад) существовало достаточное количество ископаемого углерода, чтобы он мог послужить топливом для промышленно развитой цивилизации, сравнимой с нашей собственной, и любой из этих источников мог обеспечить быстрое поступление углерода» [Там же].

Можно согласиться с авторами «силурийской гипотезы» и в том, что «специфичные маркеры человеческой промышленной деятельности (пластмассы, синтетические загрязнители, повышенная концентрация металлов и т. д.) являются следствием определённого пути развития, избранного человеческим обществом и технологиями, и общность характера этого пути в случае другого вида, избравшего техногенный путь развития, совершенно неизвестна. Широкомасштабное использование энергии потенциально является более универсальным индикатором, и, если принимать во внимание большую концентрацию энергии в ископаемом топливе на основе углерода, можно было бы предположить, что общим сигналом мог бы стать слабый сигнал $\delta^{13}\text{C}$ » [Там же].

Более того действительно можно предположить, что быстрые выбросы углерода, служившие «пусковыми моментами для эпизодов океанской аноксии (благодаря большому объёму поступления питательных веществ) породили крупномасштабные захоронения органического материала, который в итоге стал исходным

сырьём для дальнейшего образования ископаемого топлива. Тем самым *предшествующая нам промышленная деятельность фактически создала бы потенциал для промышленности будущего через свой собственный упадок*. Фактически, крупномасштабные аноксические события могли бы создать самоограничивающую, но в то же время самоподдерживающую обратную связь для промышленной деятельности на планете» [Там же]. Заметим, что последнее предположение Г.А.В. Шмидта и А. Фрэнка, явно не ноосферное, противоречащее диалектике развития, т. к. предполагает цель существования разумных существ в накоплении ресурсов для следующих в духе «дурной бесконечности», которая легко разрывается в случае успешного движения по ноосферному вектору эволюции.

Итак, если кратко резюмировать все изложенное выше, то можно отметить обоснованность попыток истолкования обнаруженных следов природных и цивилизационных аномалий, как свидетельство предшествующих современному человечеству попыток ноосферного развития в рамках Земли. Конечно, все аргументы к анализу истории разумной жизни на Земле гипотетичны, однако анализ и истолкование их с позиции ноосферной теории (причем без жесткой привязки к виду *homo*) столь же допустимы, как и гипотезы о чисто естественных причинах возникновения вызвавших аномалии причин. В противном случае, с таким же успехом можно объяснять чисто природными причинами и все явления, связанные с экологическим кризисом в рамках современной глобальной цивилизации.

Уже отмечалось, что на возможный след прежних ноосфер, применительно к «дочеловеческому» периоду, можно отнести, пожалуй, все массовые вымирания, за исключением, возможно, триасового и пермского, т.к. не виден явный актор ноосферного развития. В ордовико-силурийскую эпоху предполагаемым актором ноосферы могли быть моллюски, в частности осьминоги; в девонскую — гигантские насекомые (возможно, носители коллективного разума, если судить по нынешним термитам и муравьям), в мел-палеогене — динозавры.

На большую возможность быть обозначенными как неудачные попытки ноосферного развития могут претендовать прежде всего (как наиболее фундированные имеющимися артефактами и данными палеоклиматологии, генетики) периоды, связанные с видом *homo sapiens*. Эти попытки можно связать с прохождением человечеством «бутылочного горлышка» (периодом уменьшения численности вида до минимума) — 80—75 тыс. лет назад извержение вулкана Тоба (Суматра) «вулканическая зима»; 2—10 тыс. человек осталось, возможно, и 40 тыс. лет назад (когда в Европе резко исчезли неандертальцы). Но первое место безусловно занимает предложенная еще Платоном версия гибели Атлантиды примерно 12 тыс. лет назад, условно обозначенная сегодня артефактами Гёбекли Тепе (Турция) и подземных городов Каппадокии, вырезанных в базальте строений Индостана, мегалитические города в Андах. Далее по значимости идет гибель Арктиды (обозначенная мегалитами Кольского полуострова, Кавказа и Сибири, палеоклиматическими и ДНК-генетическими исследованиями) 12, 16, 25, 28 и 40 тыс. лет назад (рубежные определения времени у исследователей в таком широком диапазоне [Зубаков; Кондратов; Фэйрстоун, Уэст, Уэрвик-Смит; Григорьев 2019]). Существенно, что в катастрофе 18—12 тыс. лет (ясности с временем нет, в частности, найденные в мерзлоте останки мамонтенка Димы относят то ко времени 40 тыс. лет назад, то 12) назад в арктическом регионе моментально замерзли (залитые водным морским потоком с частицами леса) гигантские мамонты. Причем эти гиганты не успели даже прожевать и переварить травку (кстати, сосуды у них перед этим лопнули т. к. не только резко упала температура среды, но и резко упало внешнее давление).

Некоторые исследователи совмещают события, связанные с гибелью Атлантиды и Арктиды, однако это противоречит данным, например, ДНК-генетики по поводу возникновения гаплогруппы R и производной от нее R1a (арии) [Клёсов, Тюняев]. Именно с ариями, переселившимися на юг в будущий Иран и на

Индостан, связаны легенды о гибели арктической Прародины [Тилак] и сохранившиеся устные и письменные (на санскрите и древнеперсидском) описания войн девов, асуров, нагов и людей (например, Пандавов и Кауравов в «Махабхарате») с использованием летательных аппаратов и средств разрушения, напоминающих ядерное оружие и даже превосходящие его, добавим к этому и высокотехнологические постройки на территории Индостана, напоминающие бункеры. В ряду подобных описаний и артефактов сохранившиеся свидетельства бедствий, обрушившиеся на древний Шумер, напоминающие описание последствий ударной волны и ядерного заражения.

Кстати, на разрушительные войны с использованием высокотехнологического оружия указывают и руины мегалитических сооружений современных Перу и Боливии (Тиауанако, Мачу-Пикчу, Пума-Пунку, Ольянтайтамбо и пр.), да, пожалуй, и мегалитические руины Кольского полуострова (в районе Ловозера). Следы гигантского потопа имеются и по всей Латинской Америке, в частности в высокогорных Андах, образованных селевым потоком — пустыня Наска, район озера Титикака и т. п. Совмещение событий, происходивших в разное время, возможно еще и потому, что периоды катастроф накладываются частично друг на друга, а уничтожение используемых знаний и технологий стало более значимым и окончательным именно 12 тыс. лет назад.

Заметим, что вообще атрибутирование каменных сооружений проблематично с точки зрения того, кто и когда их построил. В частности, разницей в датах основания перечисленных древних городов весьма значительный. Например, Пума-Пунку, по мнению археологов, исходящих из радиоуглеродного анализа (обнаруженных органических остатков), основан около 600 года нашей эры, однако город построен на чистых отложениях плейстоцена, и насыпь датируется по тому же методу уже 1500 годом до нашей эры. Сходная ситуация и с атрибутированием развалин Чавин-де-Уантар (Перуанские Анды), традиционно относящихся к культуре Чавин (существовавшей 2,5 тыс. лет назад, более ранние поселения на 800 лет старше), где под небольшим храмом в скале очень сложная гидравлическая система (напоминающая по уровню инженерной техники водопроводы Акапаны и Тиауанако), необходимая для некоей промышленной деятельности, но отнюдь не для существования города с населением не более 3 тыс. человек.

Добавим к изложенному, что цивилизации доколумбовой Америки не знали таких инструментов, как пила, колесо, из металлов широко использовалось лишь золото, а сложные строительные работы и изумительно совершенная обработка мегалитов осуществлялась в основном в сложном рельефе Анд на высоте более 3 тыс. метров, да еще и зачастую с использованием гранита и базальта. Поэтому можно не без оснований предположить, что инки и другие народы могли использовать мегалитические строения, построенные отнюдь не ими [Элфорд; Скляр 2011b]. Подчеркнем, что и метод радиоуглеродного анализа органических остатков существенно зависит от условий, в которых протекает распад (в частности, влияет естественный радиационный фон от гранитных и базальтовых пород). Ну а надежного определения возраста каменных строений просто *не существует*, поэтому их традиционно и весьма произвольно зачисляют в естественные объекты, структуры выветривания и эрозии (например, мегалитические стены горной Шории на Кузбассе).

Возвращаясь к катастрофическим событиям 12, 16, 25, 28 и 40 тыс. лет назад отметим, что много противоречий не только в оценке времени, но и характера последствий — похолодание, с чем согласуется и наличие пепла в почве (до этого в атмосфере) от мощных пожаров и, одновременно, мощнейшее наводнение и повышение температуры, таяние ледников (12 тыс. лет назад начался температурный оптимум). К этому можно добавить следы от огромных воронок (метеоритные или ракетные удары), резкое повышение радиоактивного фона и заражения местности редкоземельными металлами (такие следы находят и в мегалитических

строениях). Повышение радиационного фона и прочие следствия объясняют поразному, в частности явлениями, связанными с ослаблением озонового слоя над Арктикой из-за, например, метеоритного удара и проскальзывания литосферных плит (Склярков А.Ю.) или вспышки Сверхновой (Фэйрстоун Р., Уэст А., Уэрвик-Смит С.), однако вполне можно связать обнаруженные следы с ракетными ударами ядерным, импульсным или плазменным оружием типа ваджры (что опять же красочно описывает Рамаана и Махабхарата).

Приведенные выше данные (выбранные автором из огромного множества) и противоречия, связанные с их истолкованием и осмыслением требуют, безусловно, более тщательных исследований, связанных с использованием различных методов оценки возраста предполагаемых событий в их сравнении и сопоставлении с уточненными данными палеоклиматологии, генетики, палеонтологии, археологии, астрофизики и др. научных дисциплин. Таким образом, это является делом большой, проблемно-ориентированной (а не дисциплинарно) науки, объединяющей усилия различных специалистов в рамках единой исследовательской программы с последующим философским осмыслением. Цель данной статьи представляет собой попытку целостного восприятия проблемы развития разумной жизни на Земле во всей его противоречивой сложности, а также попытку наметить реальную возможность осмысления данной проблемы с позиции глобального эволюционизма и ноосферной теории в русле преодоления старых подходов и отжившей исторической парадигмы. В условиях цивилизационного кризиса, свойственного Постсовременности (как точке бифуркации и выбора дальнейшего развития), разобраться в прошлом разумной жизни на нашей планете, понять причины кризиса, его характер и возможные варианты разрешения чрезвычайно актуально. Полученные результаты позволяют выявить лакуны в методике, направлениях исследований, стимулировать конструктивные дискуссии в поисках истины.

Список литературы / References

- Байер Б., Бирнгейн У. История человечества. М.: АСТ, 2002. 640 с.
(Bayer, B., Birngain, U. History of Humanity. Moscow, 2002, 640 p. — In Russ.)
- Бейджент М. Запретная археология. М.: Эксмо, 2004. 250 с.
(Beigent M. Forbidden archaeology, Moscow, 2004, 250 p. — In Russ.)
- Брагин А.В. Проблема гомеостатичности Мира как организма // Ословесненный космос: культурологический сборник. Иваново; Шуя, 2010. С. 227 — 237.
(Bragin A.V. The problem of homeostasis in the world as an organism, *Verbalized Space: A cultural studies collection*, Ivanovo; Shuya, 2010, pp. 227—237. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. 261 с.
(Vernadsky, V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon, *Vernadsky, V.I. Biosphere and Noosphere*, Moscow, 2004. 261 p.)
- Григорьев А.А. Доисторические каменные изваяния Арктики как техногенные формы рельефа и памятники наследия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 3. С. 131—140.
(Grigoriev A.A. Prehistoric stone sculptures of the Arctic as man-made landforms and heritage monuments, *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Natural Sciences*, 2019, no. 3, pp. 131—140. — In Russ.)
- Григорьев А.А. Всемирное наследие: ноосферная память человечества // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. С. 44—49.
(Grigoriev A.A. World Heritage: The noospheric memory of humanity, *Natural and Cultural Heritage: Interdisciplinary Studies*, St. Petersburg, 2014, pp. 44—49. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. 620 с.
(Diogenes Laertius. On the lives, teachings, and sayings of famous philosophers, Moscow, 1979, 620 p. — In Russ.)

- Зубаков В.А. Глобальные климатические события неогена. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 223 с. (Zubakov V.A. Global climatic events of the Neogene, Leningrad, 1990, 223 p. — In Russ.)
- Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1963. Т. 1. С.116—262.
(Kant I. General natural history and theory of the heavens, *Kant I. Works: in 6 vols*, Moscow, 1963, vol. 1, pp. 116–262. — In Russ.)
- Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М.: Белые альвы, 2010. 1024 с.
(Klyosov A.A., Tyunyaev A.A. The Origin of Man (based on data from archaeology, anthropology, and DNA genealogy), Moscow, 2010, 1024 p. — In Russ.)
- Климат в эпохи крупных биосферных перестроек. М.: Наука, 2004. 299 с.
(Climate during periods of major biosphere restructuring, Moscow, 2004, 299 p. — In Russ.)
- Кондратов А.М. Была земля Арктида. Магадан, 1983. 200 с.
(Kondratov, A.M. There was a land called Arktida, Magadan, 1983, 200 p. — In Russ.)
- Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества. М.: Философская Книга, 1999. 496 с.
(Cremo A., Thompson R. The unknown history of humanity, Moscow, 1999. 496 p. — In Russ.)
- Лем С. Сумма технологий. М.; СПб, 2002. 668 с.
(Lem S. The sum of technology, Moscow; St. Petersburg, 2002, 668 p. — In Russ.)
- Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л.: Гидрометеиздат, 1979. 408 с.
(Monin A.S., Shishkov Yu.A. History of climate, Leningrad, 1979, 408 p. — In Russ.)
- Непомнящий Н.Н. Сто великих тайн Древнего мира. М.: Вече, 2006. 480 с.
(Nepomnyashchy N.N. One hundred great mysteries of the Ancient World, Moscow, 2006, 480 p. — In Russ.)
- Никонов А. Предсказание прошлого. Расцвет и гибель допотопной цивилизации. М., 2010. 355 с.
(Nikonov A. Prediction of the past: The rise and fall of Antediluvian Civilization, Moscow, 2010, 355 p. — In Russ.)
- Путенихин В.П. Тайны Аркаима: наследие древних ариев. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 285 с.
(Putenikhin V.P. Secrets of Arkaim: the legacy of the Ancient Aryans, Rostov-on-Don, 2008, 285 p. — In Russ.)
- Склярюв А.Ю. Обитаемый остров Земля. М.: Вече, 2011а. 416 с.
(Sklyarov A.Y. The inhabited island of Earth, Moscow, 2011a, 416 p. — In Russ.)
- Склярюв А.Ю. Перу и Боливия. Задолго до инков. М.: Вече, 2011б. 382 с.
(Sklyarov A.Y. Peru and Bolivia: Long before the Incas, Moscow, 2011b, 382 p. — In Russ.)
- Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 489 с.
(Tilak B.G. The Arctic Homeland in the Vedas, Moscow, 2002, 489 p. — In Russ.)
- Фэйрстоун Р., Уэст А., Уэрвик-Смит С. Цикл космических катастроф: Катаклизмы в истории цивилизации. М.: Вече, 2005. 400 с.
(Fairstone R., West A., Warwick-Smith S. The cycle of space catastrophes: cataclysms in the history of civilization, Moscow, 2005, 400 p. — In Russ.)
- Хэпгуд Ч. Карты древних морских королей. М., 2003. 109 с.
(Hepgood C. Maps of the ancient sea kings, Moscow, 2003, 109 p. — In Russ.)
- Черных Е.Н. Металл — человек — время. М.: Наука, 1972. 208 с.
(Chernykh E.N. Metal — Man — Time, Moscow, 1972, 208 p. — In Russ.)
- Черных Е.Н., Мартинес Наваррете М.И. Древняя металлургия в глубинах евразийских степей: Расцвет и коллапс производственных систем // Достояние поколений. № 1 (10). 2011. С. 18—27.
(Chernykh E.N., Martinez Navarrete M.I. Ancient metallurgy in the depths of the Eurasian steppes: The rise and fall of production systems, *The Legacy of Generations*, no. 1 (10), 2011, pp. 18—27. — In Russ.)
- Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
(Eliade M. Cosmos and History, Moscow, 1987, 312 p. — In Russ.)
- Элфорд А.Ф. Боги нового тысячелетия. М.: Вече, 1998. 528 с.

(Elford A.F. Gods of the New Millennium, Moscow, 1998, 528 p. — In Russ.)

Эндрюс Ш. Атлантида: По следам исчезнувшей цивилизации. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 313 с.

(Andrews S. Atlantis: In search of a lost civilization, Moscow, 1998, 313 p. — In Russ.)

Ютен С. Люди и фантастические цивилизации. М., 2008. 101 с.

(Yuten S. People and fantastic civilizations, Moscow, 2008, 101 p. — In Russ.)

TRACES OF FORMER NOOSPHERES IN THE EARTH'S HISTORY: THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION AND INTERPRETATION

Andrey V. Bragin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, braginav2009@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the Earth's biosphere, clarifying the presence of similar situations in it and the causes of their occurrence in the aspect of the implementation of the noospheric vector of space development (unreasonably a priori remaining outside the focus of attention). This problem is extensive, extremely complex and multifaceted, but it is extremely important to identify it systematically and begin philosophical reflection as something holistic, at least in general terms, which is the main task of this article. Noospheric archaeology is possible already because any event or phenomenon in the past leaves an information trail, according to which, with the necessary technologies and methods of interpretation, a representative reconstruction model is quite acceptable. An ever-increasing mass of archaeological materials remains without an adequate logical interpretation due to the stereotypical nature of the dominant paradigm of interpretation of the historical process and the approaches used. It seems reasonable to attempt to interpret the discovered traces of natural and civilizational anomalies as evidence of previous attempts by modern humankind at noospheric development within the Earth. What is common in the mythological representations of different peoples and ancient civilizations, the remnants of deep scientific knowledge and technology, makes it possible to assume not only the existence of links between them, but also a single global civilization of a high technological level (perhaps even cosmic) in the deepest antiquity. Of course, all arguments for analyzing the history of intelligent life on Earth are hypothetical, but analyzing and interpreting them from the perspective of noospheric theory (and without strict reference to the species homo) are just as acceptable as hypotheses about purely natural causes of the causes of anomalies. Otherwise, all phenomena related to the environmental crisis within the framework of modern global civilization can just as well be explained by purely natural causes.

Keywords: noosphere, noospheric archeology, anomalous artifacts, geological record of the planet, Silurian hypothesis, Arktida, Atlántida, methods of attribution of artifacts

For citation: Bragin A.V. Traces of former noospheres in the Earth's history: the problem of reconstruction and interpretation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 142—156.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Брагин Андрей Витальевич — доктор философских наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, braginav2009@yandex.ru, SPIN: 2354-6807

Bragin Andrey Vitalievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, braginav2009@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 157—163.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 157—163.

Научная статья

УДК 004.8; 165.12; 608.17

EDN <https://elibrary.ru/szdkbsb>

DOI: 10.46726/И.2026.1.19

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДЕОИГР В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ П. РИКЕРА

Александр Олегович Артамонов

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,

г. Ярославль, Россия, artamonov.ao.phil@gmail.com

Аннотация. Исследование идентичности заключается в сложной природе этого феномена, объединяющей в своем устремлении к нему различные дисциплины, и его нахождении на стыке рационального и иррационального, общего и индивидуального. Получению комплексного знания о влиянии видеоигр на идентичность человека способствует применение методов исследования, позволяющих взглянуть на идентичность как на историю (нарратив). Человеческое сознание способно формировать последовательность из конкретных событий, состояний и суждений, объединенных в рассказ, в определенном контексте, что позволяет выразить идентичность. В свою очередь, ядром концепции нарративной идентичности П. Рикера является способность повествования формировать прибавочный смысл, являющийся продуктом взаимодействия культуры как особой символической системы и человека, расшифровывающего знаки исходя из своего характера, жизненного опыта, субстанциальных основ бытия. В отличие от чтения художественного произведения игра позволяет выступать активным, а не пассивным субъектом и, следовательно, воспроизводит социокультурные ситуации так, что позволяет игроку лучше понять такую ситуацию и самого себя в процессе ее проживания. Обладая признаками нарратива, видеоигра также является источником приобретения смысла и, благодаря таким своим сущностным характеристикам, как интерактивность, становится новым уникальным средством интерпретации себя.

Ключевые слова: видеоигры, исследование видеоигр, идентичность, нарративная идентичность, нарратив

Для цитирования: Артамонов А.О. Исследование видеоигр в контексте концепции нарративной идентичности П. Рикера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 157—163.

Сегодня видеоигры являются полноценной частью современной массовой культуры. Игровая индустрия динамично увеличивает свою долю в общей структуре экономики многих стран, вовлекая в производство видеоигр все большую часть населения планеты. В связи с этим возникают вопросы о степени и характере воздействия видеоигр на идентичность человека, в которых игрок фактически погружается в иное бытие, становясь его активным участником. Рассмотрение видеоигр в качестве нарратива (повествования), то есть совокупности событий, объединенных некоей последовательностью, причинностью, может помочь приблизиться к разрешению указанных вопросов.

Особую роль тексту отводит известный французский философ П. Рикер. Повествование становится краеугольным камнем в исследовании им человеческой самости, а проблема личной идентичности занимает особое место. Так, в своем труде

© Артамонов А.О., 2026

«Повествовательная идентичность» философ обращает внимание на значительную семантическую двусмысленность, угрожающую понятию идентичности: «Сообразно латинским словам “idem” и “ipse” здесь накладываются друг на друга два разных значения. Согласно первому из них, “idem”, “идентичный” — это синоним “в высшей степени сходного”, “аналогичного”. “Тот же самый” (“tete”), или “один и тот же”, заключает в себе некую форму неизменности во времени. Их противоположностью являются слова “различный”, “изменяющийся”. Во втором значении, в смысле “ipse”, термин “идентичный” связан с понятием “самости” (ipseite), “себя самого”. Индивид тождествен самому себе. Противоположностью здесь могут служить слова “другой”, “иной”» [Рикер: 19].

Рикер понимает idem-идентичность и ipse-идентичность как части единого целого, личной идентичности, которые дополняют друг друга, хотя отношение между ними не лишено напряженности [Тета]. Так, в «Повествовательной идентичности» философ пишет: «Но каким образом “само” могло бы оставаться максимально возможно подобным, если бы оно не содержало в себе некую незыблемую основу, неподверженную временным изменениям? Однако весь человеческий опыт опровергает незыблемость этого элемента, образующего личность. Во внутреннем опыте все подвержено изменению. Антиномия представляется одновременно неизбежной и неразрешимой» [Там же 20].

Рикер демонстрирует противоречие, которое лежит в основе того, что мы называем идентичностью, однако, что парадоксально, это не приводит к фрагментарности самости. Весь секрет здесь состоит в особом взаимном положении idem и ipse частей. Чтобы понять природу данного отношения, необходимо ввести такую форму идентичности, которая способна вывести проблематику внутренней рефлексивности (ipse) из проблематики идентичности того же самого (idem) [Тета]. У философа этой формой стала повествовательная или нарративная идентичность. Так как человек понимает себя через текст, большое значение в этом процессе приобретает поэтика, главной силой которой является возможность описать, выразить духовное. В отличие от перечисления фактов, событий, ставящих читающего в безличное положение, именно она взывает к субъективности.

Под «повествовательной идентичностью» Рикер понимает «такую форму идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности» [Там же: 19]. Философ обнаруживает в произведении ту же самую черту, которую ранее констатировал у идентичности. Речь идет о единстве, сохраняемом несмотря на внутреннее противоречие. Произведение предстает «соединением в единстве постоянства и изменения», где чистая случайность, не связанная с необходимостью или вероятностью, включается в общий ход рассказываемой истории, который, напротив, характеризуется заданным автором упорядоченным движением от начала к финалу [Там же]. Распадение повествования на эпизоды не препятствует, а способствует развитию действия, в чем и состоит поэзия [Там же].

Описывая концепцию Рикера, Ж.-М. Тета приходит к выводу, что в основании идеи повествовательной идентичности лежит обнаружение структурных элементов повествования, способных делать смысл интеллигибельным, то есть создавать ситуации, в которых индивид, понимающий себя как автора своих действий, может отнести к себе, в первом лице, то обозначение в третьем лице, которое относится к персонажу повествования [Тета].

Таким образом, в процессе чтения перед человеком предстает текст, который в своей целостности выражает тот или иной смысл, который нельзя обнаружить, анализируя отдельные фразы, его составляющие, а внутренняя конфигурация текста способствует интеллигибельности, то есть приросту смысла,

производимому читателем из синтеза своей жизненной истории с историей произведения [Там же]. Иными словами, речь идет о выходе за границы произведения, приобщении его символических ресурсов к собственному духовному производству. Текст, история произведения соотносится читателем с собственным мировоззрением, ценностями, убеждениями, опытом. Такое становится возможным благодаря возможностям повествования, его языка, структуры, в которой важную роль играет интрига, оставляющая пространство для воображения. Для нас развитие персонажа — неопределенность, но, как мы сказали, в мире произведения — это заданная автором неотвратимость.

В конечном итоге это приводит к однозначному выводу: идентичность, как была, так и осталась аксиоматично непознаваемой, но в рамках концепции Рикера, которая фактически раскрывает одно из направлений познания собственной самости, она может быть охарактеризована как поле интерпретации. Это дает возможность читателю обнаружить персональный смысл, соответствующий личному опыту, а также свободу действовать по-новому [Там же]. Такая свобода действия формируется из-за разрыва между миром текста и миром читателя. Заполняя его, человек становится способным лучше понимать себя, что позволяет говорить о том, что именно культура, в данном случае выраженная в виде произведения, способствует плодотворному «нахождению» идентичности. Весь приведенный процесс можно сравнить с подбором ключа (разрыв, интеллигибельность текста произведения) к замку (идентичность).

Личная идентичность не является данностью сознания, а предстает результатом опосредования нарративами, заключающими в себе те или иные модели повествовательной конфигурации действия, что указывает на ее повествовательный характер, ведь именно в рассказе проявляется отношение индивида к себе, в котором он одновременно предстает объектом и возлагает на себя действия, приписываемые или потенциально приписываемые другими [Там же]. Таким образом, идентичность может быть представлена в сознании в виде последовательности событий, состояний, впечатлений и ощущений, то есть как рассказ человека о себе. Это позволяет перевести ее в текст. В этом заключается нарративный метод исследования идентичности [Кутковая].

Влияние художественной литературы на идентичность характеризуется ее способностью вызывать переживание. Произведения помогают рассмотреть различные жизненные ситуации со стороны, увидеть внешнюю сторону персонажа посредством повествования от первого лица или, например, глубже познакомиться с его внутренними переживаниями благодаря парящему над событиями рассказчику, воспроизводящему чьи-то мысли и чувства. По таким же лекалам действует и киноискусство. Читатель учится смотреть на вещи, вставая на позиции персонажей. Чем больше ситуаций проживаются таким образом, тем лучше можно понять других людей в тех или иных ситуациях уже в реальной жизни. То есть примеряя на себя эти роли, читатель одновременно занимается и косвенным самопознанием через соотнесение своих эмоций с эмоциями и действиями персонажей. Это то, как работает художественное произведение, функционируют его принципиальные основы, которые выталкивают «Я» в положение объекта. Этот механизм близок социологическому направлению исследования идентичности и концепции символического интеракционизма.

Что нового привносит в данную схему видеоигра? Во-первых, она значительно сужает пространство для воображения. Все уже находится перед глазами, что позволяет игроку сконцентрироваться на самом процессе. Во-вторых, играя, человек в пределах установленных правил свободен действовать по своему

усмотрению, а также принимать соответствующие решения. В-третьих, игра в большей степени направлена на человека. Обращаясь к художественному произведению, читатель предстает сторонним наблюдателем. В свою очередь, в видеоигре человек сливается со своим персонажем. Игровые события происходят с последним, но одновременно и со мной. Другие персонажи обращаются к нему, но одновременно и ко мне через экран монитора или телевизора.

В одном случае история персонажа и событий может быть линейной, то есть мы управляем героем с изначально прописанными качествами, взглядами, а разработчики ведут нас за руку от одной ситуации к другой. В другом случае у игроков появляется право создать персонажа, прописывая его историю относительно самостоятельно. Чаще всего это выражается посредством выбора реплик в диалогах, разрешения ситуаций, в которых нет однозначно правильных или неправильных вариантов.

С началом игрового процесса индивид становится интерпретатором окружающего его пространства и не удаляется от тела, а, напротив, телесно погружается в игру, сшивается с нарративом, геймплеем и стоящими за ними математическими операциями в единый медиум. Здесь элементы виртуальной реальности (знаки, интерфейсы и тела) образуют коммуникативную машину, в которой мысль носит перформативный характер, рождается в жесте, тем или иным способом отображающимся на экране [Ленкевич].

Помимо самого факта более глубокого погружения, обусловленного наличием виртуального мира, видеоигры с их неограниченными интерактивными возможностями также позволяют авторам рассказывать истории самыми удивительными способами, значительно обогащая получаемый игроками опыт. Особой силой текста, в особенности художественного, является его способность приводить в действие воображение. Вместе с тем оно несет в себе ряд рисков, на которых заостряет внимание П. Рикер: «использование воображаемых ситуаций по отношению к самости является небезопасной игрой, если предположить, что повествование значительным образом сказывается на рефигурации самости. Опасность порождают колебания между соперничающими способами идентифицирования, которым подвержена сила воображения. Более того, в поисках идентичности субъект не может не сбиться с пути. Именно сила воображения приводит субъекта к тому, что он сталкивается с угрозой утраты идентичности, отсутствия “я”, явившейся причиной страданий Музиля, и в то же время — источником поиска смысла, чему было посвящено все его творчество» [Рикер: 36].

Вместе с тем в видеоигре человеку в меньшей степени грозит возможное отдаление от собственной самости из-за силы воображения, так как в игровом мире последнее лишено своих безграничных возможностей. Воображению свойственно исследовать различные варианты действий и событий, их последствий, придавать им те или иные значения, поэтому в контексте нарративизации жизни принципиальное значение имеет правдоподобность рассказа как источника смысла, адекватного для рассказчика и его собеседников [Тета]. В контексте видеоигр обозначенное правдоподобие усиливается самим существованием виртуального пространства и тем мгновенным откликом, который игра дает в ответ на действия игрока.

В целом, так как концепция Рикера предполагает истолкование своей идентичности, количество соответствующих знаков имеет большое значение в процессе приращения смысла. Принцип прост. Чем больше знаков, тем более читаемой становится жизнь. Видеоигры имеют несколько символических измерений. Речь идет о визуальных знаках (образах), сюжете, звуковом сопровождении. В сочетании они дают новые возможности (комбинации) толкования. Вклад повествования

заключается в «расширении практического поля за пределы участков действия, которые описываются в логической грамматике фразами действия, и даже за пределы цепочек действий» [Там же: 113]. Следовательно, видеоигра, не ограниченная границами текста, но выражающаяся посредством сочетания знаков различной природы, расширяет практическое поле для конструирования себя.

Феномен видеоигр обогащает и такое понятие, применяемое Рикером в своей концепции, как «соавтор смысла». Соавторство смысла — это поиск среди произведений тех повествовательных ресурсов, которые позволяют разрешить кризисы, с которыми индивид сталкивается в процессе поиска себя. То, как читатель использует эти ресурсы, собирая воедино разнородные элементы жизни, задает индивидуальный стиль существования и образует суть себя [Там же]. В контексте видеоигр соавторство смысла усиливается благодаря более широкой роли игрока по сравнению с читателем.

Таким образом, способ воздействия видеоигр на идентичность человека является таким же, как и у других элементов культуры, и связан с природой последней как особой символической системы, позволяющей формировать прибавочный смысл, являющийся продуктом взаимодействия данной системы и человека, расшифровывающего знаки исходя из своего характера, жизненного опыта, то есть неких субстанциальных основ бытия.

При этом нарратив видеоигры не просто является средством более глубокого погружения в процесс, а позволяет лучше наладить связь с ролевыми моделями. Как было видно на приведенных примерах, возможность примерить роль не ограничивается каким-то конкретным жанром таких интерактивных произведений. Тем не менее, исходя из концепции П. Рикера, мы полагаем, что авторский замысел наиболее ярко проявляется в ситуациях, в которых образы, созданные автором или даже игроком, брошены в заранее определенный круговорот событий. Такие рамки — необходимое условие установления эффективного контакта с реципиентом в целях донесения смысла, а потому наличие у видеоигры сюжета является важнейшим фактором влияния на идентичность.

Индивид постоянно пересматривает собственную идентичность, последняя неизменно находится в поле интерпретации. Получается, каждый обречен вечно играть роль догоняющего. Меняется мир, меняемся и мы сами, что вынуждает искать новое истолкование, создавать новую историю. Это очередная и безуспешная попытка устранить разрыв.

Нарративная идентичность, обозначенная Рикером, преследует аналогичную цель применительно к двум полюсам идентичности: тождественности (*idem*) и самости (*ipse*) [Аникина]. По словам А.А. Аникиной, она «служит посредником между постоянством характера, как неким субстанциональным основанием идентичности, и сдержанным словом, как измерением моральной ответственности субъекта» [Там же: 9].

Для Рикера значение литературы состоит в демонстрации различных вариаций сочетания тождественности и самости с разной степенью опоры на постоянство характера [Там же]. Видеоигры предоставляют идентичный опыт с поправкой на более глубокое погружение и также являются средством для интерпретации идентичности. В основе этого лежит столкновение двух нарративов. Одна история, являющаяся концентрированным опытом ее создателей и облаченная в символическую форму, пересекается с другой.

Нарратив видеоигры имеет начало и конец, а нарратив идентичности открыт, устремлен в будущее. Смерть заканчивает путь человека как рассказчика, потому он не может запечатлеть конец собственной истории, но это способны

сделать другие люди. Следовательно, нарратив имеет принципиально ретроспективный характер, что как раз и позволяет видеоигре выступать способом осмысления прошлого и смысловым горизонтом при реализации проекта жизни в будущем [Тета].

В свою очередь, следствием пересечения описываемых историй является переживание, однако его возникновение зависит от способности видеоигры обеспечивать прирост смысла. Критерием здесь выступает сложность указанного аудиовизуального произведения как элемента культуры. Она зависит от сюжета, игрового процесса, дизайна окружения, звукового сопровождения и их гармоничного взаимодействия. Чем большей сложностью обладает игра, тем большим является шанс подтолкнуть играющего к самопознанию, выявить общие точки между ней и внутренним миром человека.

Таким образом, концепция нарративной идентичности П. Рикера позволяет лучше понять роль видеоигры в формировании идентичности современного человека — быть средством для ее интерпретации. Это инструмент XXI века в руках субъекта, выполняющий ту же функцию, что и иные элементы культуры, обладающие нарративной формой, — функцию сокращения разрыва между идентичностью и ее пониманием со стороны человека.

Список литературы / References

- Аникина А.Б. Понятие нарративной идентичности в философии П. Рикёра // *Respublica Literaria*. 2023. № 1. С. 5—14.
(Anikina A.A. The Concept of the Narrative Identity in the Philosophy of P. Ricoeur. *Respublica Literaria*, 2023, vol. 4, no. 1, pp. 5—14. — In Russ.)
- Кутковая К.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 23—33.
(Kutkovaya E.S. Narrative in the study of identity, *National Psychological Journal*, 2014, no. 4 (16), pp. 23—33. — In Russ.)
- Ленкевич А.С. На пути к медиаэстетике: производство присутствия в компьютерных играх // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 1 (34). С. 20—33.
(Lenkevich A.S. On the Way to Media Esthetics: Production of Presence in Computer Games, *International Journal of Cultural Research*, 2019, no. 1 (34), pp. 20—33. — In Russ.)
- Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: ЭКСМО, 1995. 190 с.
(Ricoeur P. Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow Lectures and Interviews, Moscow, 1995, 190 p. — In Russ.)
- Тета Ж.-М., Маяцкий М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // Социологическое обозрение. 2012. № 2. С. 100—121.
(Tétaz, J.-M. Narrative Identity as a Theory of Practical Subjectivity. To the Reconstruction of the Concept of Paul Ricoeur, *Russian Sociological Review*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 100—121. — In Russ.)

RESEARCH OF VIDEOGAME IN THE CONTEXT OF P. RICOEUR'S CONCEPT OF NARRATIVE IDENTITY

Alexander O. Artamonov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, artamonov.ao.phil@gmail.com

Abstract. The research of identity lies in the complex nature of this phenomenon, which unites various disciplines in its pursuit of it, and its location at the junction of rational and irrational, general and individual. Obtaining comprehensive knowledge about the impact

of video games on human identity is facilitated by the use of research methods that allow us to look at identity as a story (narrative). Human consciousness is able to form a sequence of specific events, states, and judgments combined into a story in a specific context, which allows us to express identity. In turn, the core of P. Ricoeur's concept of narrative identity is the ability of the narrative of a work to form an additional meaning, which is the product of the interaction of culture as a special symbolic system and a person deciphering signs based on his character, life experience, and the substantial foundations of being. Unlike reading a work of art, the game allows you to act as an active rather than a passive subject and, therefore, reproduces socio-cultural situations in a way that allows the player to better understand such a situation and himself in the process of living it. Having the characteristics of a narrative, a video game is also a source of acquiring meaning and, due to its essential characteristics, such as interactivity, it becomes a new unique means of interpreting oneself.

Keywords: video games, research of videogame, identity, narrative identity, narrative

For citation: Artamonov A.O. Research of videogame in the context of P. Ricoeur's concept of narrative identity, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 157—163.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 21.06.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Артамонов Александр Олегович — аспирант, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, artamonov.ao.phil@gmail.com

Artamonov Alexander Olegovich — Postgraduate studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, artamonov.ao.phil@gmail.com

ОБЗОР REVIEW

---

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 164—175.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 164—175.*

Научный обзор
УДК: 821.161.1.09"19"
EDN <https://elibrary.ru/ulcyzn>
DOI: 10.46726/H.2026.1.20

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Л.Н. ТОЛСТОГО В ЖУРНАЛЕ «ДВА ВЕКА РУССКОЙ КЛАССИКИ»

Елена Викторовна Пронина

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого,
г. Тула, Россия, alepro@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается описание и краткая характеристика научного филологического журнала «Два века русской классики», входящего в отечественные и зарубежные базы данных. Журнал издается в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, за время своего существования (7 лет) он стал одним из ведущих литературоведческих изданий, в которых активно публикуются материалы современного толстоведения. В обзоре предлагается тематическая классификация статей журнала, посвященных жизни и творчеству Л.Н. Толстого, рецепции его наследия. Отмечается новаторский характер всех работ, их высокая научная грамотность, актуальность, подчеркивается академический статус издания, публикующего только перспективные, теоретически и практически значимые исследования.

Ключевые слова: научный журнал, филологический журнал, статьи, литературоведение, ИМЛИ РАН, Л.Н. Толстой, толстоведение, аналитический обзор, научное издание

Для цитирования: Пронина Е.В. Новые материалы о творческом наследии Л.Н. Толстого в журнале «Два века русской классики» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 164—175.

Основанный Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) в 2019 г. рецензируемый научный журнал «Два века русской классики» возник в связи с потребностью научного сообщества в специализированной площадке для публикации фундаментальных исследований по истории и теории русской литературы XVIII—XIX вв., текстологии и источниковедению. В программном описании издания отмечается, что журнал посвящен актуальным проблемам изучения национальной специфики русской классической литературы, публикует статьи, содержащие новые прочтения и комментарии к известным и малоизученным произведениям, а также вводит в научный оборот неопубликованные материалы. Уже за первые годы существования журнал накопил значительный корпус актуальных и новаторских статей, получив признание в профессиональном международном сообществе. Журнал «Два века русской классики» вошел в российские и международные научные

базы данных. Этот факт чрезвычайно важен для всех современных исследователей, так как в отечественном филологическом пространстве появилась важная и авторитетная площадка для публикации результатов исследований. Значимым является факт вхождения издания в Russian Science Citation Index. В начале 2025 г. «Два века русской классики» был включен в 1 квартиль международной базы Scopus, а в сентябре 2025 вошел в 1 уровень журналов «Белого списка».

По нашему мнению, журнал «Два века русской классики» является одним из важных и перспективных изданий, освещающих ключевые вопросы истории и современного этапа изучения русской классической литературы. Тематические разделы журнала включают исследования, научные публикации архивных документов, обзорные статьи, рецензии и хронику научной жизни. С самого начала издания журнал ориентирован на комплексное освещение литературного процесса и на введение в научный оборот новых материалов, в том числе архивных. Издание публикует статьи, связанные и с рецепцией русской классической литературы, современными трактовками ее восприятия.

Значительный пласт работ в журнале посвящен исследованиям жизни и творчества Л.Н. Толстого. ИМЛИ РАН является крупнейшим в России и мире центром изучения наследия писателя. Журнал «Два века русской классики» напрямую связан с наследием выдающихся толстоведов, в том числе деятельностью Л.Д. Громовой-Опульской, заложившей фундамент текстологических исследований в толстоведении и долгое время работавшей в ИМЛИ РАН. В 2025 г. в Институте отмечался юбилей Л.Д. Громовой-Опульской, Юбилейные XX Весенние Толстовские чтения были посвящены памяти ученого [Стерликова 2023; 2025]. В ИМЛИ РАН сейчас продолжается издание 100-томного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, выходят академические труды, посвященные наследию писателя, к примеру, продолжающаяся серия «Л.Н. Толстой: нравственный поиск и творческая лаборатория» (отв. ред. А.В. Гулин).

Журнал «Два века русской классики», по нашему мнению, является еще одной важной площадкой обнародования результатов работы современных ученых по изучению наследия Толстого. Целью обзора является обобщение новых материалов и исследований, связанных с личностью и творчеством Толстого, опубликованных на страницах журнала с 2019 г. по настоящее время. Конечно, обзор не может вместить всех материалов, однако нами сделаны акценты на ряде важных и актуальных для науки тем, нашедших воплощение на страницах издания. Для наиболее лаконичного и интересного обзора мы также постарались сгруппировать толстоведческие исследования, вышедшие в журнале.

Авторами статей проведена значительная работа *по исследованию творческой истории ряда произведений Толстого*.

Статьи А.В. Гулина [Гулин 2020] и Г.Н. Ковалевой [Ковалева 2024] посвящены работе Толстого над романом из времени Петра I. Различие между статьями в том, что исследование Г.Н. Ковалевой носит более частный характер и посвящено нескольким записям Толстого о патриархе Никоне, имеющимся в подготовительных материалах к роману. Статья А.В. Гулина носит концептуальный характер: ученый показывает на примере романа из времени Петра I и «Войны и мира» поиск Толстым новых путей эпического отображения действительности. В работе глубоко и достоверно показаны разные линии поиска Толстого, в том числе отвергнутые им самим. При этом А.В. Гулин констатирует, что идейные моменты, не нашедшие реализации в художественном творчестве Толстого определенного времени, были переоценены и использованы им позднее.

Е.В. Николаева в статье «Петр I и его время в творчестве Л.Н. Толстого» обращается и к исследованию конкретного образа во всем наследии писателя, и к отдельным моментам творческой истории произведений, в центре которых находится образ Петра I, в частности, детским рассказам из «Азбуки» и книжки-приложения к журналу «Ясная Поляна» [Николаева]. Е.В. Николаева справедливо отмечает, что эпоха и фигура первого русского императора стали для писателя узловыми.

И.И. Сизова реконструирует историю создания Толстым романа «Декабристы», впервые в литературоведении полно и основательно рассматривая все этапы написания произведения [Сизова 2019]. В статье отмечается, как зарождались отдельные темы (переселенческая, крестьянской жизни, взаимоотношений героя из дворян и народа), как религиозно-философские искания Толстого повлияли на его работу.

В.Г. Андреева обстоятельно изучает черновые редакции и окончательный текст рассказа Толстого «Хозяин и работник», показывая концептуальные изменения, которые делались писателем. Автор статьи оценивает стиль рассказа, близкий к притчевому повествованию, характеризует работу Толстого над художественными образами, которая велась по двум направлениям: продумыванием финала, подготовки к прозрению и собственно осознанию истинной жизни Василия Андреевича Брехунова, и проработкой мельчайших компонентов изобразительности [Андреева 2020b].

Проблема критики текста находится в центре внимания И.И. Сизовой, исследующей рассказ Толстого «Где любовь, там и Бог» [Сизова 2021]. Статья является собой великолепный пример деятельности ученого по подготовке текста произведения к публикации и очищения его от искажений и напластований. В процессе работы И.И. Сизова анализирует прижизненные издания рассказа и сверяет их с рукописными материалами, основываясь на выводах предшествующих исследователей и комментаторов и предлагая свои основательные заключения.

Наибольшую по объему и значительную по количеству статей группу в журнале составляют исследования, посвященные *осмыслению идейно-художественной стороны прозаического наследия Толстого*.

И.Б. Павлова обратилась к проблеме отражения толстовских исканий в рассказе «Записки маркера». Исследовательница рассматривает историю написания произведения с привлечением подготовительных материалов [Павлова 2024]. В статье анализируются различные художественные приемы, большое внимание уделяется образам двух героев-повествователей, прослеживается связь рассказа с традициями натуральной школы.

Значительный масштаб, широта и глубина освоения наследия Толстого отличают статью А.В. Гулина «Лев Толстой как певец Российской Империи» [Гулин 2022]. Автор работы доказывает, что имперские прозрения и революционные парадоксы в творческом мире Толстого образуют нерасторжимое единство. На примере ряда произведений писателя (Севастопольских рассказов, романа-эпопеи «Война и мир», романа «Анна Каренина») А.В. Гулин демонстрирует, как антигосударственные настроения Толстого теряют силу отрицания в его художественных образах. Статья имеет еще и серьезную методологическую ценность, исследователям предлагается один из новаторских принципов анализа литературного наследия писателя.

В статье В.Г. Андреевой, посвященной героиням Толстого, впервые так целостно и масштабно анализируются женские образы девушек и женщин в повестях и романах Толстого, начиная от «Семейного счастья» и заканчивая «Воскресением» [Андреева 2021]. Исследовательница обращается к динамике женского

образа у Толстого, показывает эпические мерки, которые писатель выбрал для «оценки» слабого пола еще в 1850-е гг. и которым далее следовал на протяжении всего творчества.

Не менее интересные и значимые обобщения сделаны в статье В.Г. Андреевой, посвященной образу земли в художественном творчестве Толстого, — работе поистине новаторской, так как образ земли однозначно оказался недооцененным в толстоведении, ему не уделялось должного внимания [Андреева 2020a]. Исследовательница рассматривает образ земли как одну из эпических констант (наряду с рождением, смертью и войной), показывает, что он связывает все романы Толстого, становится ключевым в позднем творчестве писателя — рьяного сторонника идей американского политэконома Генри Джорджа. Статья ценна в плане осмысления идей Толстого, а также конкретного анализа образа земли в художественном тексте. Выявлено, что земля в романах и повестях Толстого — это не только фон, но и духовный стержень, связанный с идеей народности и укорененности человека. Исследовательница делает вывод, что эпический масштаб толстовского мира во многом достигается через «вертикаль» земли — связь поколений, непрерывность жизни.

Статьи под авторством М.А. Можаровой посвящены важнейшим деталям жизни и творчества Толстого: автор находит моменты, которые с большой любовью были перенесены самим писателем из биографии в литературу. Так, музыкальный термин «основной бас» в романе «Анна Каренина» оказывается превращенным в образ, важный для рассуждения о хозяйстве. Показано, как идея полифонии в музыке переносится на различные аспекты темы в художественном произведении, при этом роль «основного баса» отдана хозяйству богатого и мудрого крестьянина, которым восхищается Константин Левин [Можарова]. В совместной статье М.А. Можаровой с А.В. Син [Можарова, Син] рассматривается вопрос произношения фамилии Левин. Исследователи обстоятельно показывают, что и сам Толстой, и все его окружение произносили и писали фамилию героя только через *e*, что вариант Лёвин противоречит традиции и толстовской воле, он встречается только в паре писем современников и в рассуждениях В.В. Набокова, в которых много субъективных моментов и заключений. Это точечное исследование демонстрирует внимание авторов журнала к деталям биографии и быта Толстого. Подобные филологические заметки, на наш взгляд, украшают выпуски журнала.

В центре внимания И.Б. Павловой находится поздний рассказ писателя «Алеша Горшок» [Павлова 2025]. Автор предлагает глубокий и разноуровневый анализ реализации темы противостояния добра и зла в конкретном произведении и у «позднего» Толстого. Статья ценна также анализом ключевых образов рассказа и мельчайших компонентов изобразительности, знаковых в судьбе главного героя.

Н.Г. Михновец и М.Р. Копосова показывают, что даже небольшая сцена из романа Толстого может быть предметом изучения в серьезной научной статье. Авторы обращаются к сцене на пароме из романа «Воскресение», впервые в литературоведении последовательно снимая многочисленные вопросы и недоумения, связанные с трактовкой указанного отрывка. Исследователи раскрывают внутренний подтекст, показывая опасность борьбы и протеста, заключенных в образе старика-старовера, которого Толстой намеренно наделил противоположными идеями, характерными для народного мыслителя В.К. Сютяева, которого писатель хорошо знал [Михновец, Копосова].

В отдельную группу статей журнала можно выделить работы, в которых проводится *анализ переписки и документов, относящихся к наследию Л.Н. Толстого*.

Научное внимание Е.В. Белоусовой привлек архив семьи Толстого, в частности, архив Марии Николаевны Толстой (урожденной Волконской) — матери писателя. В фонде Российской национальной библиотеки сохранились ее письма, документы и воспоминания, которые позволяют лучше понять семейный и духовный мир, в котором рос будущий автор «Войны и мира». Е.В. Белоусова систематизирует состав фонда, описывает наиболее интересные документы (например, письма М.Н. Толстой к родственникам) и оценивает значение этих материалов для толстоведения [Белоусова]. Обзор и анализ материалов примечателен тем, что раскрывает биографический контекст и семейные традиции, повлиявшие на формирование личности писателя. Фактически данной публикацией журнал предоставляет специалистам сведения о новом архивном источнике.

На протяжении 2023—2024 гг. в журнале был опубликован ряд статей, написанных при поддержке гранта РНФ и касающихся переписки Толстого с русскими писателями. В статье о переписке Толстого и Б.Н. Чичерина В.Г. Андреевой объясняется проблема мировоззренческого столкновения двух видных деятелей русской культурной и общественной жизни второй половины XIX в. [Андреева 2023]. Автор статьи наблюдает за динамикой диалога корреспондентов, показывает их сближения и полусные оценки, делает вывод об очень интересном соперничестве писателя и общественного деятеля в вопросе реализации собственной миссии духовного наставничества. Еще одна статья о переписке Толстого посвящена его корреспонденции с главным редактором журнала «Русский вестник» М.Н. Катковым [Андреева 2024]. В статье показано, что Толстой прекрасно осознавал возможности Каткова как публичного человека, как писатель в разное время испытал на себе влияние изданий Каткова. Анализируются важные детали писем, иллюстрируется предельное внимание редактора к личности Толстого и направлению его работы, подчеркивается стремление Каткова удержать писателя от серьезного вовлечения и ухода в журналистику.

В статье Е.М. Геронимус исследуются взаимоотношения Толстого и Н.Г. Чернышевского на основании их переписки 1850—1860-х гг., а также писем современникам [Геронимус]. Автор работы прослеживает этапы личной и творческой полемики литераторов, показывает их непримиримые расхождения, которые впервые рассматриваются не только в разрезе общественно-политических позиций корреспондентов, но и их отношения к личности.

Интересной и новаторской видится нам работа Л.В. Гладковой (Калужной), в которой исследуются педагогические идеи Толстого на основании его переписки с разными писательницами в 1860-е гг. Ценность статьи заключается в глубоком анализе неопубликованных писем Марко Вовчок, Е.Н. Ахматовой, С.И. Снегосоревой, Е.И. Раевской к Толстому. Автор приходит к выводу о влиянии идей Толстого на женское просветительское движение 1860-х гг. и одновременно показывает, как ответы Толстого отражают становление его собственных педагогических теорий [Гладкова].

К этой же тематической группе статей можно причислить и несколько других, связанных с сопоставлением произведений Толстого с работами его современников, анализом художественного текста писателя на фоне контекста эпохи — документальных, публицистических, мемуарных свидетельств. Так, А.Ю. Сорочан оценивает «Отрывок дневника 1857 года» Толстого в контексте литературы путешествий этого времени, устанавливая закономерности в восприятии разными

писателями, путешественниками Швейцарии [Сорочан]. Исследователь соотносит текст Толстого с произведениями Н.М. Карамзина, Н.И. Греча, А.Г. Глаголева, уточняя модель травелога.

Особого внимания заслуживает статья главного редактора журнала М.И. Щербаковой, которая рассматривает Севастопольские рассказы Толстого не только как художественные произведения, но и как исторический документ Крымской войны. В статье показано, что Толстой, будучи участником обороны Севастополя, сумел запечатлеть подлинный быт, язык, психологию солдат того времени. Анализируется фактография рассказов, сопоставляются описанные Толстым эпизоды с архивными свидетельствами и мемуарами М.И. Богдановича, Э.И. Тотлебена, Х.Я. Гюббенета, Ф.К. Затлера, Н.И. Пирогова, Н.В. Берга, О.И. Константинова. М.И. Щербакова приходит к выводу, что Севастопольские рассказы объединяют художественный нарратив с очерковым началом, формируя правдивую картину эпохи, при этом закладывая основы толстовского пацифизма [Щербакова].

Отдельное тематическое направление, представленное значительным количеством статей журнала «Два века русской классики», связано с изучением авторами вопроса *преемственности в творчестве Толстого и его взаимодействия, диалога с современниками*.

Проблеме влияния гомеровской традиции на художественный метод Толстого посвящена статья Л.Е. Кочешковой [Кочешкова]. Автор рассматривает историю изучения эпической традиции у Толстого и находит важные и новаторские стороны, еще не учтенные литературоведами. В статье оцениваются сознательные и интуитивные отклики Толстого на гомеровские образы и смыслы, рассматриваются черновые материалы и итоговый текст повести «Казачьи рассказы» для доказательства того, как Толстой определял сущностные ситуации человеческой жизни, в совокупности создающие образ бытия, с опорой на гомеровский эпос.

В статье В.Г. Андреевой «Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой: преемственность эпической традиции» прослеживается творческое освоение Толстым художественных открытий Гоголя. Автор отмечает, что Толстой унаследовал гоголевские эпические приемы изображения народной жизни и национального характера, развив их в своих романах-эпопеях. В статье представлен глубокий сравнительный анализ «Мертвых душ» Гоголя и финального эпического произведения Толстого — романа «Воскресение», даны сопоставительные характеристики типов героев, приведены значимые соответствия [Андреева 2022]. В.Г. Андреева приходит к выводу, что Толстой воспринял эпическую традицию Гоголя (образы пути, народного героя, совмещение лиризма и сатиры) и на этой основе создал собственную концепцию национального эпоса.

А.В. Гулин уделил большое внимание вопросу эпического изображения декабристов Толстым и Н.А. Некрасовым [Гулин 2021]. На основании анализа неосуществленного замысла Толстого «Декабристы» и поэм Некрасова «Дедушка» и «Русские женщины» исследователь показывает, как два писателя-современника пришли к разным выводам. Некрасов видел в декабристах мучеников революционной веры, творил декабристский миф, а Толстой в итоге не нашел в поведении декабристов глубинных национальных основ, близких народу, поэтому тема декабризма была им отложена как не соответствующая подлинно эпическому творчеству.

Примечательна не только для толстоведения, но и для достоевсковедения статья И.И. Евлампиева и М.Ю. Матвеевой, посвященная переключкам образов и типов героев у Толстого и Достоевского [Евлампиев, Матвеева]. Авторы работы доказывают, что традиция противопоставления героев двух классиков не верна,

они сравнивают автобиографических персонажей Толстого и Достоевского, показывая принадлежность их к типу мечтателей. Показательны переключки и соответствия, найденные авторами, интересно объяснение наличия в творчестве Толстого сквозного героя — Дмитрия Нехлюдова.

О более поздних и широких литературных переключках и творческих освоениях идет речь в статье Д.Н. Жаткина и В.В. Сердечной, которые оценивают восприятие Толстым поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» в контексте интереса русского классика к идеям буддизма [Жаткин, Сердечная]. В работе отмечается, что прочитанная Толстым поэма стала основой для его статьи о Будде, а также была рекомендована писателем своим помощникам и единомышленникам. Некоторые из них (А.П. Барыкова, А.И. Эртель) реализовали образы и идеи Арнольда в своих произведениях.

В статьях журнала также освещается *влияние мировоззрения Толстого, его нравственных поисков, художественных миров, образов его героев на литературу, культуру, философию XX в.*

Статьи Е.А. Федоровой и В.В. Любарца раскрывают суть творчества Толстого через этическое учение и аксиологический подход А.А. Ухтомского [Федорова; Федорова, Любарец]. Авторы предлагают своеобразную типологию героев-праведников Толстого, однако самое важное то, что оценка художественных миров классиков по Ухтомскому и предложенным им параметрам может производиться потому, что этическое учение философа было создано как раз на материале произведений Толстого и Достоевского. Понятия «доминанта» героя, лицо, собеседник прекрасно приложимы к творчеству Толстого и раскрывают суть его произведений, так как они были созданы и открыты Ухтомским на основании анализа жизни и творчества великого писателя.

Интересным примером изучения литературной рецепции Толстого стала статья Н.Н. Смирновой «Фрагментация и остранение как процесс: В.Б. Шкловский перечитывает Л.Н. Толстого» [Смирнова 2024b]. Фокус исследователя сконцентрирован на том, как крупный теоретик литературы и критик В.Б. Шкловский интерпретировал произведения Толстого. Н.Н. Смирнова отмечает, что Шкловский в своих трудах (в частности, в книге «Материалы и стиль Толстого») уделял особое внимание приему остранения, рассматривая прозу позднего Толстого как образец данного художественного приема. Статья анализирует ключевые мотивы размышлений Шкловского об искусстве Толстого — проблему цельности и фрагментарности произведения, отношении автора к фабуле и сюжету, этические парадоксы в поздней прозе (например, в рассказе «Божеское и человеческое» Толстого). Н.Н. Смирнова приходит к выводу, что Шкловский, хотя и критиковал Толстого за «распад структуры», фактически глубоко ценил его новаторство и стремился переосмыслить толстовскую эстетику в свете формальной школы.

В другой статье Н.Н. Смирновой «Любовь и форма: идеи Л.Н. Толстого в творческом осмыслении М.О. Гершензона» исследуется, как литературовед и философ начала XX в. М.О. Гершензон воспринимал и переосмыслял идеи Толстого о любви, свободе и форме творчества [Смирнова 2024a]. Автор показывает, что Гершензон, полемицируя с толстовским отрицанием «формы» и эстетизма, одновременно испытал значительное влияние этических исканий Толстого. В статье анализируется книга М.О. Гершензона «Лев Толстой и отсутствие эстетического элемента», где утверждается, что именно через отказ от внешней формы Толстой обрел форму духа и любви. Н.Н. Смирнова приходит к выводу, что творчество Гершензона фактически развивает ряд толстовских интуиций (в особенности идею внутренней свободы личности), хотя формально он критиковал учение Толстого.

В статье Н.Л. Ермолаевой сравниваются мировоззрение и художественные подходы Толстого и А.Т. Твардовского [Ермолаева]. Автор отмечает, что несмотря на хронологическую дистанцию, Твардовский в поэме «Василий Теркин» и других произведениях воспринял толстовские принципы эпического мышления — стремление к народности, соединение лирического героя с эпическим началом, особый тип повествования. Н.Л. Ермолаева прослеживает параллели между героями Толстого (например, Платоном Каратаевым) и образами Твардовского, указывает на созвучие их морально-философских позиций в осмыслении войны и роли в ней народа. Статья заполняет нишу в сравнительных исследованиях, прослеживая истоки советского эпического канона в творчестве Толстого.

Интересной и перспективной, намечающей линии дальнейшего исследования рецепции произведений Толстого, видится нам статья Е.Ю. Кнорре, посвященная традициям Толстого в усадебном тексте XX в. [Кнорре]. Автор статьи обращается к переключкам образов усадьбы и войны у Толстого и его последователей, отмечает, что толстовская парадигма восприятия идеальной усадьбы как образа праведного хозяйствования и миротворчества становится определяющей в изображении усадьбы во время войны в литературе XX в.

Таким образом, за период с 2019 по 2025 г. журнал «Два века русской классики» зарекомендовал себя как авторитетная площадка для публикаций результатов научных исследований. На его страницах увидели свет новые архивные источники; были опубликованы обстоятельные исследования, раскрывающие творчество Толстого в широком контексте русской и мировой культуры; вышли текстологические статьи, углубляющие знание о творческой лаборатории писателя и т. д. Все публикации, представленные в журнале, написаны на высоком научном уровне, с тщательным комментарием и привлечением широкого круга источников, что соответствует требованиям отечественных и международных баз данных.

Можно констатировать, что публикации научного филологического журнала «Два века русской классики» существенно обогащают толстоведение нашего времени. Журнал не только вводит в научный оборот новые документы, но и предлагает новаторские интерпретации давно изученных, казалось бы, тем: от исследований художественной формы, образов до проблем мировоззренческих исканий Толстого. Вклад журнала «Два века русской классики» в изучение жизни и творчества Толстого является значительным и направлен на перспективу, подтверждает ценность наследия Толстого для современных гуманитарных наук и в целом для жизни людей.

Список литературы / References

- Андреева В.Г. Героини романов Л.Н. Толстого и «одуряющее свойство» светского существования // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 160—209.
(Andreeva V.G. Heroines of Leo Tolstoy's Novels and the “Stupefying Character” of Secular Existence, Two centuries of the Russian classics, 2021, vol. 3, iss. 1, pp. 160—209. — In Russ.)
- Андреева В.Г. «Катков... как раз годится для публики»: переписка Л.Н. Толстого и М.Н. Каткова 1850—1860-х гг. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 20—39.
(Andreeva V.G. “Katkov... Is Just Right for the Public”: correspondence between L.N. Tolstoy and M.N. Katkov in the 1850`s—1860`s, Two centuries of the Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 2, pp. 20—39. — In Russ.)
- Андреева В.Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54—83.
(Andreeva V.G. “Dear Friend... Do not be Angry for Frankness!”: correspondence of L.N. Tolstoy and B.N. Chicherin, Two centuries of the Russian classics, 2023, vol. 5, iss. 1, pp. 54—83. — In Russ.)

- Андреева В.Г. Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой: преемственность эпической традиции // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 118—165.
(Andreeva V.G. N.V. Gogol and L.N. Tolstoy: the Continuity of the Epic Tradition, Two centuries of the Russian classics, 2022, vol. 4, iss. 1, pp. 118—165. — In Russ.)
- Андреева В.Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020а. Т. 2, № 2. С. 192—227.
(Andreeva V.G. The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds of Leo Tolstoy's novels, Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, iss. 2, pp. 192—227. — In Russ.)
- Андреева В.Г. Работа Л.Н. Толстого над образами героев рассказа «Хозяин и работник» // Два века русской классики. 2020б. Т. 2, № 1. С. 224—243.
(Andreeva V.G. The work of L.N. Tolstoy on the characters of the story "Master and Man", Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, iss. 1, pp. 224—243. — In Russ.)
- Белоусова Е.В. Обзор фонда М.Н. Толстой, матери Толстого в отделе рукописей РНБ // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 236—273.
(Belousova E.V. Review of Tolstoy's Mother M.N. Tolstaya Collection in the Manuscript Department of the National Library of Russia, Two centuries of the Russian classics, 2023, vol. 5, iss. 3, pp. 236—273. — In Russ.)
- Геронимус Е.М. Л.Н. Толстой и Н.Г. Чернышевский: притяжения и отталкивания — личные и литературные // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 110—123.
(Geronimus E.M. L.N. Tolstoy and N.G. Chernyshevsky: Attractions and Repulsions — Personal and Literary, Two centuries of the Russian classics, 2023, vol. 5, iss. 3, pp. 110—123. — In Russ.)
- Гладкова (Калюзная) Л.В. Педагогические идеи Л.Н. Толстого и его переписка с русскими писательницами 1860-х гг. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 110—125.
(Gladkova (Kaluzhnaya) L.V. Pedagogical Ideas of L.N. Tolstoy and his Correspondence with Russian Women Writers the of the 1860s, Two centuries of the Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 4, pp. 110—125. — In Russ.)
- Гулин А.В. Декабристы в эпическом отображении Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 96—119.
(Gulin A.V. The Decembrists in the Epic Representation of L.N. Tolstoy and N.A. Nekrasov, Two centuries of the Russian classics, 2021, vol. 3, iss. 2, pp. 96—119. — In Russ.)
- Гулин А.В. Лев Толстой как певец Российской Империи // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 18—41.
(Gulin V.A. Leo Tolstoy as a Singer of the Russian Empire, Two centuries of Russian classics, 2022, vol. 4, iss. 2, pp. 18—41. — In Russ.)
- Гулин А.В. Несбывшийся эпос (Л.Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 3. С. 86—117.
(Gulin A.V. An unrealised epic (Leo Tolstoy busy with a novel of the days of Peter I), Two centuries of Russian classics, 2020, vol. 2, iss. 3, pp. 86—117. — In Russ.)
- Жаткин Д.Н., Сердечная В.В. Рецепция поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» и идеи буддизма в творчестве Л.Н. Толстого и «толстовского круга» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 240—263.
(Zhatkin D.N., Serdechnaya V.V. Reception of Edwin Arnold's Poem Light of Asia and the Ideas of Buddhism in the Works of Leo Tolstoy and the Tolstoy Circle, Two centuries of Russian classics, 2025, vol. 7, iss. 1, pp. 240—263. — In Russ.)
- Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Две версии портрета «человека, усиленно сознающего»: «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 142—175.
(Evlampiev I.I., Matveeva I.Yu. Two Versions of the Portrait of a "Person Intensely Conscious": Notes from the Underground by F.M. Dostoevsky as a Creative Response to Boyhood and Youth by L.N. Tolstoy, Two centuries of Russian classics, 2025, vol. 7, iss. 2, pp. 142—175. — In Russ.)

- Ермолаева Н.Л. Л.Н. Толстой и А.Т. Твардовский. На пути к эпосу // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 96—119.
(Ermolaeva N.L. L.N. Tolstoy and A.T. Tvardovsky. On the Way to Epic, Two centuries of Russian classics, 2022, vol. 4, iss. 3, pp. 96—119. — In Russ.)
- Кнорре Е.Ю. «Делили имение во время войны»: традиции Л.Н. Толстого в усадебном тексте XX в. // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 164—201.
(Knorre E.Yu. “They Divided the Estate During the War”: L.N. Tolstoy’s Traditions in the Estate Text of the 20th Century, Two centuries of Russian classics, 2023, vol. 5, iss. 3, pp. 164—201. — In Russ.)
- Ковалева Г.Н. «...Никон встал и опять пошел пешком через Красную площадь на Ильинку»: исторические источники записей Л.Н. Толстого о Патриархе Никоне в материалах к <Роману из времени Петра I> // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 202—217.
(Kovaleva G.N. “...Nikon Got up and Walked Across Red Square to Ilyinka Again”: Historical Sources of L.N. Tolstoy’s Notes About Patriarch Nikon in the Materials for <A Novel from the Time of Peter I>, Two centuries of Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 4, pp. 202—217. — In Russ.)
- Кочешкова Л.Е. «Гомеровское» в повести Л.Н. Толстого «Казачи» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 176—199.
(Kocheshkova L.Ye. “Homeric” in The Cossacks by L.N. Tolstoy, Two centuries of Russian classics, 2025, vol. 7, iss. 2, pp. 176—199. — In Russ.)
- Михновец Н.Г. Копосова М.Р. Предыстория и значение сцены на пароме в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 112—137.
(Mikhnovets N.G., Korosova M.R. Background and Meaning of the Scene on the Ferry in L.N. Tolstoy’s Novel Resurrection, Two centuries of Russian classics, 2022, vol. 4, iss. 4, pp. 112—137. — In Russ.)
- Можарова М.А., Син А.В. «У нас дома все говорили “Левин”»: о произношении фамилии героя романа «Анна Каренина» в семье Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 202—227.
(Mozharova M.A., Sin A.V. “In Our Home Everyone Said Lévin”: on the Pronunciation of the Surname of Anna Karenina’s Character in L.N. Tolstoy’s Family, Two centuries of Russian classics, 2022, vol. 4, iss. 1, pp. 202—227. — In Russ.)
- Можарова М.А. «Основной бас»: к истории одного музыкального образа в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 186—201.
(Mozharova M.A. “Thorough Bass”: on the History of a Musical Image in L.N. Tolstoy’s Novel Anna Karenina, Two centuries of Russian classics, 2021, vol. 3, iss. 2, pp. 186—201. — In Russ.)
- Николаева Е.В. Петр I и его время в творчестве Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 102—111.
(Nikolaeva E.V. Peter I and His Era in the Works of Leo Tolstoy, Two centuries of Russian classics, 2022, vol. 4, iss. 4, pp. 102—111. — In Russ.)
- Павлова И.Б. Отражение мировоззренческих и художественных исканий Л.Н. Толстого в рассказе «Записки маркера» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 102—123.
(Pavlova I.B. “The Reflection of L.N. Tolstoy’s Ideological and Artistic Quests in the Story “A Billiard-Marker’s Notes”, Two centuries of Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 1, pp. 102—123. — In Russ.)
- Павлова И.Б. Рассказ Л.Н. Толстого «Алеша Горшок». Опыт интерпретации // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 200—219.
(Pavlova I.B. The Story “Alyosha the Pot” by Leo Tolstoy: Interpretation Experience, Two centuries of Russian classics, 2025, vol. 7, iss. 2, pp. 200—219. — In Russ.)

- Сизова И.И. Лев Толстой в работе над романом «Декабристы» // Два века русской классики. 2019. № 1. С. 104—117.
(Sizova I.I. Leo Tolstoy in the novel “The Decembrists”, Two centuries of Russian classics, 2019, vol. 1, iss. 1, pp. 104—117. — In Russ.)
- Сизова И.И. Проблема критики текста рассказа Л.Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» (1885) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 244—261.
(Sizova I.I. The Issue of Criticizing the Text of the Short Story “Where Love Is, There God Is Also” by Leo Tolstoy (1885), Two centuries of Russian classics, 2021, vol. 3, iss. 1, pp. 244—261. — In Russ.)
- Смирнова Н.Н. Любовь и форма: идеи Л.Н. Толстого в творческом осмыслении М.О. Гершензона // Два века русской классики. 2024а. Т. 6, № 4. С. 126—137.
(Smirnova N.N. Love and Literary Form: L.N. Tolstoy’s Ideas Recepted by M.O. Gershenzon, Two centuries of Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 4, pp. 126—137. — In Russ.)
- Смирнова Н.Н. Фрагментация и остранение как процесс: В.Б. Шкловский перечитывает Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2024б. Т. 6, № 2. С. 66—81.
(Smirnova N.N. Fragmentation and Defamiliarization as a Process: V.B. Shklovsky Rereads L.N. Tolstoy, Two centuries of Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 2, pp. 66—81. — In Russ.)
- Сорочан А.Ю. Гостиницы, салоны, пансионаты: из комментария к «Отрывку дневника 1857 года» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 3. С. 72—85.
(Sorochan A.Yu. Hotels, salons, guest houses: from the commentary to the “Excerpt of the Diary of 1857” by L.N. Tolstoy, Two centuries of Russian classics, 2020, vol. 2, iss. 3, pp. 72—85. — In Russ.)
- Стерликова С.А. Итоги XVIII Весенних Толстовских чтений // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 142—153.
(Sterlikova S.A. Results of the XVIII Spring Tolstoy Readings, Two centuries of Russian classics, 2023, vol. 5, iss. 2, pp. 142—153. — In Russ.)
- Стерликова С.А. Юбилейные XX Весенние Толстовские чтения ИМЛИ РАН // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 318—335.
(Sterlikova S.A. Anniversary 20th Spring Tolstoy Readings at the IWL RAS, Two centuries of Russian classics, 2025, vol. 7, no. 2, pp. 318—335. — In Russ.)
- Федорова Е.А. «Великие грешники» и праведники Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в свете этического учения А.А. Ухтомского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 210—231.
(Fedorova E.A. “Great Sinners” and Righteous People of L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky in the Light of A.A. Ukhtomsky’s Ethical Teaching, Two centuries of Russian classics, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 210—231. — In Russ.)
- Федорова Е.А., Любарец В.В. Тема отрочества в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского: аксиологический подход А.А. Ухтомского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 126—143.
(Fedorova E.A., Liubarets V.V. The Theme of Adolescence in the Works of L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky: Axiological Approach of A.A. Ukhtomsky, Two centuries of Russian classics, 2024, vol. 6, iss. 3, pp. 126—143. — In Russ.)
- Щербакова М.И. Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого как документ эпохи // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 90—103.
(Shcherbakova M.I. Sevastopol Stories by L.N. Tolstoy as a Document of the Era, Two centuries of Russian classics, 2023, vol. 5, no. 2, pp. 90—103. — In Russ.)

NEW MATERIALS ON THE CREATIVE LEGACY OF L.N. TOLSTOY IN THE JOURNAL “TWO CENTURIES OF RUSSIAN CLASSICS”

Elena V. Pronina

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Tula, Russian Federation, alepro@yandex.ru

Abstract. This article describes and briefly characterizes the scholarly philological journal “Two Centuries of Russian Classics”, which is included in Russian and international databases. The journal is published by the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. During its seven-year existence, it has become one of the leading literary journals, actively publishing materials on contemporary Tolstoy studies. The review offers a thematic classification of the journal's articles devoted to the life and work of L.N. Tolstoy and the reception of his legacy. The innovative nature of all the works, their high scientific literacy, and their relevance are noted, and the academic status of the journal is emphasized, as it publishes only promising, theoretically and practically significant research.

Keywords: scientific journal, philological journal, articles, literary studies, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, L.N. Tolstoy, Tolstoy studies, analytical review, scholarly publication

For citation: Pronina. E.V. New materials on the creative legacy of L.N. Tolstoy in the journal “Two Centuries of Russian Classics”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 164—175.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Пронина Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия, alepro@yandex.ru, SPIN: 8091-3680

Pronina Elena Viktorovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Tula, Russian Federation, alepro@yandex.ru

ЮБИЛЕЙНОЕ ANNIVERSARY

Ольга Михайловна Карпова

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 176—183.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 176—183.*

Научная статья
УДК 81'374:929
EDN <https://elibrary.ru/uvteci>
DOI: 10.46726/Н.2026.1.21

В НАУКЕ НЕТ ПРОВИНЦИЙ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА О.М. КАРПОВОЙ

Екатерина Анатольевна Шилова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
shilovaea@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья посвящена юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Михайловны Карповой — основателя и бессменного руководителя Ивановской лексикографической школы. Освещается многогранная деятельность ученого, чьи труды получили международное признание. Показан вклад О.М. Карповой в развитие теории и практики писательской лексикографии, в частности, разработку уникальной теории

английской авторской лексикографии и создание полной хронологической библиографии словарей писателей. Особое внимание уделяется роли профессора в организации международного научного сотрудничества: проведении десяти школ-семинаров по лексикографии, издании коллективных монографий в престижном издательстве Cambridge Scholars Publishing, а также реализации инновационных международных проектов (создание энциклопедического словаря “Florence in the Works of World Famous People”). Анализируется педагогическая деятельность О.М. Карповой, подготовка ею научных кадров и работа по укреплению авторитета Ивановского государственного университета в мировом научном пространстве.

Ключевые слова: лексикография, Ивановская лексикографическая школа, писательская лексикография, международные лексикографические проекты, авторский словарь, подготовка научных кадров

Для цитирования: Шилова Е.А. В науке нет провинций: к юбилею профессора О.М. Карповой // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 176—183.

Ивановский государственный университет по праву гордится плеядой ученых, чьи труды получили признание в России и за рубежом. Ярким представителем этой когорты является доктор филологических наук, профессор Ольга Михайловна Карпова, чья научная, педагогическая и общественная деятельность на протяжении десятилетий определяет векторы развития филологической науки в нашем вузе.

У истоков научной школы

Путь в большую науку выпускницы Ивановского государственного педагогического института О.М. Карповой начался в 1970-е годы в стенах Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Обучение в аспирантуре под руководством профессора Леонида Павловича Ступина, выдающегося ученого и педагога, самобытного и незаурядного человека, предопределило сферу научных интересов молодого исследователя. В 1978 году состоялась успешная защита кандидатской диссертации «Историко-типологическое исследование словарей языка английских и американских писателей». Благодаря своей огромной трудоспособности, целеустремленности и неподдельному интересу к выбранному объекту исследования Ольга Михайловна в 1990 году блестяще защитила докторскую диссертацию «Шекспировская лексикография. Типология. Становление. Проблемы». Именно проблематика писательской лексикографии стала магистральным направлением научного поиска профессора О.М. Карповой. Разработанная ею теория английской писательской лексикографии и составленная полная хронологическая библиография авторских словарей начиная с XVI века представляют собой уникальный вклад в мировую лексикографическую науку. Свидетельством международного признания является вышедшая в 2011 году в престижном издательстве Cambridge Scholars Publishing монография О.М. Карповой «English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.)».

Уникальность научного метода О.М. Карповой заключается в органичном синтезе традиций отечественной и зарубежной лексикографии. Принципы анализа, заложенные Л.П. Ступиным, были не только сохранены, но и обогащены за счет активного включения в международный научный контекст. С начала 1990-х годов Ольга Михайловна начинает участвовать в престижных международных конференциях и форумах, устанавливает профессиональные контакты с ведущими мировыми лексикографическими центрами, осуществляет научно-исследовательскую деятельность в Англии по гранту Британской академии и в Университете Осло по гранту Норвежского исследовательского центра, стано-

вится членом Европейской ассоциации лексикографии (EURALEX), открывая таким образом новые горизонты для развития российской лексикографии.

Лексикографическая школа как феномен

О.М. Карпова является основателем и бессменным руководителем Ивановской лексикографической школы, действующей на базе Ивановского государственного университета. Знаковым событием, консолидировавшим научное сообщество, стала организация десяти Международных школ-семинаров по лексикографии (1995—2013). Эти научные биеннале стали визитной карточкой Ивановской школы и собирали ведущих специалистов из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Первым иностранным приглашенным лектором стал основатель ЕВРАЛЕКС'а доктор Р.Р.К. Хартманн (Великобритания); в разные годы с пленарными докладами выступали Г. Пихт (Германия), Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), К. Варантола и К. Лорен (Финляндия), Дж. Коулман и Л. Магглстоун (Великобритания), С. Нильсен (Дания), Дж. Иамартино (Италия), М. Милич и П. Новаков (Сербия), Дж. Консидин и В. Скибина (Канада), Р. Гаувз и Л. Пиенаар (ЮАР), М. Шигеру и К. Миёси (Япония), К. Хейсли (США), экс-президенты ЕВРАЛЕКС'а Дж. Уильямс (Франция) и Дж. ДеСезарис (Испания) и другие авторитетные лексикографы и терминологи, проявившие неподдельный интерес к российской науке и Ивановской лексикографической школе. Участники обсуждали проблемы исторической и страноведческой, учебной и писательской лексикографии, лексикографии культурного наследия. В фокусе их внимания оказывались вопросы терминологии и терминографии, использования словарей в профессиональной деятельности, лексикографической разработки языковых единиц, объективирующего коммуникативное поведение людей. Состоялись презентации проектов новых лингвистических и энциклопедических словарей, печатных и электронных справочников для общих и специальных целей. Аспиранты имели уникальную возможность апробировать результаты своих первых изысканий, получить необходимые консультации ученых с мировым именем, овладеть навыками проведения научных дискуссий, что обеспечивало высокий уровень подготовки молодых специалистов. Юбилейная, десятая, школа-семинар прошла сразу на двух площадках — в Иванове и Флоренции, что символизировало выход ивановской лексикографии на международный уровень.

Материалы, опубликованные под редакцией профессора Карповой по итогам этих научных форумов, составили десять томов, отражающих эволюцию лексикографической мысли.

Школы-семинары завоевали исключительную популярность и среди ведущих издательств научной и справочной литературы, таких как Астрель, Академия, АБВУУ Lingvo и др. Чрезвычайно успешным оказалось сотрудничество с лексикографическим домом HarperCollins (Великобритания). За нескольких лет команда экспертов под руководством О.М. Карповой подготовила более сотни рецензий на новые словари серии Collins, отразив в них специфику российского пользователя.

В 2015 и 2016 годах под руководством Ольги Михайловны были организованы два международных научных симпозиума «Перевод в меняющемся мире» с участием видных отечественных и зарубежных ученых. В московском издательстве «Азбуковник» опубликованы материалы симпозиумов, которые широко цитируются в работах специалистов.

Масштаб научного творчества

Научное наследие профессора О.М. Карповой впечатляет своей масштабностью: более 400 трудов, включая 24 монографии и многочисленные учебные пособия. Беспрецедентным для ИвГУ событием стал выход пяти коллективных мо-

нографий в издательстве Cambridge Scholars Publishing (Великобритания) под редакцией профессоров О.М. Карповой и Ф.И. Карташковой. Труды «Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures» (2007), «Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook» (2009), «New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis» (2010), «Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century» (2013) и «Life beyond Dictionaries» (2015), объединившие исследования ведущих лексикографов, вызвали широкий резонанс в лингвистических кругах и были высоко оценены профессионалами, что, безусловно, способствовало продвижению российской науки на мировом уровне.

Высокий авторитет ученого также подтверждается участием в коллективном труде «The Routledge Handbook of Lexicography» (Лондон, 2017), где отдельная глава за авторством О.М. Карповой посвящена российской лексикографии в эпоху Интернета.

Ее учебное пособие «Английская лексикография», вышедшее под грифом УМО в 2010 году, стало настольной книгой для студентов языковых факультетов российских вузов.

Воспитание научной смены

Более четверти века Ольга Михайловна отдала кафедре английской филологии ИвГУ, которую возглавляла с 1991 по 2020 год. Под ее руководством кафедра утвердилась в качестве признанного научно-методического центра, установила партнерские связи с МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, МПГУ, университетами Хельсинки, Тампере, Милана, Флоренции и Турина.

При личном участии заведующего фонды кафедры регулярно пополнялись новейшими обучающими и справочными пособиями, подготовленными как ведущими отечественными и зарубежными издательствами и разработчиками, так и собственно преподавателями кафедры. Богатейшей медиатеке с аутентичными материалами могли позавидовать столичные вузы.

В 1995 году при кафедре была открыта аспирантура по направлению 10.02.04 — германские языки, что позволило создать стройную систему воспроизводства научных кадров. Талантливые выпускники продолжали обучение и научно-исследовательскую деятельность по актуальным направлениям лингвистики: проблемам теоретической и прикладной лексикографии, гендерным исследованиям, речевому и невербальному общению, фонетическим аспектам билингвизма, истории языка. За время существования аспирантуры было подготовлено более 80 кандидатов наук.

Долгое время профессор Карпова являлась председателем диссертационного совета ДМ 212.062.06 по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям 10.02.04 — германские языки и 10.02.01 — русский язык.

Под руководством Ольги Михайловны защищены 31 кандидатская и 3 докторских диссертации по проблемам общей и специальной лексикографии и терминологии. Еще две диссертации находятся сейчас на стадии завершения. Благодаря профессиональным контактам научного руководителя многие аспиранты и молодые исследователи прошли стажировки в лексикографических и терминологических центрах Великобритании, Дании и Италии, сумели разработать авторские курсы, пользовавшиеся популярностью у студентов.

В настоящее время воспитанники профессора успешно работают в университетах России и зарубежных стран, в государственных и коммерческих структурах, в средствах массовой информации, неизменно подтверждая высокую репутацию школы.

Инновационные проекты и международное сотрудничество

О.М. Карпова выступила инициатором ряда уникальных образовательных проектов. В 1998—1999 годах совместно с деканом факультета романо-германской филологии ИвГУ доцентом И.П. Лихаревой была разработана дополнительная образовательная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», предоставляющая возможность студентам разных направлений подготовки расширить сферу своей профессиональной компетенции. Кафедра английской филологии первой в Ивановском регионе получила право на ее реализацию.

Особое место в жизни Ивановского государственного университета занимают «Шекспировские чтения». Из камерного мероприятия кафедры английской филологии они выросли в международный фестиваль-конкурс, в котором участвуют не только студенты из вузов соседних областей, но и из Беларуси. Популярный проект, инициированный в далеком 1991 году Ольгой Михайловной, сочетает научное осмысление наследия великого драматурга с раскрытием творческого потенциала молодежи. Студенты декламируют сонеты У. Шекспира на разных языках, представляют на суд жюри собственные поэтические переводы, а также театральные постановки наиболее ярких отрывков из пьес английского классика.

Деятельность О.М. Карповой на посту президента Ивановской областной ассоциации преподавателей английского языка IVELTA ознаменовалась важной инициативой — учреждением на площадке ИвГУ ежегодных семинаров «ELT Professional Development», призванных консолидировать усилия преподавательского сообщества региона в вопросах повышения квалификации. Программа семинаров, как правило, включает обзор современных учебно-методических комплексов, внедрение инновационных технологий обучения иностранным языкам, а также лекции и мастер-классы, проводимые ведущими методистами и практиками, что обеспечивает доступ к передовому педагогическому опыту.

Особую ценность семинарам всегда придавало присутствие носителей английского языка: участники получали непосредственный контакт с живой речью, знакомились с аутентичными методическими традициями, совершенствовали собственную языковую компетенцию в естественной коммуникативной среде и расширяли лингвострановедческий кругозор.

Международная деятельность О.М. Карповой отличается широтой и практической результативностью. Более десяти лет она руководила академическим обменом с Бизнес-колледжем г. Хернинг (Дания), в котором приняли участие свыше 650 студентов с обеих сторон. Важно подчеркнуть, что на рубеже 1990—2000-х годов системные академические обмены с европейскими образовательными учреждениями представляли собой для Ивановской области скорее исключение, чем практику, и требовали от организаторов значительных усилий по преодолению бюрократических и логистических барьеров. Успешная реализация данного проекта стала возможной во многом благодаря настойчивости и профессиональному авторитету профессора Карповой. Для участников программа стала школой межкультурной коммуникации, позволив им не только познакомиться с системой образования и социальными институтами Дании, но и представить зарубежным сверстникам богатство российской культуры.

Период 2008—2021 годов ознаменовался плодотворным сотрудничеством Ивановского государственного университета с итальянским культурным Фондом Ромуальдо дель Бьянко, результатом которого стала реализация масштабного международного проекта студенческой интеграции. В рамках инициированных профессором Карповой студенческих семинаров во Флоренции был создан инновационный англоязычный энциклопедический словарь ассоциативного типа для гидов и туристов «Florence in the Works of World Famous People».

Уникальность проекта заключалась в его интернациональном характере и практико-ориентированном подходе: в работе над словарем приняли участие студенты 11 российских университетов, а также их сверстники из Хорватии, Сербии, Италии, Венгрии и Литвы. Юные исследователи выступили в роли лексикографов, разрабатывая статьи о выдающихся деятелях мировой культуры (художниках, поэтах, писателях, музыкантах), чье творчество было связано с Флоренцией. Всего участниками проекта было подготовлено более 220 словарных статей, посвященных персоналиям из полутора десятков стран, среди которых И. Айвазовский, А. Дюрер, У. Шекспир, Ф. Достоевский, П.Б. Шелли, С. Рахманинов, М. Ростропович и многие другие. Научная значимость и высокое качество разработки получили признание профессионального сообщества. Словарь неоднократно становился предметом обсуждения на престижных международных конференциях (EURALEX, eLex, International Day of ICOMOS).

Примечательно, что методологические принципы, разработанные О.М. Карповой и апробированные студентами в ходе итальянского проекта, получили дальнейшее развитие. Экстраполируя накопленный опыт, партнеры по проекту создали словари локального энциклопедического дискурса, посвященные Барселоне, Санкт-Петербургу, Челябинску. На кафедре зарубежной филологии ИвГУ в настоящее время ведется работа над англоязычным словарем персоналий Ивановской области, призванным стать хранилищем культурно-исторического наследия региона.

Значимым для университета в целом стало участие студентов под руководством Ольги Михайловны в Международном фестивале культурного самовыражения стран и территорий «The World in Florence», состоявшемся во Флоренции в ноябре 2021 года по инициативе Фонда Ромуальдо дель Бьянко. Для интерактивной фотовыставки студенты подготовили тематические постеры, освещающие ключевые аспекты культурного ландшафта региона. Технической инновацией проекта стало использование NFC-технологии: размещенные на постерах коды обеспечивали посетителям выставки мгновенный доступ к специальному разделу сайта фестиваля, посвященному Ивановской области. Такое решение позволило органично соединить физическое выставочное пространство с цифровым контентом, существенно расширив объем представляемой информации. Кульминацией участия ивановских студентов стало выступление на масштабной онлайн-конференции с презентацией «Локальный культурный бренд Иванова», которая раскрыла культурную самобытность Ивановской области на международном уровне и продемонстрировала высокий уровень языковой и исследовательской подготовки студентов ИвГУ.

Общественное служение и признание

О.М. Карпова многие годы совмещала интенсивную научную работу с ответственной административной и общественной деятельностью. Занимая пост проректора по связям с общественностью и воспитательной работе, она внесла неоценимый вклад в формирование имиджа университета, развитие студенческого самоуправления, профориентацию и содействие трудоустройству выпускников. В ее ведении находились связи университета с прессой, Администрацией города Иванова, Правительством Ивановской области, образовательными учреждениями, потенциальными работодателями, под ее руководством начинали свою работу университетский центр «Карьера» и Коллегиальный орган студенческого самоуправления ИвГУ, были разработаны «Концепция воспитательной деятельности университета» и «Здоровьесберегающая программа сопровождения образовательного процесса».

Деятельность О.М. Карповой на посту проректора отличалась пристальным вниманием к вопросам эстетического и нравственного развития студенческой молодежи. По ее предложению были учреждены университетские проекты «Свет России» и «Студенческая филармония», пользовавшиеся широкой популярностью в академической среде. Они выполняли важную культурно-просветительскую функцию, предоставляя возможность ивановским художникам и музыкантам

представить свои работы широкой аудитории, а студентам и преподавателям — познакомиться с актуальными тенденциями современного искусства.

Еще одним направлением общественной деятельности Ольги Михайловны стало участие студентов-волонтеров ИвГУ в организации международного кинофестиваля имени Андрея Тарковского «Зеркало», ежегодно проводимого на Ивановской земле. Кураторство волонтерской деятельности в рамках столь представительного форума способствовало интеграции университета в культурное пространство региона и приобретению обучающимися опыта работы на мероприятиях высокого уровня.

Научные заслуги профессора Карповой отмечены многочисленными наградами. Она является лауреатом двух премий Verbatim Awards Европейской ассоциации лексикографии (1993, 1997), награждена медалью Юджина Вюстера (ЮНЕСКО) за пропаганду российской науки за рубежом, удостоена почетного звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2010 году она стала лауреатом премии Ивановской области «Женщина года» за личный вклад в развитие научного и культурного потенциала города Иванова и Ивановской области, за активную гражданскую и нравственную позицию. В год 50-летнего юбилея Ивановского государственного университета, в ознаменование выдающихся заслуг в его становлении и развитии Ольге Михайловне было присуждено высокое звание «Почетный работник ИвГУ».

На сегодняшний день О.М. Карпова совмещает активную научно-организационную и педагогическую деятельность: она возглавляет научно-образовательный центр «Современная российская и европейская лексикография», входит в состав ученого совета ИвГУ, является председателем секции лексикологии и лексикографии Национального общества прикладной лингвистики (НОПРИЛ). Профессор регулярно принимает участие в международных конференциях, публикуется в авторитетных российских и зарубежных журналах, продолжает руководство магистрантами и аспирантами. Высокая результативность ее научной деятельности находит отражение в показателях публикационной активности. Общее число публикаций О.М. Карповой в научной электронной библиотеке eLibrary.ru превышает 230, количество цитирований — 2438, а индекс Хирша равен 15. Только за последние пять лет ею подготовлены две монографии, одиннадцать глав в коллективных монографиях, три статьи, индексируемые в базе Scopus, и более двадцати статей в журналах перечня ВАК.

Заслуживает внимания новая инициатива идейного вдохновителя Ивановской лексикографической школы — ежегодный всероссийский (с международным участием) научно-просветительский семинар, приуроченный ко Дню словарей и энциклопедий, который отмечается в России 22 ноября. В рамках этого мероприятия участники обращаются к многовековым традициям систематизации знаний, знакомятся с фундаментальными лингвистическими энциклопедиями и современными сетевыми ресурсами, созданными по принципу волонтерской лексикографии. Важной частью дискуссии становится осмысление места словарей и энциклопедий в эпоху искусственного интеллекта и больших данных, а также прогнозирование путей развития лексикографии в будущем.

Основанный О.М. Карповой лексикографический кабинет, фондами которого могут свободно пользоваться и преподаватели, и студенты университета, по праву гордится своим собранием. В его коллекции — сотни словарей и энциклопедий от самых авторитетных издательств мира, среди которых Oxford University Press, Cambridge University Press, HarperCollins, Macmillan, Merriam-Webster, Kernermann Publishing и др. В ней широко представлены современные учебные и методические пособия по лексикографии, терминоведению, языкам для специальных целей (LSP), теории перевода и межкультурной коммуникации, сборники научных трудов и материалов международных конференций, а также редкая подборка диссертационных исследований последних двадцати лет. Искренней признательности заслуживает щедрый дар Учителя, пополнивший коллекцию десятками

изданий из её личной библиотеки. Среди переданных книг экземпляры с автографами известных лексикографов и ученых, что превращает их в уникальные образцы книжной культуры и бесценный материал для исследователей.

Масштаб научной, международной и общественной деятельности Ольги Михайловны Карповой служит блестящим доказательством того, что для подлинной науки не существует географических границ и понятия «провинция». Ольга Михайловна принадлежит к той редкой плеяде ученых, чей талант гармонично сочетает личные достижения с даром наставничества. Создавая вокруг себя атмосферу непрерывного творческого поиска, она щедро передает знания ученикам и формирует новые поколения исследователей. Для коллег и студентов профессор Карпова остается эталоном целеустремленности, высокой работоспособности и подлинной профессиональной культуры.

Коллектив Ивановского государственного университета, коллеги и многочисленные ученики сердечно поздравляют Ольгу Михайловну с юбилеем и желают ей творческого вдохновения, новых блестящих открытий и покорения неизведанных научных горизонтов.

THERE ARE NO PROVINCES IN SCIENCE: CELEBRATING THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR OLGA KARPOVA

Ekaterina A. Shilova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shilovaea@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article celebrates the anniversary of Olga M. Karpova, Doctor of Philology, Professor, the founder of Ivanovo Lexicography School. The multifaceted activities of the internationally recognized scholar are highlighted. The paper showcases Olga Karpova's contribution to the theory and practice of author lexicography, specifically her development of a unique theory of English author lexicography and the creation of a complete chronological bibliography of author dictionaries. Special attention is paid to the professor's role in fostering international academic cooperation: organizing ten International Schools on Lexicography, publishing collective monographs with the prestigious Cambridge Scholars Publishing, and implementing innovative international projects (such as the creation of the encyclopedic dictionary "Florence in the Works of World Famous People"). The article also analyzes Professor Karpova's pedagogical work, her supervision of academic trainees, and her efforts to strengthen the reputation of Ivanovo State University within the global academic community.

Keywords: lexicography, Ivanovo Lexicography School, author lexicography, international lexicographic projects, author dictionary, academic supervision

For citation: Shilova E.A. There are no provinces in science: celebrating the anniversary of professor Olga Karpova, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 176—183.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 29.01.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Шилова Екатерина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shilovaea@ivanovo.ac.ru, SPIN: 3913-7579

Shilova Ekaterina Anatolyevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shilovaea@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 184—191.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 184—191.

Научная статья

УДК 81'42:004.738.5

EDN <https://elibrary.ru/wbyoqw>

DOI: 10.46726/И.2026.1.22

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ТЕРМИНОГРАФИЯ В ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

olga.m.karпова@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию современных тенденций в составлении англоязычных терминологических словарей (ТС) в цифровую эпоху. Анализируется опыт создания печатных ТС, основанный на богатых исторических традициях английской лексикографии. Выделяются основные параметры печатных ТС, которые трансформировались в цифровые справочно-информационные проекты: лексикографическая форма глоссария, толково-энциклопедическая дефиниция, мультимедийные характеристики. Подчеркивается роль специалистов в качестве партнеров-экспертов при создании коммерческих ТС и участие пользователей в процессе создания ТС. На примере цифровых глоссариев ряда предметных областей (цифровизации автоматического контроля, робототехники и автоматизации производств) рассматриваются принципы построения англоязычных ТС для переводчиков и учебные ТС для студентов неязыковых специальностей, а также принципы построения словарных терминологических порталов.

Ключевые слова: цифровизация, терминография, терминологический, печатный, электронный словарь, предметная область, пользователь

Для цитирования: Карпова О.М. Англоязычная терминография в электронно-цифровую эпоху // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 184—191.

Анализ теоретических исследований и словарей различных типов, созданных английской лексикографией за многие века существования, позволяют сделать следующие утверждения о сути словарей:

- словари создаются людьми и отражают в них идеи составителя, причем лексикограф-эксперт должен выступать в качестве главного менеджера и редактора всего лексикографического процесса;
- словари используются разными целевыми группами пользователей и должны отражать их запросы;
- словари — это продукты человеческого знания и технических достижений общества;
- словари — это интеллектуальные продукты, отражающие исторические факты и культуру, в которой они существуют;
- словари являются частью большого бизнеса, предназначены для продажи и подчиняются юридическим законам, которые необходимо учитывать при создании любого лексикографического продукта;

Если лексикографы, антропологи, терминологи, культурологи и т. п. специалисты будут учитывать перечисленные выше моменты при составлении общих

и специальных словарей, успех словарного продукта гарантирован, поскольку сегодня люди обращаются к словарю не столько за правильным произношением, правописанием и т. д., но скорее ищут здесь культурные и экстралингвистические факты, особенности межкультурной коммуникации и проч. сведения [Shear 2024: 31—49].

Многообразие типов специальных словарей в английской лексикографии невероятно велико. Наряду с со словарями архаизмов, новых слов, сленга, диалектизмов, словосочетаний, фразеологизмов, языка писателей и политиков, литературных памятников, цитат и пословиц, англоязычная лексикография имеет в своем репертуаре многочисленные справочники терминов различных предметных областей из фундаментальных, естественно-научных и гуманитарных наук.

Терминография или *LSP lexicography* (в европейской терминологии) занимает самую большую группу справочников, представленных в форме глоссария, конкорданса, частотного и толкового словаря. Изучение принципов построения терминологических словарей (в дальнейшем — ТС) различных типов представляется особенно важным в период перехода от печатных к цифровым словарям.

Цифровое переформатирование облика словаря XXI века

По данным Европейской ассоциации лексикографов, к 2020 г. закончился период адаптации традиционной лексикографии к цифровым словарям. Однако сохранились мосты между поколениями: учет лексикографических традиций в цифровом мире, основанных на многовековом историческом опыте английской лексикографии, который необходимо знать и принимать во внимание при создании новых лексикографических LSP проектов [Карпова 2024: 59—71].

Как утверждает известный европейский лексикограф Ч. Роше в недавно опубликованной статье *Terminological resources in the digital age*, несмотря на привлекательность и устойчивое развитие онлайн лексикографии, в англоязычном информационном мире продолжают создаваться печатные ТС различных типов [Roche: 139—143]. Их главная инновационная черта состоит прежде всего в том, что большинство из них основано на **языковых электронных корпусах**, которые обеспечивают пользователя объективными примерами из современных источников (статей, монографий, патентов, инструкций и т. п.) и позволяют проследить терминологические инициативы как в традиционных, так и новых предметных сферах.

Использование средств цифровой лексикографии при создании новых моделей англоязычных ТС, основанных на свободе доступа и практике продвижения на рынке лексикографических услуг, а также активизации роли пользователей в качестве не только комментаторов и критиков справочников, но и лексикографов-любителей, позволяет усилить влияние справочно-информационных проектов на развитие лексикографических инноваций, поскольку роль словарей в настоящее время заметно возрастает. Причем при всей привлекательности цифрового словаря печатный формат не отрицается, а сохраняется и постоянно совершенствуется. Так, например, оформление или *дизайн* печатного ТС, представляющего собой материальный продукт, играет решающую роль при выборе пользователя. В традиционном справочнике такого рода отражается богатый опыт использования различных средств полиграфической семиотики при оформлении мега-, макро- и микроструктуры ТС, начиная от разнообразных шрифтов для обозначения информационных категорий словарной статьи (помет, дефиниций, вербальных примеров) и различных цветовых обозначений, заканчивая такими инновационными параметрами, как графические схемы, диаграммы и т.п. средства, наглядно иллюстрирующие суть

процессов и явлений. Все эти технические средства дают возможность пользователю получить всестороннюю справку о термине или терминологическом словосочетании в его живом функционировании.

Особенно ярко эти приемы полиграфической семиотики используются в авторитетных издательствах Оксфорда и Кембриджа, таким образом обеспечивая востребованность их справочной продукции на рынке лексикографических услуг. Примером таких англоязычных ТС могут служить специальные справочники финансовых, экономических и бизнес-терминов, которые публиковались в авторитетных издательствах Оксфорда, Кэмбриджа и Лонгмана [Карпова 2023: 100—120]. Причем стоимость бумажных словарей изначально была довольно высокой, вес справочника обычно превышал один килограмм (а иногда и больше, если был многотомным изданием), что давно привело лексикографов к мысли об изменении бумажного формата ТС в пользу его электронного формата.

В дизайне цифровых англоязычных ТС важную роль, безусловно, играют *интерфейс словаря* (его визитная карточка) и многообразные мультимедийные аудио- и видео- материалы, представленные в микроструктуре. По опросам пользователей, именно видеоматериалы значительно облегчают понимание многих терминов, процессов и технологий, в первую очередь промышленных отраслей (судостроения, авиастроения, автомобилестроения, морского, военного дела, нефтепереработки и т. п.).

Другой особенностью печатных ТС цифровой эпохи является *лексикографическая форма*, в которой представлены справочники. Это, главным образом, — *глоссарий*, который прошел долгий путь развития в английской национальной лексикографии от словарей трудных слов до справочников с развернутой системой помет (грамматической, этимологической, стилистической, хронологической, территориальной и т. д.) и толково-энциклопедическим толкованием значения. Важно отметить, что сегодня именно глоссарий избран большинством составителей печатных и цифровых ТС не только английского, но и других языков, включая русский, как основная лексикографическая форма из-за толкования, которое прежде всего ищут читатели в ТС.

Примерами могут служить глоссарии разных сфер деятельности: *Изменение климата и сохранение биоразнообразия. Глоссарий терминов* [Липка, Андреева и др.], *Англо-русский терминологический словарь-справочник для студентов специальностей «Автомобильные дороги», «Мосты, транспортные тоннели и метрополитены»* [Парменова, Муха], *Англо-русский и русско-английский словарь основных фармацевтических и фармакопейных терминов* [Англо-русский...] и многие другие.

И, наконец, типичной характеристикой как печатных, так и электронных ТС цифровой эпохи стал *комбинаторный характер организации словника* — алфавитно-идеографический, позволяющий получить любую справку, благодаря категориальным индексам, где термины распределены по понятийным группам для удобства читателя (явления, процессы, деятели, эксперименты и т. п.). Причем цифровой формат ТС также позволяет использовать этот принцип организации словника для ускорения получения справки в ТС. Более того, необходимо отметить, что цифровая реальность нередко обеспечила современным читателям бесплатный доступ к новым англоязычным электронным справочно-информационным проектам, сделав их более привлекательными и доступными для различных целевых групп пользователей.

Необходимо отметить тот факт, что на современном этапе интенсивно развивается *коммерческая лексикография*, а также приветствуется волонтерское

участие любителей в составлении ТС. В связи с этим недавно вышло руководство для непрофессиональных лексикографов *Как правильно составить ТС* [Как правильно...], где подробно рассматриваются особенности построения мега-, макро- и микроструктуры печатных ТС; их типология; правила подготовки терминологических глоссариев; схема формирования ТС при написании научной работы; а также типичные ошибки составителей при создании бумажных ТС. Следует отметить, что частично эти рекомендации можно применить и при создании электронных ТС. Однако цифровые проекты имеют свою архитектуру.

Принципы построения цифровых лексикографических проектов

Обратимся к анализу архитектуры наиболее востребованных международными пользователями цифровых ТС. Следует отметить, что изначально типичной лексикографической формой англоязычного электронного ТС также был избран глоссарий, получивший развитие в традиционной англоязычной терминографии и прочно закрепившийся в цифровой лексикографии. Так, например, *Glossary of Digital Terminology* [Glossary of Digital...], включающий около 300 базовых и новых терминов (*Digital cheating, Gamification, Mobile learning* и т. д.), по данным окулографии, сегодня является наиболее часто запрашиваемым ТС. Термины расположены в алфавитном, типичном для цифровых глоссариев порядке: A | B | C | D | E | F | G | I | L | M | O | P | S | T | V | W |. Нажав на любую букву, пользователь получает необходимую информацию как о термине, так и терминологическом словосочетании:

Digital cheating

Cheating is any action, which is intended to enable a student to achieve an unfair academic advantage or to assist another student to do so. This includes, for example, plagiarism, collusion, use of 'contract cheating' services, examination cheating (for example, through accessing unauthorised materials in an exam), or falsification of research data. Digital cheating is cheating which occurs in a digital environment. Some forms of cheating may be more likely to occur in a digital environment where digital mechanisms may make them more easily accessible, although conversely digital mechanisms are used to assist in detecting cheating (for example, through anti-plagiarism software and digital proctoring).

Как видно из примера, автор этого глоссария (как и большинство авторов других ТС) отдает предпочтение толково-энциклопедической дефиниции, намеренно опуская все виды помет (кстати, в угоду пользователю, стремящемуся в первую очередь получить толкование значения термина). Причём такая дефиниция позволяет понять не только значение, но и само понятие, которое обозначается термином.

Подобно этому справочнику построен глоссарий *Terminological Dictionary of Automatic Control, Systems and Robotics* [Terminological Dictionary...], предлагающий пользователю основные концепты автоматического контроля и робототехники, которые обслуживаются новыми англоязычными терминами, стремительно пополняющими этот справочный ресурс в связи с постоянными инновациями в сфере новых технологий: *automatic control, mathematical modelling, simulation of dynamic systems, automation technology, robotics, signal processing* и т. д.

Необходимо отметить еще одну инновационную черту этого глоссария, присущую англоязычным цифровым ТС, особенно привлекающую современных пользователей. Это *открытый словарь*, который постоянно пополняется новыми отраслевыми терминами, а сам справочный ресурс служит надежным инструментом не только для переводчиков, но и для студентов, изучающих эти специальности.

Следует подчеркнуть, что с развитием новых информационных технологий и применением искусственного интеллекта (ИИ) при создании цифровых ТС наряду с глоссариями появились более информативные англоязычные *терминологические порталы* (ТП) [Klosa-Kückelhaus] и другие цифровые справочно-информационные проекты [Finegan, Adams].

Основные особенности их построения состоят в том, что здесь собраны либо все существующие типы ТС различных предметных областей, либо справочники только одной сферы деятельности. Примером последней служит многоязычный портал *Electropedia* [Electropedia], в котором собрано более 22 тысяч терминов электротехники и электроэнергетики на основных европейских языках, что позволяет специалисту или обычному пользователю получить полную современную картину данной терминосистемы. Более того, вся терминосистема базируется на родственных подсистемах: *electrochemistry, electromagnetism, circuit theory, polyphaser systems and circuits* и т. д., что позволяет классифицировать электротехнические термины по классам и подклассам для удобства пользователя. Такое расположение терминов разных предметных областей обычно представлена и на других ТП.

Среди авторитетных терминологических порталов особо выделяется *LSP Dictionary Free Online* [LSP Dictionary...]. Этот справочный ресурс дает информацию о ТС по любой предметной области, которую пользователь набирает в поисковой строке, например, электротехника, страхование, искусство, туризм, биология и т. п. Портал немедленно предоставляет все англоязычные ТС, которые имеются по данной теме. Нажав на название любого ТС, пользователь немедленно получает подробную информацию о принципах построения запрашиваемого справочника. Этот справочный ресурс стал наиболее востребованным по данным окулографии — программы, отслеживающей частоту обращений международных пользователей к определенному лексикографическому продукту.

Диссертационные исследования

Рассматривая особенности формирования современных англоязычных ТС, необходимо отметить большую активность отечественных лексикографов в разработке моделей печатных и электронных одноязычных и особенно двуязычных (англо-русских) ТС различных сфер деятельности. Достаточно назвать недавние диссертационные исследования по английской спортивной терминологии Н.Н. Бобыревой «Антропонимическое пространство спортивного дискурса: структурно-семантический и функционально-стилистический аспекты» [Бобырева], в котором представлен ряд словарей терминологии гимнастики и фигурного катания и англоязычной терминологии изобразительного искусства, и А.А. Касариной «Англоязычные авторские термины изобразительного искусства: роль в терминологической системе и функционирование в разных типах дискурса» [Касарина].

Не менее значимыми представляются и диссертации, посвященные изучению параллельных терминосистем, например, «Тезаурусное моделирование как метод выявления терминологической асимметрии в английском и русском языках (на материале судостроительной терминологии)» Е.В. Виноградовой [Виноградова] и «Семантическое поле «Цифровая экономика» (на материале русского и английского языков конца XX — начала XXI века)» О.А. Калугиной [Калугина]. Анализ этих исследований показывает новые характеристики ТС, основанных не только на глоссариях, но и тезаурусах, которые также завоевали свое прочное место в современной терминографии, благодаря удобному идеографическому принципу подачи терминологического материала.

Таким образом, обзор новых англоязычных терминологических ресурсов, составляющих важную часть специальных справочников, показал, что в цифровой ре-

альности сохранился многовековой исторический опыт создания словарей такого типа. Английские ТС прошли долгий путь от печатного к цифровому формату, применяя в архитектуре справочных ресурсов новые информационные технологии и искусственный интеллект. Авторами большинства моделей цифровых ТС и терминологических корпусов и порталов стали специалисты, которые выступают сегодня не только в качестве консультантов, а скорее партнеров по созданию инновационных ТС, развивающих коммерческую лексикографию, выполняющую заказы по составлению ТС новых сфер деятельности. Причем важную роль в этой деятельности играют отечественные ученые, представляющие ТС в своих диссертационных исследованиях.

Новые черты электронных ТС нового поколения включают:

- свободный доступ к справочному ресурсу;
- лексикографическую форму глоссария и тезауруса;
- открытый словник;
- категориальный индекс;
- удобную маршрутизацию информационного поиска.

Эти параметры направлены прежде всего на удовлетворение нужд различных целевых групп пользователей: студентов, переводчиков, специалистов, которые нередко принимают партнерское участие в процессе создания ТС различных предметных областей.

И, наконец, в заключение следует отметить, что для лексикографического сообщества насущно необходимо восполнить информационный пробел в виде каталога (или Руководства для пользователя ТС), в котором следует собрать сведения о национальных лексикографических коллективах, исследовательских центрах и авторитетных издательствах, которые занимаются составлением англоязычных ТС различных типов.

Список источников

- Англо-русский и русско-английский словарь основных фармацевтических и фармакопейных терминов / отв. ред. Т.Е. Толстихина. М.: Лаборатория знаний, 2022. 178 с.
- Как правильно составить ТС. URL: <https://disshelp.ru/blog/kak-pravilno-sostavit-terminologicheskij-slovar-poshagovaya-instruksiya-s-obraztsami-i-primerami/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Парменова Л.А., Муха О.Ю. Англо-русский терминологический словарь-справочник: пособие по английскому языку для студентов специальностей 1-70 03 01 «Автомобильные дороги», 1-70 03 01 «Мосты, транспортные тоннели и метрополитены». Минск: БНТУ, 2015. 55 с.
- Electropedia. URL: <https://www.electropedia.org/> (accessed: 20.05.2025).
- Finegan E., Adams M. The Cambridge Handbook of the Dictionary, Cambridge: Cambridge University Press, 2024, 826 p.
- Glossary of Digital Terminology. URL: <https://digitaleducation.lincoln.ac.uk/resource-shub/glossary-of-digital-terminology/> (accessed: 20.05.2025).
- LSP Dictionary Free Online. URL: <https://www.ats-group.net/dictionaries/dictionary-lsp.html>. (accessed: 20.05.2025).
- Terminological Dictionary of Automatic Control, Systems and Robotics. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-35755-8> (accessed: 20.05.2025).

Список литературы / References

- Бобырева Н.Н. Антропонимическое пространство спортивного дискурса: структурно-семантический и функционально-стилистический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 60 с.
- (Bobiriova N.N. Antroponimic space of the sport discourse: abstract of the dis. ... Doctor of Sciences (Philology), Kazan, 2022, 60 p. — In Russ.)

- Виноградова Е.В. Тезаурусное моделирование как метод выявления терминологической асимметрии в английском и русском языках (на материале судостроительной терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2025. 26 с.
(Vinogradova E.V. Thesaurus modelling as a method of defining terminological asymmetry in Russian and English languages with special reference to the shipbuilding terminology: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Tumen, 2025, 26 p. — In Russ.)
- Калугина О.А. Семантическое поле «Цифровая экономика» (на материале русского и английского языков конца XX — начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2025. 22 с.
(Kalugina O.A. Semantic field “Digital Economy” (on the material of Russian and English languages of the late XX — early XXI century): abstract of the dis. ... Doctor of Sciences (Philology), Volgograd, 2025, 22 p. — In Russ.)
- Карпова О.М. От традиционной к цифровой лексикографии (на материале англоязычных словарей) // Ученые записки НОПРИЛ. 2024. № 4. С. 59—71.
(Karpova O.M. From traditional to digital lexicography with special reference to English dictionaries, *Uchenie zapiski NOPRIL*, 2024, no. 4, pp. 59—71. — In Russ.)
- Карпова О.М. Современная картина английской терминографии // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 5. М.: Флинта, 2023. С. 100—120.
(Karpova O.M. Modern scene of English terminography, *Modern Germanic studies and Western European literature: collective monograph*, Moscow, 2023, pp. 100—120. — In Russ.)
- Касарина А.А. Англоязычные авторские термины изобразительного искусства: роль в терминологической системе и функционирование в разных типах дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2024. 22 с.
(Kasarina A.A. English author terms of visual arts: the role in the terminological system and functioning in different types of discourse: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 2024, 22 p. — In Russ.)
- Липка О.Н., Андреева А.П., Кокорин А.О., Мазнева А.В. Изменение климата и сохранение биоразнообразия. Глоссарий терминов. М.: ИГЛЭ, 2023. 134 с.
(Lipka O.N., Andreeva A.P. et al. Changing of the climate and keeping biodiversity. Terms glossary, Moscow, 2023, 134 p. — In Russ.)
- Klosa-Kückelhaus A. Internet Lexicography: An Introduction. *Lexicographica*. Series Major, Berlin: De Gruyter, 2024, vol. 164, 323 p.
- Roche Ch. Terminological resources in the digital age, *International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 2019, no. 25 (2), pp. 139—145.
- Shear A. Historical and Specialized Dictionaries. *The Cambridge Handbook of the Dictionary*, Cambridge: Cambridge University Press, 2024, pp. 31—49.

ENGLISH TERMINOGRAPHY IN THE ELECTRONIC-DIGITAL AGE

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The paper deals with the description of modern tendencies in the English LSP dictionaries compilation in the digital time. The author analyses historic experience of LSP reference works creation. The article enumerates the main parameters of printed LSP dictionaries, which has been transformed into digital lexicographic projects: the lexicographical form of a glossary, explanatory encyclopedic definition and multimedia characteristics. The author shows the role of experts as co-partners in the creation of commercial LSP works and user participation in the dictionary making process. The paper describes the architecture of English LSP dictionaries of digitalization, automatic control, robototechnics and automatic

industries for translators and learners LSP books for different specialties, as well as LSP portals principles of compilation.

Keywords: digitalization, terminography, LSP dictionary, printed, electronic dictionary, subject field, user

For citation: Karpova O.M. English terminography in the electronic-digital age, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 184—191.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@gmail.com, SPIN: 7480-0577

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 192—198.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 192—198.

Рецензия

УДК 81'374(049):004

EDN <https://elibrary.ru/wpniuk>

DOI: 10.46726/И.2026.1.23

НОВЫЙ МИР И ЦИФРОВАЯ ЭПОХА ЛЕКСИКОГРАФИИ.

Рец. на сборник: Internet Lexicography, ed. by A. Klosa-Kückelhaus, Lexicographica Series Major, 2024, vol. 164, 312 p.

Константин Михайлович Денисов,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия, merry-go-round71@mail.ru

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
olga.m.karpova@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на специальный выпуск международного лексикографического альманаха *Lexicographica Series Major*, опубликованного в 2024 г. и посвященного общим и частным проблемам киберлексикографии. Рассматриваются пути перехода от традиционной к цифровой лексикографии, способы лексикографирования в электронных словарях различных типов, классификации словарей нового поколения. Особое внимание уделяется описанию принципов построения словарных порталов и цифровых лексикографических проектов, а также новой терминологии киберлексикографии.

Ключевые слова: цифровая, киберлексикография, печатный, онлайн-словарь, словарный портал, дизайн, интерфейс словаря, цифровой аналог словаря, пользователь

Для цитирования: Денисов К.М., Карпова О.М. Новый мир и цифровая эпоха лексикографии. *Рец. на сборник: Internet Lexicography, ed. by A. Klosa-Kückelhaus, Lexicographica Series Major, 2024, vol. 164, 312 p.* // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 192—198.

Цифровая революция XX века полностью изменила порядок составления и практику использования словарей. Равно как и текстовые корпуса и мультимедиа, словарные структуры стали доступны в цифровом формате. Справочная информация стала обрабатываться с небывалой скоростью, сохраняться в невиданных объемах и передаваться мгновенно в мировой компьютерной сети по всему миру в неограниченных вариациях аудиовизуальных форм. Лексикографы и пользователи словарей открыли новые возможности:

- поиск и исследование словарной информации, в частности посредством огромных текстовых корпусов, связанных с ней;
- автоматизированные системы создания словарного контента;
- совместное составление различных типов словарей в неограниченном и оперативном диалоге лексикографов-пользователей;
- снятие ограничений печатного формата.

В связи с новыми вызовами современной эпохи лексикографы всего мира включились в разработку теоретических основ и практических критериев создания

онлайн-словарей и информационно-справочных цифровых продуктов. Весомый вклад в разработку этой проблематики вносят немецкие и другие зарубежные исследователи, результаты деятельности которых представлены в рассматриваемом сборнике (в дальнейшем «книга»), опубликованном в специальном выпуске авторитетного международного лексикографического издания *Lexicographica Series Major*. Рецензируемая работа основана на более ранней немецкой публикации 2016 года «Kompendium Internetlexicographie» под редакцией Аннетт Клоза и Каролин Мюллер-Шпитцер. Английская версия 2024 года отличается расширенным кругом авторов и отражает новации в сфере интернет-лексикографии за прошедшие восемь лет.

История данных исследований по проблеме интернет-лексикографии началась в 2010 году по инициативе Немецкого исследовательского фонда (DFG) и проводилась коллективом авторов с 2011 по 2015 годы. Финансирование фонда позволило создать научное сообщество, воплотившее целый ряд ценных идей в реальные онлайн-справочники. Теоретические изыскания и их практические результаты были отражены в материалах конференций, симпозиумов и мастер-классов по проблемам электронной лексикографии в Европейской ассоциации лексикографов¹ и Электронной лексикографии². Авторы данной книги участвовали в нескольких проектах, таких как “eNel — European Network of e-Lexicography”³ и “ELEXIS — European Lexicographic Infrastructure”⁴, которые прочно вошли в современную практику лексикографических исследований и создания информационно-справочных продуктов.

Публикация и перевод этой книги стали возможными благодаря гранту, предоставленному Институтом германских языков им. Готфрида Вильгельма Лейбница (Мангейм) и Ассоциации Лейбница. Рецензированием данного издания и включением его в 164 дополнительный том Международного альманаха по лексикографии (*Lexicographica. Series Maior*) занимался представительный коллектив лексикографов во главе с Руфусом Ялмаром Гаувзом. Примечательно, что профессор Гаувз был активным участником международных школ-семинаров, проводимых в свое время под эгидой Ивановской лексикографической школы (руководитель — профессор О.М. Карпова).

В вводной части книги отмечается, что середина 90-х годов прошлого века была отмечена серьезным сдвигом в тектоническом плато лексикографии, когда массовое внедрение компьютеров способствовало появлению первых попыток создания онлайн-словарей. Появились альтернативные бесплатные интернет-справочники в обход известных престижных издательств. Они поначалу не могли сравниться с печатными словарями по качеству, но привлекли огромное количество пользователей, что обрушило объем продаж печатной словарной продукции.

Вначале крупные издательства не смогли выработать маркетинговую стратегию по отношению к данным новациям, равно как и академические издания не сразу смогли приспособиться к вызовам нового медийного пространства. Однако с течением времени появились цифровые аналоги (*dictionary counterparts*) авторитетных общих и специальных словарей европейских языков и их онлайн-версии, которые быстро завоевали читательскую аудиторию. Таким образом, как утверждают

---

¹ EURALEX: <https://euralex.org/conferences/>

² Electronic lexicography in the 21st century series: <https://elex.link>

³ COST Action IS1305, 2013-2017: <https://www.elexicography.eu>

⁴ Horizon 2020 project no. 731015, 2018-2022: <https://elex.is>

исследователи, к 2020 г. в мире завершился окончательный переход от печатных к цифровым словарям.

Многие лексикографы, увлеченные новой тематикой, увидели большие преимущества, предоставляемые цифровой средой и системой интернет как электронной информационной платформой для лексикографии. Тем не менее целый ряд сложных вопросов остается на повестке дня, особенно в связи с развитием искусственного интеллекта и появлением крупных языковых моделей (Large Language Models) в лексикографическом сообществе третьей декады XXI века.

Таким образом, данная книга вводит нас в мир возможностей и перспектив, которые сулит лексикографии цифровая эпоха Интернета. Акцент делается на нерешенных проблемах теории и практики интернет-лексикографии, но также и на перспективных путях решения этих проблем, которые нуждаются в обсуждении и внимании со стороны научного сообщества, нынешних и будущих лексикографов, преподавателей, лингвистов и программистов. Актуальные вопросы интернет-лексикографии рассматриваются в девяти главах книги.

Глава 1 «Технологический контекст для интернет-лексикографии» (The Technological Context for Internet Lexicography) содержит анализ технических требований и процедур, обеспечивающих создание и использование онлайн-словарей. Авторы данной статьи Питер Майер, Аксель Герольд и Франк Виганд поднимают и обсуждают вопросы регистрации (logging), присвоения уникальных идентификаторов (versioning), сохранения объектов в базе данных (persistence/identity), а также процессы обновления, изменения и удаления объектов.

Подробное описание названных процедур значительно упрощает понимание технических проблем, раскрываемых в последующих главах книги, касающихся технологии издания и редактирования интернет-справочников, путей доступа к лексикографическим данным и возможных подходов к исследованию перспектив использования лексикографических продуктов различными целевыми группами пользователей. Безусловной заслугой авторов главы является то, что они представили скрупулезную и понятную инструкцию, точнее сказать, путеводитель по миру цифровой лексикографии с точным обозначением, дефиницией и характеристикой всех новых достопримечательностей, так необходимых современному пользователю.

Авторы справедливо указывают на то, что изменение программы взаимодействия пользователя со справочной продукцией приводит к сдвигу когнитивной парадигмы в социальном аспекте лингвистического познания и формирования языковой компетенции, которые так важны при переходе от традиционной к цифровой лексикографии.

В Главе 2 «Типология интернет-словарей и словарных порталов» (A Typology of Internet Dictionaries and Dictionary Portals) Штефан Энгельберг и Ангелика Шторрер представляют систему критериев классификации онлайн-справочников, которые будут рассмотрены в последующих главах книги. Они детально анализируют типологические характеристики интернет-словарей, как специфические для среды интернета, так и выходящие за ее пределы. В данной главе также предлагается типология словарных порталов, включающих несколько интернет-справочников.

Поскольку вопрос о типологии словарей общепризнано считается основным в теории лексикографии, следует обратить особое внимание на терминологические инновации, приводимые авторами, и отражающие процессы гибридизации словарных типов в цифровом пространстве и их взаимодействие с онлайн-платформами и корпусами в связи с изменением научной лексикографической

парадигмы в электронно-цифровую эпоху, когда меняются традиционные параметры типологии словарей и вводятся новые характеристики цифровых справочников. Иными словами, расширяются рамки лексикографии и уходят в прошлое старые традиционные типы словарей, уступая место инновационным лексикографическим продуктам.

Глава 3 «Процесс лексикографирования» (The Lexicographic Process) содержит описание процедур подготовки и публикации интернет-словаря, словарного портала и централизованного лексикографического банка данных. Авторы главы, Аннетт Клоза-Кюкельхауз и Кароль Тибериус, разбирают детали процесса лексикографической цифровизации при создании интернет-словарей на конкретных примерах. Привлекает внимание подробное описание специальных программ составления онлайн-словарей.

После анализа программного обеспечения, поддерживающего процесс киберлексикографирования, авторами закономерно и обоснованно поднимается и обсуждается насущный вопрос развития лексикографических порталов и централизованных лексикографических банков данных. Авторы характеризуют лексикографирование как динамическое, четко фазированное явление, в процессе которого необходимо сочетать постоянное расширение, оперативность обновления контента и качество описания входных единиц. В плане верификации входной информации большое значение уделяется диалогу с пользователями как носителями языка, что выходит на передний план в современной лексикографической практике и предполагает непосредственное или косвенное участие самих пользователей в процессе составления словарей.

В **Главе 4 «Моделирование данных» (Data Modelling)** Аксель Герольд, Питер Майер и Франк Виганд рассматривают различные варианты решения задач концептуального моделирования мега-, макро- и микроструктуры интернет-справочника, которые существенно отличаются от принципов построения бумажных словарей. Авторы статьи проводят подробный анализ формирования структуры физических данных словарного тела и форматов его презентации (например, XML-документа).

Далее рассматриваются концептуально-семантические модели, пригодные для форматирования системной информации о параметрах входных единиц, и наконец, обсуждаются попытки стандартизации процессов моделирования данных для интернет-словарей, такие как *Инициатива по текстовому кодированию (Text Encoding Initiative, TEI)*. Интересным является отношение авторов к процессу моделирования словарных данных как к языковой игре (language game). Следует заметить, что подробный учет всех дескрипторов слова, проводимый авторами, особенно важен для таких языков, как английский, который характеризуется крайним аналитизмом грамматической структуры и наличием критического несоответствия написания и произношения слов.

Глава 5 «Структуры доступа и связей» (Linking and Access Structures) посвящена рассмотрению стратегий связности лексикографических данных и обеспечению непосредственного доступа к этой взаимосвязанной системе данных. В этой главе Штефан Энгельберг, Каролин Мюллер-Шпитцер и Томас Шмидт демонстрируют, каким образом лексикографическая информация в интернет-словарях может быть взаимосвязана и представлять собой ономаσιологическую и семасиологическую структуры, обеспечивающие доступ к искомым данным наряду с применением других методик поиска, например, инициально-буквенных (grapheme-based searches). При этом описанию различных путей маршрутизации информационного поиска в словарях через алфавитную и идеографическую организацию входных единиц отводится особое внимание.

Авторы наглядно и убедительно демонстрируют явные различия между печатными справочниками и их интернет-родственниками. Интернет-словари, к примеру, предоставляют более полный и оперативный доступ к синонимическому богатству лексикона через особые семаграммы, структурные и графические разновидности которых связаны, в частности, с частеречной принадлежностью слов, их деривационной палитрой и коллокативным потенциалом. При этом важным аспектом является и открытый словник многих цифровых словарей, позволяющий регулярно пополнять состав входных единиц новыми словами, главным образом сленгом, терминами и т. п.

В Главе 6 «Дизайн интернет-словарей» (The Design of Internet Dictionaries) Аннетт Клоза-Кюкельхауз и Франк Михаэлис делятся оригинальными идеями словарного дизайна, который нередко является решающим при выборе словаря пользователями, и анализируют основные различия между печатными и онлайн-справочниками. Авторы также выявляют зависимость дизайна от принципов ориентирования справочника на способы моделирования данных или характер пользователя. Подробно обсуждаются частные аспекты архитектуры интернет-словаря, такие как контент-центризм либо антропоцентризм (перспектива потенциального пользователя). Рассматриваются общие вопросы дизайна справочников и частные аспекты создания удобных поисковиков, включая подбор цветовых решений, шрифтов для обозначения разных информационных категорий микроструктуры, а также графические иллюстрации и мультимедийные характеристики заглавных слов.

Александр Гейкен и Лотар Лемнитцер в **Главе 7 «Автоматическое извлечение лексикографической информации» (The Automatic Extraction of Lexicographic Data)** исследуют различные способы извлечения информации о лексемах из электронных корпусов. Корпуса рассматриваются в качестве приоритетных сущностей в типологии возможных источников информации. В связи с этим данная глава посвящена детальному анализу вопроса о том, какие данные подлежат извлечению из корпусов для генерирования полноценной специальной лексикографической информационной картины. Пределы автоматических процессов в их современном состоянии критически обсуждаются авторами, в частности для того, чтобы наметить пути их желаемого усовершенствования и развития системы широкого доступа различных групп пользователей к самим первоисточникам словарной информации.

Как известно, в настоящее время перспектива потенциального пользователя является одной из основных тем, обсуждаемых международным лексикографическим сообществом. В этой связи весьма актуальной является **Глава 8 «Участие пользователя» (User Participation)**. Андреа Абель и Кристиан М. Майер объясняют, каким образом пользователи могут быть включены в процесс создания словарей. Авторы различают формы: прямого участия пользователей (поиск и предложение новых входных единиц), непрямого участия пользователей (обратная связь с лексикографами) и комплементарного участия (словарные блоги). Используя наглядные примеры из практики всех трех видов взаимодействия, они показывают их преимущества и недостатки, указывают пути их практического усовершенствования и демонстрируют их влияние на процесс создания, редактирования и обновления конечного лексикографического продукта.

Теме практического использования интернет-словарей посвящена **Глава 9** настоящей книги, которая носит название **«Исследование практики использования словаря» (Research into Dictionary Use)**. Каролин Мюллер-Шпитцер и Саша Вольфер рассматривают практическую пользу созданных интернет-словарей.

Авторы предлагают собственную методiku исследования опыта словарного использования, основанную на эмпирических данных социолингвистики, психолингвистики, социологии и целого ряда частных социально-ориентированных научных дисциплин. При этом основная часть работы вновь посвящена изучению портрета современного пользователя интернет-справочников — основного объекта и предмета содержания данной книги, проблеме выбора словаря для конкретных практических и исследовательских целей, а также междисциплинарному характеру современной лексикографии.

Каждая из перечисленных девяти глав снабжена списком специальной литературы по рассматриваемой проблематике, которая может быть весьма полезна специалистам в силу своей новизны и актуальности. В конце книги находится терминологический указатель, содержащий целый ряд авторских новаций, заслуживающих особого внимания читателей.

Он включает **новые лексикографические термины**: *human user, human centric, lexicographic portal, navigation, user centric, user generated, volunteer, etc.*; **новые направления в современной лексикографии**: *commercial, collaborative, lexicography for fun (recreational), volunteer, children's (kids') lexicography, reference science, etc.*; **инновационные типы словарей**: *apps-dictionaries, digital dictionary, embedded dictionary, extension dictionary, internet dictionary, language contact dictionary, travel dictionary, reference tools, etc.*; **термины корпусной и цифровой лексикографии**: *automatic extraction, dictionary counterpart, access route, access tools, information tools, corpus-based methodologies in dictionary making, corpus query system, digital platforms, digital corpora, domain, digital resource, link target, reference corpus, etc.* и многие другие единицы специальной лексикографической номинации.

В заключение следует отметить, что авторы данной книги с большой осторожностью относятся к перспективам взаимоотношений традиционной (печатной) лексикографической продукции и цифровых технологий лексикографирования. Опыт последних тридцати лет исследований показывает, насколько сложен и многогранен путь внедрения инноваций в традиционных областях человеческого познания. Тем не менее, авторы уверены, что данное вводное издание может служить документом, отражающим реальное положение вещей в области драматичного развития крупных языковых моделей и интернет-лексикографии середины 20-х годов XXI века, инновационной лексикографии, которая входит в мир безграничных цифровых возможностей и вызовов, что, несомненно, мотивирует ученых к поиску золотого стандарта качества и доступности лексикографической продукции нового поколения.

NEW WORLD AND THE DIGITAL ERA OF LEXICOGRAPHY.

Book Review: Internet Lexicography, ed. by A. Klosa-Kückelhaus,
Lexicographica Series Major, 2024, vol. 164, 312 p.

Konstantin M. Denisov

Russian University of Economics, Moscow,
Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The readers are presented with a review of a special issue of international journal *Lexicographica Series Major*, published in 2024 and devoted to general and special problems of cyberlexicography. The authors describe the ways of transition from traditional

to digital lexicography, problems of lexicographic treatment of the entries in electronic dictionaries of different types, classification of new generation reference works. Special attention is paid to the reference portals and digital projects architecture, as well as new cyberlexicographic terms.

Keywords: digital, cyberlexicography, printed, online dictionary, reference portal, design, dictionary interface, dictionary counterpart, user

For citation: Denisov K.M., Karpova O.M. New world and the digital era of lexicography. *Book Review: Internet Lexicography*, ed. by A. Klosa-Kückelhaus, *Lexicographica Series Major*, 2024, vol. 164, 312 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 192—198.

Статья поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Денисов Константин Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия, merry-go-round71@mail.ru, SPIN: 1884-8574

Denisov Konstantin Mikhailovich — Candidate of Sciences (Philology), associate Professor, Department of foreign languages № 2, Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru, SPIN: 7480-0577

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2026. Вып. 1**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 23.03.2026 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 16,2. 4,1 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год